

Помнишь, как шел
Ошалелый паяц
Перед шеренгой
На апельплац?
Тум-балалайка,
Шпиль, балалайка,
В газовой камере —
Мертвые в пляс.

ТУМ БАЛАЛАЙКА

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой и зови к бою!
... Пой, труба, не чуди
коленцами,
Пой, труба, чтобы сила
крепла,
И чтоб встали мы, как
в Освенциме,
Взявшись за руки —
среди пепла!

Все ли о том спето,
Все ли навек с болью,
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою?

антифашистская газета
ВОЛЬНЫХ ежеей

апрель—август 2000 г.

№ 15-16

А. Галич

Судьбы цыган в прошлом и настоящем

В номере:

- Материалы семинара
<Преследования цыган в прошлом и
настоящем>**
(доклады участников, материалы дискуссии) с. 2-22
- Памяти жертв
Бухенвальда — живая история** с. 22-23
- Крупнейшее звено Холокоста
К 60-летию лагеря смерти Освенцим** с. 24-26
- Из истории Сопротивления
Лиловые треугольники** с. 27-28
- Моя Чечня** с. 28-29
- Антифашистская хроника
Антифашисты против войны в Чечне** с. 30
- Правосилие** с. 31
- Политические предпосылки национализма
Анализ ситуации в Томске** с. 32
- Хроника** с. 33
- Живой смертник:
дело Мумии Абу Джамала** с. 34-35
- Киноревю
Сестры, или Баланс преемственности** с. 36-39
- Уроки эсперанто с юмором** с. 39
- Переписка** с. 40
- Что такое сексизм?** с. 41
- Хроника** с. 41-42
- Книжкино ревю** с. 43-44

Преследования цыган в прошлом и настоящем

8–9 мая обществом «Мемориал» и газетой «Тум-балалайка» при поддержке ассоциации «Холокост» и Цыганской общины Северо-Запада был проведен семинар «Преследования цыган в прошлом и настоящем». Материалы этого семинара легли в основу настоящего номера «Тум-балалайки», посвященного цыганам — жертвам насилия и дискриминации.

Семинар этот занял свое место в ряду последовательных шагов, предпринимаемых в связи с созданием музея Холокоста в Санкт-Петербурге, на пути к созданию полной и верной картины террора нацистов, направленного на уничтожение «неугодных» людей, групп, наций. О первом из этих шагов — семинаре «Кого считать жертвой» — мы уже писали в № 13 «Тум-балалайки».

Вторым шагом можно считать вечер, проведенный 20 февраля в зале РНО и посвященный ребенку — узнику концлагеря. В этой мемориальной встрече приняли участие три детских хора — цыганский (школьный ансамбль «Ветер поет»), еврейский (хор детского клуба имени Маневича) и польский ансамбль, связанный с обществом Януша Корчака.

Выступления детей были посвящены их ровесникам, узникам страшных нацистских лагерей: Дахау, Освенцима — Биркенау, Бухенвальда, Треблинки, Майданека... Невозможно перечислить все построенные в Германии, Польше, Прибалтике, Украине, Белоруссии, России лагеря, в которых жили и гибли миллионы детей, виноватых лишь в одном: они родились в еврейских и цыганских семьях.

Трогательно было услышать песни на цыганском языке и на идиш, исполняемые современными детьми из поколения неродившихся внуков тех детей, что погибли в середине XX века. Все-таки живы дети тех народов, которые нацисты пытались истребить до последнего младенца, и звучит речь их отцов и дедов.

В зале была создана маленькая фотовыставка: дети в полосатых робах, дети в лагерях.

Мария Григорьевна Ральникяйте, свидетель и неутомимый обличитель немыслимой жестокости нацистов, рассказала на вечере об опыте собственного детства, проведенного в гетто и концлагерях, показала довоенную фотографию своих брата и сестры, погибших маленькими в оккупированной нацистами Литве. Дети евреев и цыган уничтожались даже более беспощадно, чем взрослые. Память о них необходимо сохранить, боль потерь не должна быть оставлена лишь тем, кто сам прошел через этот ад. Хотелось бы верить, что вечера памяти детей-узников станут традицией, ценной и детьми и взрослыми, важным опытом восприятия и прошлого, и настоящего.

Развитию этой темы служил и семинар 8–9 мая, начавшийся с докладов о геноциде цыган при нацистах, об уничтожении, по одним данным, 700 тысяч, а по другим — более чем миллиона человек в Европе после того, как в 1939 году было принято решение об «окончательном решении цыганского вопроса». Серьезный и в то же время лирический доклад о своем вечно гонимом народе сделал Райко Джурич, приехавший на семинар из Берлина. Было пронизано болью и возмущением и выступление Анны Анфимовой из Москвы, рассказавшей о расстрелах цыган в Смоленской области: тогда были уничтожены целые деревни и колхозы. О подобных же событиях в Псковской и Ленинградской области рассказал председатель Цыганской общины Северо-Запада Николай Самулевич. Он с горечью говорил о забвении этой страницы истории Великой Отечественной войны, об отсутствии каких-либо памятников на братских могилах, куда зарыли тела сотен

расстрелянных нацистами цыган, о недостаточном внимании к судьбам цыган-ветеранов. Оказалось, что на Псковщине даже действовали цыганские партизанские отряды, но до сих пор материал об этом не собран, не воссоздана история цыганского сопротивления.

Тема несправедливого забвения роли советских цыган в борьбе с фашизмом звучала в докладе еще одного гостя из Москвы — Владимира Кутенкова. О судьбах выживших в 1940-е годы людей, об их положении в наши дни говорилось как 8 мая (Анна Анфимова привела слова одной цыганки, сумевшей в последнюю минуту выдать себя за русскую и тем самым избежать расстрела: «Лучше уж было погибнуть тогда, чем так жить теперь»), так и 9-го — в этот день все выступления были посвящены преследованиям цыган в настоящем.

Дмитрий Гомон (Киев) и Владимир Кутенков (Москва) рассказали о дискриминации цыган в прессе, о постоянных стереотипах, работающих на создание образа цыгана — маргинала и преступника. Общественные предрассудки ведут за собой и другие беды: цыган преследует милиция, у беззащитных людей вымогают взятки, цыган не принимают на работу, им отказывают в прописке, у детей возникают проблемы в школе и в других учебных заведениях. Все это еще больше

ухудшает положение и без того бедных, часто многодетных цыганских семей. О трудностях выживания в современных условиях не раз говорилось докладчиками из Петербурга и Москвы.

И все же страдания цыган в России и в других бывших республиках СССР показались не такими страшными, когда Райко Джурич заговорил о гонениях на цыган в Центральной Европе. Он сразу выделил особенность положения цыган в таких странах, как Сербия, Косово, Албания, Румыния, Болгария, Чехия, Словакия: «Дискриминация в прессе — малая беда,

дискриминация государством — большая беда». Райко на этот раз говорил по-цыгански, а его увлеченные слушатели из тех, кто понимал язык, иногда забывали переводить тем, кто не понимал, поэтому мы уловили лишь общий смысл его речи. Вырисовывалась страшная картина: цыган выселяют из мест, где они прожили всю жизнь и построили дома, им отказывают в регистрации брака и рождения детей, ни за что могут бросить в тюрьму. В некоторых местах, например в Чехии, цыган пытаются изолировать в неких подобиях гетто или резерваций, в других, скажем в Косово, в отношении цыган производят настоящие этнические чистки. Участникам семинара была роздана московская газета «Лига наций», заголовок на первой странице которой гласил: «Геноцид в Косово — 150 000 цыган пропали без вести».

В завершение семинара был устроен круглый стол на тему «Педагогические вопросы: пути интеграции и сохранение языка и национальной культуры цыган».

В дискуссии приняли участие преподаватели петербургской школы № 466, где учится уже не первое поколение цыганских детей, активисты цыганской общины, студенты факультета народов Крайнего Севера РГПУ им. А. И. Герцена, члены общества «Мемориал», антифашисты. Был показан фильм об опыте специальных школ с нестандартным подходом к детям из цыганских семей, участвующим и их традиционный образ жизни, и частью путешествия. Потом участники семинара говорили о трудностях организации специальных курсов и учебных программ для преподавания цыганского языка, цыганской музыки, танца, обсуждали нехватку пособий, учителей.

Студенты РГПУ, представители малочисленных народов, рассказали о способах сохранения уникальных языков и культур Севера: нанайской, эвенкийской, чукотской, эскимосской, якутской и многих других — в школах-интернатах с факультативным преподаванием языков для детей, в чьих семьях эти языки живут; о возможности приспособления образовательных систем к особому образу жизни многих путешествующих народов; о перспективах получения высшего образования на этом факультете, специально созданном с тем, чтобы впоследствии студенты сами преподавали родной язык детям.

Все это служит интересным и вдохновляющим примером создания образовательных структур, помогающих сохранить культуру, не нарушив ее самобытности.

Важным итогом следует признать решение о взаимодействии школ, деятелей цыганской культуры и общественных организаций с целью создания цыганской школы-студии. Другим результатом работы семинара должно стать расширение экспозиции Санкт-Петербургского музея Холокоста за счет материалов о геноциде цыганского народа в нацистской Германии и оккупированных ею странах.

Организаторы семинара благодарят за участие всех докладчиков, сопредседателя общества «Мемориал» В. Э. Шнитке, И. С. Бердышева, а также Благотворительный фонд «Ева» и П. Ф. Менделевич за предоставленное помещение.

С. Святомиколов

Уничтожение цыган в Центральной и Восточной Европе

Недавно появилась «Энциклопедия Холокоста», и страдания рома — моего народа — и смерть полумиллиона цыган, убитых в Освенциме, Бжезинке, Треблинке, Белазеце, Бухенвальде, Дахау, Маутхаузене, Равенсбрюке, Ясеноваце и т. д., занимают в этой энциклопедии смерти гораздо больше места, чем в современных общих энциклопедиях — сведения об истории, общественной жизни и культуре рома со времени их появления по сей день. Вся история и современная жизнь моего народа фактически затмеваются его полностью доказанной и основательно документированной гибелью, дорогой страданий, начавшейся в 1934 г. в Дахау и ведшей через лагерь Марцан под Берлином в Освенцим — Бжезинку и так называемый цыганский лагерь...

Только за одну ночь со 2 на 3 августа 1944 года в крематории № 1 были умерщвлены около 4000 синти и рома, пишет автор книги «Забывтый Холокост» Кристиан Бернадац. 3 августа 1994 года в Освенциме отмечали пятидесятилетие начала массового уничтожения цыган. К нам, собравшимся на месте страданий наших матерей и отцов, поступили послания от тогдашнего президента Польши Леха Валенсы, от президента Чешской республики Вацлава Гавела, а также от папы Иоанна Павла II.

Когда я думаю об истории моего народа, передо мной встает образ Симона Луи, рома из Франции, который был заключенным в концлагере Бухенвальд. У Симона были татуировки, в том числе на пальцах, на спине, на плечах и на кистях рук. Когда комендант лагеря заметил это, он приказал содрать с Симона заживо кожу. Английские историки Холокоста, цыгане Дональд Кенрик и Граттан Паксон, описывают, как кожу содрали с тела Симона, обработали и обтянули ею затем письменный стол коменданта.

Когда я пытаюсь представить себе знаки и символы, вытатуированные на коже этого мученика, я не могу отделаться от мысли, что история моего народа подобна этой коже.

В группе, на которой ставил опыты доктор Менгеле, были два мальчика синти, братья Мехау. «Вина» этих детей состояла в том, что у них по генетическим законам один глаз был голубой, а другой карий — так называемая гетерохромия. Описано, как Менгеле вынул у детей глаза, а затем собственноручно убил их. Глаза этих мучеников, которые останутся открытыми, куда мы существуем на этой планете, и которые, как мне кажется, смотрят сейчас на нас, участников этой конференции, были посланы в лабораторию глазной клиники в Берлине.

Нет таких весов, которые могли бы измерить страдания народа. Единственная мера — правда и справедливость. Но мой народ оказался обойден правдой и справедливостью. Он страдал не только во время национал-социализма: в разных странах чудовищные жертвы понес он и от коммунисти-

ческих диктатур. В бывшем СССР в сталинские годы убивали цыган, в Румынии при Чаушеску их подвергали жестоким наказаниям, в бывшей Чехословакии цыганок подвергали насильственной стерилизации... Новая мрачная глава в истории рома началась в 1989 году: погромы в Румынии, убийства цыган в Чехии и Словакии, массовые преследования в бывшей Югославии, особенно в Боснии. Мой народ вошел в историю только как страдающий народ. Его жизнь, самое его физическое существование все еще носит печать смерти, страдания и мук, а не прогрессивных законов, социальной справедливости и демократии.

Законодательной базой для начала преследований цыган стал принятый в Баварии 16 июля 1926 года «Закон о борьбе с цыганами, бродягами и тунеядцами». По его образцу были ужесточены законы и в других регионах. Следующим этапом стал период с 1935 по 1938 год, когда полиция и ведомства социального обеспечения во многих городах стали помещать синти и рома в лагеря принудительного содержания, зачастую обнесенные колючей проволокой, и подчинять их там строгому лагерному распорядку. Так, 16 июля 1936 года в связи с Олимпийскими играми синти и рома Берлина были изгнаны за черту города и отправлены на участок, до того использовавшийся как поле орошения, — «цыганский лагерь Марцан».

Историки утверждают, что для создания лагеря Марцан не было законодательного обоснования. Это верно и вместе с тем неверно. Нацисты предпочитали не строить свой террористический режим на законах, а править посредством полномочий, указов, депеш. Приказ Гитлера об убийствах посредством эвтаназии был «полномочием», к тому же датированным задним числом. Точно так же обстояло дело и с марцанским лагерем: одновременно с изданием «Циркуляра имперского и прусского министра внутренних дел от 6 июня 1936 года о борьбе с цыганской напастью» имперский министр внутренних дел Фрик «уполномочил» начальника берлинской полиции провести «всеобщий день облавы на цыган». К началу Олимпийских игр гитлеровская партия хотела сделать Берлин «свободным от цыган».

Как и в случае с эвтаназией, акция по насильственному переводу берлинских синти и рома на оседлое существование началась еще до подписания указа. На клее земли между марцанским кладбищем, линией городской железной дороги и полями орошения уже в мае 1936 года имперская служба труда подготовила грунт для устройства «площадки для привала Марцан». «Площадка для привала» — придуманное нацистами кодовое название, вводящее в заблуждение своей безобидностью, созданное по тому же образцу, что и термины «предварительное заключение», «особая обработка», «выключение», «обработка газом».

Полицейский регистрационный формуляр, который синти Иоханнес Розенбах должен был заполнить на себя и своих троих детей на «площадке для привала Марцан», датирован 22 мая 1936 года, то есть на две недели опережает «полномочие» Фрика. Дочь этого человека, Агнес Штайнбах, говорила мне, что, когда их привезли, на площадке еще работали скреперы, выравнивавшие землю.

Через лагерь Марцан прошли как минимум 1500 синти и рома. Это был накопитель, первая станция на пути к уничтожению. Подавляющее большинство находившихся в нем были депортированы в мае 1943 года в лагерь уничтожения Освенцим — Бжезинка (Аушвиц — Биркенау), и лишь немногие выжили.

Если нельзя установить с точностью дату основания лагеря Марцан, то дату его ликвидации — тем более. Можно было бы предположить, что он перестал существовать с приходом Красной Армии и освобождением Германии от нацистского террора. Это не так! После крупной депортации в Освенцим в начале марта 1943 года в лагере Марцан осталось менее двух дюжин синти и лаллери. Кто мог, покинул лагерь после освобождения, но большинство как раз не могло этого сделать, потому что никакой помощи преследуемые цыгане не получили и от антифашистского режима ГДР. Хуже всего было то, что им не предоставляли жилья. И они оказывались перед выбором: либо вести бездомное бродячее существование, либо оставаться в лагере Марцан.

После бомбардировки в январе 1945 года от лагеря остались всего два разваливавшихся барака, построенных службой труда, а единственным каменным сооружением был полуразрушенный домик путевого обходчика у полотна городской железной дороги. Там синти Агнес Штайнбах родила в 1947 году дочь. Прошло еще два года, прежде чем она получила квартиру в Альт-Фридрихсфельде — тесную, с туалетом на лестнице, едва достойную человека. В формуляре пере-regистрации, датированном 13 января 1949 года, в графе «прежнее место жительства» значится «площадка для привала Марцан». Мало того, что власти ГДР четыре года длили жалкое существование «освобожденных цыган» в разваливающемся лагерном бараке: словно бы в насмешку соответствующая инстанция по-прежнему пользовалась нацистским кодовым названием «площадка для отдыха».

Агнес Штайнбах была помещена в лагерь 22 мая 1936 года и покинула его 13 января 1949 года. Таковы хронологические рамки истории первого крупного концлагеря, устроенного нацистскими властями специально для изоляции «расово чуждых» элементов. Почти 13 лет! Дольше, я полагаю, не просидел в нацистском лагере ни один немец, будь то коммунист, или еврей, или гомосексуалист. Лагерь Марцан задал планку — страшную планку.

16 мая 1938 года по приказу Гиммлера в берлинское управление имперского уголовного розыска было включено имперское управление уголовного розыска по борьбе с цыганщиной, образованное из службы информации по цыганам.

Тем самым завершилась первая фаза уничтожения цыган: создание псевдонаучного инструментария, селекция и концентрация в лагерях, а также создание централизованного и отлаженного аппарата для координации дальнейших преступных проектов в масштабах всего государства на всех административных уровнях.

Насколько известно на сегодняшний день, первым законом, прямо и непосредственно направленным против синти и рома, был циркуляр рейхсфюрера СС Гиммлера от 8 декабря 1938 года «О борьбе с цыганской напастью». В нем говорилось об «урегулировании цыганского вопроса исходя

из расовых принципов». В этом страшном деле сотрудничали полиция, чиновничий аппарат и «наука».

27 апреля 1940 года по приказу Гиммлера начались первые депортации синти и рома на территорию Польши — в трудовые и концентрационные лагеря, а также в еврейские гетто. Затем последовал приказ о принудительном переводе на оседлое положение польских цыган: их размещали в еврейских гетто, а имущество конфисковывали. Варшавское гетто стало для бесчисленных цыган промежуточной станцией на пути в Трешлинку. Многих рома даже не депортировали в концентрационные лагеря: облавы и экзекуции проводили на месте.

Почти во всех лагерях цыган содержали отдельно от людей прочих национальностей. В Майданеке, Белазеце и Собиборе было уничтожено бесчисленное их количество, никто не знает сколько, так как все происходило в герметически изолированных зонах.

Петля смерти все туже стягивалась вокруг рома и синти. Операции были спланированы и осуществлялись педантично. Из всех европейских пересыльных лагерей транспорты прибывали в Польшу. Второй по величине польский город Лодзь во время войны входил в состав райхсгау Вартеланд и назывался

Демонстрация 250 рома и синти перед Федеральной прокуратурой Германии. 1983 год

Литцманнштадт. Там находилось самое большое на завоеванных Германией территориях цыганское гетто, послужившее образцом для остальных. Оно было полностью изолировано от еврейского гетто. Первые партии заключенных поступили сюда осенью 1941 года, их транспортировкой руководил лично Адольф Эйхман. Всего прибыло 4996 цыган, в том числе 2689 (!) детей, — кельдераш, повари и синти, депортированные из лагерей на территории Австрии. Многие были уже крайне истощены, но кроме того страдали от жестокого обращения и болезней. Лагерь в Лодзи просуществовал почти два месяца. С 1943 года началось уничтожение: узников отправляли в газовые камеры лагеря Хелмно на Нере. В живых не осталось никого.

По лодзинскому образцу вскоре начала работать гораздо более крупная фабрика смерти: самым большим лагерем уничтожения для цыган был Освенцим — Бжезинка (Аушвиц — Биркенау).

16 декабря 1942 года приказом Гиммлера было предписано «отбирать по определенным критериям цыган-полукровок, цыган-рома и не имеющих немецкой крови представителей цыганских родов балканского происхождения и в ходе акции в течение нескольких недель поместить в концентрационный лагерь». В иерархии жертв геноцида было, таким образом, три ступени:

— первая, численно небольшая группа (около 300 человек) — «чистокровные» или же «хорошие в цыганском понимании полукровки». Они рассматривались как «наследие арийских предков» и должны были быть оставлены в живых для научных исследований; их предписывалось поселить под надзор СС между Бургенландом и Нойзидлерским озером;

— вторую группу составляли «социально адаптированные». Они подлежали стерилизации по достижении 11-летнего возраста;

— третья группа, согласно критериям гиммлеровского указа и инструкции по его выполнению, подлежала отправке в Освенцим. Причисление к ней происходило на основании риттеровских «заклучений» или произвольно.

Началась бюрократическая и организационная работа по депортации, в которой участвовали уголовная полиция, имперская железная дорога, ведомства социального обеспечения, труда, здравоохранения и по делам молодежи, а также коммунальные органы. Свидетелями выступали работодатели цыган, соседи и прочие.

Из 7000 официально зарегистрированных рома, живших в 1939 году на территории Богемии и Моравии, только 600 пережили Вторую мировую войну. Перед депортацией в Освенцим — Бжезинку половина чешских цыган в период с августа 1942 по август 1943 года была помещена в воспитательно-трудовые лагеря Леты и Годонин (Моравия), созданные чешским правительством за тринадцать дней до 15 марта 1939 года — дня, когда Гитлер аннексировал Чехословакию. После запрета на перемещения чешской полиции было приказано интернировать бродячих рома, а затем и оседлые цыганские семьи. Целью было исключить из общества рома, синти и другие элементы, якобы жившие по-цыгански. Согласно указу министерства внутренних дел, трудоустроенные рома и синти поначалу не подлежали депортации, но потом по так называемому «освенцимскому» указу Гимmlера от 16 декабря 1942 года и они были заключены в Освенцим.

Лагерь Леты подчинялся, в отличие от других концлагерей, не СС, а пражскому управлению уголовной полиции, министерству внутренних дел протектората и богемской территориальной администрации.

В 1943 году лагерь был ликвидирован, а в 1970-е годы на его месте была построена большая свиноферма. Неподдалеку от нее в мае 1995 года президент Чешской республики Вацлав Гавел открыл памятник жертвам. Свиноферма функционирует по-прежнему.

Уничтожение рома на территории бывшей Югославии

Во время Второй мировой войны на территории Югославии существовали 71 концлагерь, 329 следственных тюрем и прочих мест заключения. Кроме того, имелось большое количество трудовых лагерей, тяжелые условия жизни и работы в которых делали их неотличимыми от концентрационных. В 1941 году усташистским правительством Хорватии был построен в Лоньском Поле между Загребом и Белградом лагерь уничтожения Ясеновац. Территория площадью более чем 100 гектаров была обнесена с трех сторон стеной высотой в 3–5 метров, а с четвертой стороны естественной оградой служила река Сава. В памяти тех, кто выжил на ясеновацкой Голгофе, и в историческом сознании всех народов Югославии Ясеновац стал символом величайших преступлений и зверств, совершенных во время Второй мировой войны на территории «Независимого государства Хорватии». Несколько сот тысяч сербов, цыган, евреев и антифашистов нашли здесь свой конец в братских могилах. Точное число жертв Ясеноваца, к сожалению, не могло быть установлено, так как усташаи еще в начале апреля 1945 года уничтожили многие следы своих преступлений. По разным оценкам, погибло от 500 до 800 тысяч человек. Сколько из них составляли цыгане — неизвестно, тем более что перед уничтожением их зачастую даже не регистрировали. В общей сложности, по подсчетам историков, в хорватских лагерях погибло около 25 тысяч евреев и около 40 тысяч цыган.

В Сербии спустя 5 недель после установления марионеточного режима военные власти издали ряд постановлений, касавшихся примерно 150 тысяч сербских рома: их принуждали к регистрации и ношению желтых нарукавных повязок с надписью «цыган». В ходе облавы рома были согнаны со всех концов Сербии в концлагерь, где их заставляли работать. Тех из них, кто не попал в газовые камеры на месте, потом депортировали в Освенцим, Ясеновац и другие лагеря. Огромное количество цыган погибло в ходе массовых расстрелов. В отли-

чие от Польши и России, где для этого использовались специальные отряды из местных уроженцев, в Сербии расстрельные команды состояли из регулярных германских частей. Немецкий обер-лейтенант Вальтер писал об этих казнях следующее:

«Расстреливать евреев проще, чем цыган. Надо признать, что евреи идут на смерть с большим самообладанием — они стоят очень смиренно, — в то время как цыгане воют, кричат и непрерывно двигаются, уже стоя на месте расстрела; некоторые прыгали даже еще до залпа в яму и пытались притвориться мертвыми».

29 августа 1942 года, всего несколько месяцев спустя после «освенцимского» указа Гимmlера, глава сербской гражданской администрации констатировал в своем отчете, что Сербия явилась «единственной страной, в которой еврейский и цыганский вопросы решены».

Расследование геноцида рома началось лишь в середине 1980-х годов, во время процесса против Артуковича в Загребе. Подсчеты применительно к синти и рома зачастую ненадежны, так как многие из них не хотели фиксации своей этнической или национальной принадлежности. Сознывая, какие опасные последствия это могло повлечь для них в мире, где их не признают как национальную общность, они при всякой возможности записывались не цыганами, а сербами, хорватами, словенцами, мусульманами и т. д. В то время, когда создавалась программа уничтожения рома и сочинялись законы против них, многие цыгане по вполне понятным причинам не признавались в своем происхождении.

Это подтверждается множеством примеров, а также списком жертв Ясеноваца и других лагерей: упоминаемые в них семьи с фамилиями Циганович, Ромчевич, Коломпар, Лакатош, Райнхардт, Халилович и т. п. на самом деле не сербского, венгерского, словенского или мусульманского, а цыганского происхождения, но члены этих семей, точно так же как те, что имели фамилии Сайн, Сайнович и т. п., не рассматривались как рома или синти.

Неизученной остается судьба цыганских детей в Хорватии во время войны. Во многих докладах и документах констатировалось, что дети рома убивались немедленно. Их имена не регистрировались, как, впрочем, и имена многих родителей, но предполагается, что убито было как минимум 5–8 тысяч детей.

Уничтожение цыган на территории Румынии

С приходом к власти в 1940 году слабого и фашистского правительства генерала Иона Антонеску положение национальных меньшинств в Румынии ухудшилось.

В этой стране, бывшей союзницей Германии, имелись вполне конкретные планы решения «цыганского вопроса»: от насильственной ассимиляции до интернирования на землях за Днестром и стерилизации. Согласно «Реестру расовых качеств человеческого материала» была разработана теория малых шагов, предусматривавшая для разных групп рома дифференцированное применение этих вариантов. 8 июля 1941 года Антонеску произнес речь, в которой он призвал «искоренить» национальные меньшинства. Газета «Эроика» выступала за «приравнение цыганского вопроса к еврейскому», за устранение цыган из всех областей общественной жизни, за запрет браков с цыганами и заключение рома, ведших кочевой образ жизни, в трудовые лагеря.

Историки Кенрик и Паксон указывают на то, что практические мероприятия правительства свелись к изгнанию — правда, жестокому — цыган из нескольких районов страны,

Ремшайд, 1943 год.
Депортация рома в Освенцим

но уничтожения их по собственной инициативе румынские власти не планировали.

С востока страны по приказу Антонеску были депортированы в 1942 году около 90 тысяч цыган. Напрасно некоторые рома пытались продемонстрировать свою лояльность по отношению к правительству, показывая, например, свастику на одной из своих газет, ссылаясь на свою христианскую веру и антикоммунистические убеждения.

Во время депортации делалось различие между племенными группами. Настроенные лояльно к монархии рома из Всеобщего союза цыган Румынии немедленно отправлялись на Восточный фронт. Другая часть рома, преимущественно корторара, попадала прямо в лагеря смерти в Приднестровье. Там они два с половиной года ютились в землянках, покрытых чем попало, питались последними запасами и сопротивлялись жестокому холоду и голоду. К концу войны поступил приказ об их уничтожении. Нерасторопность охраны и приближение фронта позволили некоторым рома остаться в живых.

Согласно данным румынской комиссии по расследованию военных преступлений, погибло 36 тысяч цыган. Страдания рома в годы фашизма отражены в романе Захарии Станку «Пока горит огонь».

Число рома и синти, погибших в концлагерях и расстрелянных отрядами СС, достигло в Европе к концу войны полу-миллиона.

Характер, интенсивность и особенности преследования цыган были различными в разных регионах Европы, но целью всегда была их смерть. Было несколько стран, где население и правительство защищали рома и синти (Болгария, Босния) или где преступникам помешал конец войны (Греция, частично Румыния).

Рома и синти умерли — убийцы остались живы

Изучение документов времен национал-социализма неопровержимо показывает, что Немецкое исследовательское общество (Deutsche Forschungsgemeinschaft, DFG) несет ответственность за помощь в геноциде рома и синти. Оно непосредственно поддерживало псевдонаучные исследования, ставшие фундаментом для истребления народов. Испуления этой вины, например в виде поддержки исследований, посвященных данной странице истории, до сих пор не произошло. Это касается и других институтов и организаций, ставших правопреемниками нацистских учреждений.

Высокопоставленные преступники после войны вновь заняли важные посты, например специалисты по расовой теории доктор Риттер и Ева Юстин.

Риттер был специалистом по медицине и психологии. Мировоззрение его было весьма националистическим. Очевидно, в качестве детского психолога он работал в «Гитлерюгенд». Он создал себе имя, опубликовав в 1936 году исследование, в котором прослеживал родословную людей, считавшихся бродягами и ворами, до десятого поколения. Между 1936 и 1942 годом он проводил с небольшим штатом сотрудников исследования в Швабии, изучая родословные «бродяг, туняццев и обманщиков» из «расово чуждых и полукровок — цыган, евреев» и называя это «биологией бастардов». Работы эти финансировались DFG, так как Риттер получил рекомендации ведущих специалистов по расовой гигиене.

В 1936 году он был назначен директором вновь созданного отдела расовой гигиены и биологии населения имперской службы здравоохранения. Когда по результатам его исследований о цыганах в 1941 году против этого национального меньшинства стали приниматься практические меры, Риттер встал во главе нового Криминально-биологического института при полиции безопасности, размещавшегося в помещении V отдела Главного управления имперской безопасности (RSHA).

Из 40 тысяч германских и австрийских цыган, зарегистрированных группой Риттера, убиты были 25 тысяч. Из документов можно сделать вывод о тесном сотрудничестве его с Гиммлером.

Роберт Риттер не был осужден как военный преступник, хотя он принимал живейшее участие в подготовке геноцида. До своей смерти в 1951 году Риттер руководил Домом ухода за нервно- и душевнобольными во Франкфурте.

Не была осуждена также Софи Эрхардт, которая в 1939–40 годах проводила антропологические исследования на цыганах в Восточной Пруссии, а в 1940 году — на евреях из лодзинского гетто и в лагере Заксенхаузен. Свои исследования по расовой биологии цыган она продолжала до 1981 года.

При поддержке Немецкого исследовательского общества работал в Австрии, присоединенной в 1938 году к Германии, доктор Карл Моравек. Он написал диссертацию «К расовой характеристике бургенландских цыган» и был главным специалистом по цыганам в Австрии. Он неукоснительно следовал расовой идеологии НСДАП, членом которой был с 1933 года. Будучи офицером СС, он, вероятно, погиб на фронте в 1943 году.

Следует назвать еще несколько лиц, не понесших наказания в качестве военных преступников и продолживших карьеру после войны:

Йозеф Айхбергер — офицер СС, организовывал депортацию цыган на посту директора службы по делам бродяг при баварском управлении уголовной полиции;

Пауль Вернер — штандартенфюрер СС, автор плана депортации мая 1940 года, до середины 1960-х годов был чиновником в правительстве земли Баден-Вюртемберг;

доктор Ганс Глобке — специалист по административному праву, комментатор Нюрнбергских расовых законов. При Аденауэре занимал высокие государственные посты, в том числе руководил ведомством федерального канцлера.

Нацизм показал, как ложь превращалась в открытие, безмие — в научную систему, и все это в целях планомерного уничтожения людей — от плода во чреве матери до ребенка только начинающего говорить или делающего первые шаги от того, кто только погружается в свой первый сон, до того, кто лежит на смертном одре.

Нацизм показал, что ад в человеке неистребим, что у безчеловечности может быть большое будущее. Так, например, Оберварте (Австрия) три года назад от рук неонацистов погибли Эрвин Хорват, Карл Хорват, Петер Саркёси и Йозеф Симон. Они стали новым крестом, с которого провозглашалась правда: неонацисты убивали цыган!

Когда я размышляю об истории рома, перед моим взором всегда встает узник Бухенвальда Луи Симон. Когда я листаю еще не написанную историю, в которой имена рома стоят на знаках на циферблате часов смерти, мне кажется, я слышу, как разговаривают Симон из Бухенвальда и Симон из Оберварта.

— За что тебя убили? — спрашивает Симон из Бухенвальда.

— Я не знаю! — отвечает Симон из Оберварта. — Можешь быть, ты узнал правду?

— Нет. Прежде, чем убить нас, они убили правду о нас, говорит Симон из Бухенвальда.

Кто убил их? Как и во имя чего? Ответ на эти вопросы надо искать вместе.

Эксперименты над рома в «Институте расовой гигиены»

Судьба цыган в период нацистского террора

Приход Гитлера к власти в Германии означал победу крайнего национализма. Германия тогда была практически моноэтническим государством, с двумя крупными национальными меньшинствами: евреями и цыганами. Один этот факт диктовал идеологам расовой исключительности выбор первых мишеней для преследований. Так называемые «Нюрнбергские законы», принятые 15 сентября 1935 года, объявляли еврейский, а вслед за ним и цыганский народ расово чуждыми группами.

В идеале этническая карта Европы представлялась вождям Третьего рейха вовсе без цыган. Поначалу, не зная о коротком сроке, отпущенном им историей, фашисты склонялись к методам, растянутым лет на шестьдесят-семьдесят. Немецкие врачи в конце тридцатых годов отработывали методы стерилизации. Тогда избавление от цыган замышлялось бескровным: медленная казнь не должна была привлечь к себе особое внимания и сочувствия. Ее трудно было бы заметить со стороны, поскольку конкретным людям позволено было бы дожить свой век (принося при этом пользу рейху). Несмотря на то, что нацистская пропаганда всячески муссировала миф о «преступном народе», немецкие цыгане-синти к середине XX века уже стали составной частью общества. Они торговали в магазинчиках, выступали в цирках, работали в мастерских и даже в государственных учреждениях; их дети учились в школах, юноши служили в армии, получая за храбрость железные кресты.

В среде национал-социалистического руководства до самого конца Третьего рейха боролись две точки зрения на пути решения «цыганского вопроса». Выбор стоял между стерилизацией и физическим истреблением. Однако, до принятия окончательного решения, проводились подготовительные действия, необходимые и для того, и для другого пути. Цыган Германии брали на учет с тем, чтобы никто не избежал общей участи. В 1936 году при министерстве здравоохранения был основан центр по изучению цыганской проблемы (получивший вскоре название Центра расовой гигиены). Картотека первоначально включала только 19 000 имен, причем часть данных устарела, поскольку некоторые люди уже покинули страну. Таким образом, немедленное начало репрессий означало бы, что половина диаспоры имела шанс спастись путем подделки документов, перехода границы и т. д. Выявление всех цыган Германии было поручено доктору Риттеру, и он со своим аппаратом справился с поставленной задачей. К февралю 1941 года Р. Риттер имел 20 000 карточек, а к весне 1942 года на учете было уже 30 000 человек. Основным методом был допрос обо всех родственниках — так составлялась подробная генеалогия. Если цыгане отказывались называть имена, им грозили концлагерем или стерилизацией. Над уточнением данных работала полиция, опрашивались соседи. На учет были взяты даже цыгане, служившие в вермахте, авиации и на флоте, а также дети в приютах. Была составлена статистика, учитывающая этнический фактор: помимо синти в отдельных графах были указаны повари, кэлдэары и представители других цыганских групп, проживающих в пределах рейха. После поражения нацизма кабинетные ученые избежали ответственности, солгав, что не знали окончательных целей своей работы.

Итогом карательной политики была гибель более чем полумиллиона европейских цыган и стерилизация многих тысяч цыган, принадлежавших к молодому поколению. Нацисты действовали по трем направлениям:

1. Стерилизация (которая началась во второй половине 1930-х годов).
2. Казни на оккупированных территориях (которые шли с 1941 года).
3. Истребление в концлагерях (начавшееся весной 1943 года).

Таким образом, геноцид против разных групп цыган имел разные формы и проводился не одновременно. Исходя из этого мы будем рассматривать по очереди отдельные направления преступной нацистской политики. Следует особо подчеркнуть, что цифра 250–500 тысяч погибших, фигурирующая сейчас в специальной литературе, неточна. Сводя данные по разным странам, историки пользовались самыми приблизительными и, по их же признанию, заниженными оценками. Приведем лишь один пример. В цыганологических исследованиях (Д. Кенрик, В. Рюдигер и др.) потери цыган Латвии оцениваются в 2 500 человек. И везде дается ссылка на единственный источник — мемуары Я. Кохановского, уроженца Латвии, который жил во Франции со времен войны и не имел возможности дополнить личные воспоминания какими-либо данными архивов, воспоминаниями других цыган и т. д. Можно ли всерьез воспринимать статистику, основанную на столь фрагментарных фактах?

В первые послевоенные десятилетия сохранялся шанс на то, что данные будут уточнены. Еще были живы свидетели геноцида — как цыгане, так и местные жители. За этот период была проведена огромная работа по увековечению памяти жертв фашистского террора — евреев по национальности. Это не удивительно: евреи отличались более высоким уровнем образования; исследование Холокоста стало делом чести вновь появившегося государства Израиль; наконец, богатая еврейская диаспора в различных странах мира финансировала работу историков и выпуск литературы. В результате в фондах московских библиотек нам удалось обнаружить сотни специальных исследований, посвященных геноциду евреев, и только три книги о геноциде цыган. С горечью приходится констатировать, что цыганская трагедия осталась не замеченной миром: шанс достойно увековечить память погибших цыган уже упущен. В современном мире нет ни научных сил, ни организационных структур, ни финансовых средств на то, чтобы оценить хотя бы масштабы

фашистских преступлений. Уже через два-три десятилетия преуменьшенное число погибших цыган будет фигурировать в литературе в качестве окончательных выводов исторической науки — без всяких скидок на его вопиющую приблизительность.

Стерилизация

Предложение о принудительной стерилизации как методе решения цыганского вопроса внесли немецкие врачи-расисты Роберт Риттер и Ева Юстин; они же отработали методику. В конце тридцатых годов были прооперированы первые жертвы, а далее процесс пошел по нарастающей. Стерилизация проводилась прежде всего по отношению к цыганам Германии, поскольку это выглядело менее варварским действием, чем уничтожение. Даже когда в 1943 году цыган начали истреблять в концлагерях, инерция первоначально принятого метода была очень велика. К 1944 году относится, например, свидетельство одной полячки, которая была вывезена на принудительные работы в Восточную Пруссию. Она рассказывает, что гестаповцы привезли в больницу молодого цыгана и двух цыганок семнадцати и четырнадцати лет, которые говорили по-немецки и занимались крестьянским трудом. После операции и уколов у них была очень высокая температура, зато задача была решена: им суждено было навсегда остаться бездетными. Стерилизация проводилась не только в госпиталях, но и в концлагерях. Печально известный доктор Менгеле проводил в Освен-

циме соответствующие опыты, причем его «научные» изыскания продолжались и в 1944 году. Есть информация, что в концлагере Равенсбрюк врачи-эсэсовцы стерилизовали 120 девочек-цыганок. Даже в 1945 году, в разгар бомбежек, когда больницы были заполнены пострадавшими от бомб немцами, малолетних цыганок продолжали стерилизовать; при этом операции проводились так небрежно, что некоторые из девочек через несколько дней умирали в страшных мучениях.

Массовые казни на оккупированных территориях

В славянских и прибалтийских странах цыган начали расстреливать задолго до того, как было принято решение о ликвидации собственно немецкой цыганской диаспоры. Еще весной 1941 года были созданы специальные карательные отряды, в задачу которых входило убийство цыган. Помимо профессиональных карателей, эсэсовцев и полиции соучастниками массовых убийств были лица из числа местного населения. Польские, украинские, сербские, а также другие националисты не только включались в карательные акции, но и совершили немало зверств по собственной инициативе.

В Югославии немцам помогли усташы. Часть цыган бежала в Италию, часть пряталась по лесам. Когда их находили, усташы даже детей рвали на куски или били до смерти. Анжела Хадорович описывает смерть своей сестры и племянницы:

«Вначале девочку заставили рыть могилу, а ее мать, беременная на седьмом месяце, стояла тем временем привязанная к дереву. Ей вскрыли живот ножом, достали ребенка и бросили в канаву. Потом туда же кинули мать и девочку, только над девочкой вначале надругались. Их засыпали землей, когда они были еще живы».

Один табор бежал в Хорватию, пытаясь скрыться от немцев. Усташы схватили 34 человека, среди которых было много детей. После жестоких истязаний их заперли в сарае и сожгли заживо. Это видел священник из ближайшей деревни.

В Польше местные пособники оккупантов запятнали себя самочинными казнями. Истребительный отряд Казимежа Новака, не дожидаясь никаких команд, убил за три месяца около трехсот человек. Другой польский каратель по фамилии Гудзек самолично расстрелял в один день 93 жителей цыганской слободы в деревне Щурова Тарновского воеводства, включая стариков, беременных женщин и грудных детей. Эта расправа проводилась при содействии немецкого отряда.

Большинство казней навсегда останется под покровом тайны, так как единственными свидетелями были сами убийцы. Таборы, застигнутые в лесу, семьи, схваченные в землянках, уничтожались на месте. Тем не менее некоторые выборочные данные о расстрелах известны. Численность погибших каждый раз колеблется от нескольких человек до нескольких сотен, но, поскольку эти трагедии свершались по всей Польше, общий итог был ужасающим.

Немецкие каратели действовали одним и тем же образом. Они выстраивали свои жертвы на краю противотанкового рва или братской могилы, расстреливали и зарывали, осыпав предварительно известью. В 1942 году в селах Кардымовка и Александровка на Смоленщине немцы зарывали цыган в землю живыми. Русских заставили выкопать две братские могилы — каждая на 200–300 человек. Закопав цыганские семьи, фашисты выставили часовых, которые три-четыре дня сторожили, чтобы никто не выбрался. Очевидцы рассказывают, что земля ходила ходуном... В живых осталась только Софья Мурачковская, которой посчастливилось вылезти на поверхность и скрыться от часовых.

Убийства совершались в Польше и на Украине, в Венгрии и Чехословакии, в Прибалтике и Белоруссии, в Крыму и на Смоленщине, в Молдавии и под Ленинградом. В Югославии цыган казнили в октябре 1941 года в Яницких лесах. Только в Сербии было убито 28 тысяч человек.

Зарубежные исследователи считают, что на территории СССР было расстреляно и замучено не менее тридцати тысяч цыган. Как нам кажется, немецкая документация не отражает реальности. Например, по отчетам карательного отряда из группы армий «Центр» число убитых цыган составляло 78 человек, между тем как только под Смоленском их было расстреляно несколько тысяч. Возможно, это результат чистки архивов накануне поражения. Однако, даже если бы документация концлагерей и карательных отрядов сохранилась полностью, это не внесло бы окончательной ясности. Существует множество свидетельств (в том числе исходящих от немецких генералов), что кочующие таборы расстреливали по собственной инициативе даже рядовые солдаты: каждый из них знал о полной безнаказанности и упивался своей властью над беззащитными цыганами.

Только победа советской армии спасла это национальное меньшинство от тотального истребления.

Материалы из советских архивов тоже не могут пролить свет на то, что творилось на оккупированных территориях. Многочисленные комиссии по расследованию немецко-фашистских зверств оперировали понятием «советские люди» и крайне редко указывали национальность погибших.

Геноцид в концлагерях

Ранней весной 1943 года начались аресты немецких цыган. Часть их уже была загнана в гетто; часть, работая на прежних местах, была на заметке у полиции. По-видимому, неудачи на фронтах повлияли на то, что фашисты больше не медлили. Арестованных свозили на железнодорожные станции, загоняли в вагоны и везли на «фабрику смерти», в Освенцим. Попали в заключение даже цыгане, служившие в армии и имевшие боевые награды.

На территории Польши раскинулся огромный комплекс лагерей: Освенцим — Бжезинка (или, по-немецки, Аушвиц — Биркенау). Австрийских и немецких цыган поместили в так называемый «семейный лагерь» — особый сектор, где мужчин не отделяли от женщин, а детей от родителей. Выжили в Аушвице немногие. В лагере была высокая смертность, вызванная голодом и тифом. Кроме того, эсэсовцы проводили «ликвидации». Так, 25 мая 1943 года из бараков вывели и отправили прямо в газовые камеры 1042 человека. Жить в Аушвице нацисты дозволили в основном цыганам-синти, которых они считали более цивилизованными. Польские, русские, литовские, сербские, венгерские цыгане были приговорены к быстрой смерти. К примеру, в марте 1943 года 1700 человек из Белостока были задушены газом сразу по прибытии.

Когда советская армия в 1944 году подошла к концлагерю достаточно близко, «цыганский сектор» был уничтожен. Детей и неработоспособных задушили газом, а оставшихся вывезли в другие лагеря, находящиеся подальше от линии фронта. Эсэсовцы предполагали истребить со временем и их, но, чем ближе был конец Третьего рейха, тем больше охрана концлагерей задумывалась о возмездии. В последние месяцы, выслуживаясь перед будущими победителями, охрана кое-где не выполняла директивы из Берлина о полном унич-

Освобожденные синти и рома в бараке концлагеря Берген-Бельзен

тожении узников. Благодаря этому часть свидетелей выжила, и мы могли бы привести воспоминания уцелевших.

Борьба цыган с фашизмом

За свою тысячелетнюю историю цыгане привыкли воспринимать конфликты между державами как нечто непосредственно их самих не затрагивающее. Вторая мировая война стала исключением: победа Германии означала для цыган смерть. Но далеко не все это осознавали. В СССР цыгане не доверяли официальной пропаганде, поскольку в предыдущие годы она насаждала атеизм, хвалила колхозы, оправдывала раскулачивание и уничтожение так называемых «вредителей». Кроме того, опыт общения с немцами, имевшийся у цыган со времен Первой мировой войны, не предвещал для них ничего страшного. Исходя из инерции прошлых представлений, часть цыган, особенно таборных, решила переждать войну и уклонилась от воинской повинности. Уклонение от службы в армии стало поводом для арестов и даже расстрелов.

Одновременно проявилась и другая тенденция. Осознав, что гитлеровский фашизм несет цыганскому народу уничтожение, многие цыгане вступили в ряды вооруженных сил (в том числе и добровольцами). Появились и участники партизанской борьбы на оккупированной территории. Архивы министерства обороны свидетельствуют, что один из цыган, Т. Прокофьев, был удостоен звания Героя Советского Союза. Статистика в данном случае не может отразить действительность, поскольку большинство цыган в паспортах значилось русскими, украинцами или татарами. По имеющимся у нас сведениям, к концу войны было одиннадцать цыган — Героев Советского Союза и множество кавалеров самых высоких орденов. Военные профессии цыган разнообразны: они были пехотинцами, танкистами, летчиками, стрелками-радистами, артиллеристами, десантниками. Цыганки служили санитарками, ходили в разведку. Особая страница в истории цыган — участие артистов, певцов и танцоров в концертах для армии. «Романовцы» и члены цыганских ансамблей не только выступали перед ранеными в госпиталях, но и ездили на передовую.

Тема участия цыган в Великой Отечественной войне практически не отражена в специальной литературе. Отдельные упоминания о них, имеющиеся в военной документалистике, разрозненны и пока еще не обобщены. Исходя из этого мы приводим ряд данных, собранных нами в ближайшем цыганском окружении. При всей выборочности этого материала он позволяет судить о значительном проценте участников войны среди старшего поколения цыган, а также о героизме, проявленном цыганами в борьбе с фашизмом.

У Григория Гусакова сын ушел в армию добровольцем. Он был пианистом, жил в Новосибирске, имел бронь. Тем не менее он поехал в Москву, снял бронь, пошел на фронт и погиб.

Павел Михайлович Лятунов, живший в Ленинграде, прошел всю войну, три года служил летчиком-истребителем. Был награжден.

Такой же оказалась военная биография двоюродных братьев Федора и Александра Мурачковских. Оба они были летчиками на протяжении всех военных лет.

Лазо, цыган-кэлдэрар, ушел в армию прямо из табора. Был на фронте до последнего дня, после войны работал парикмахером.

Кэлдэрар Тодоро прошел всю войну. Сын его служил вместе с ним и погиб.

Михаил Дмитриев из поселка Левашово Ленинградской области тоже отвоевал всю войну, имел награды, дошел до Берлина.

Из семьи крымских цыган Казибеевых, живших в Москве, в действующую армию ушло несколько мужчин: Петр Амиджанович, Монтий Оглыевич, Абдиша Оглыевич, Сейдамет Оглыевич. Они были удостоены боевых наград.

Петр Конденко из Самары погиб на фронте в первый же год войны.

Никитин Михаил Иванович из Богдановки тоже погиб на войне. Трагическая история произошла в семье Егора Кириченко. Его сын Владимир добровольцем пошел на фронт и на подступах к родному городу Харькову подорвался на mine. Получив об этом известие, отец потерял покой. Вова снился ему по ночам и просил похоронить по-человечески. Отцу удалось найти братскую могилу; сына он собрал по кускам и похоронил, — волосы его от горя и ужаса сразу поседел.

Колпаков Иван Алексеевич из Самары закончил войну в Чехословакии, имел ордена и медали.

Русский цыган Григорий Петрович Кузнецов участвовал в освобождении Польши и Чехословакии, имел за это медали. Награжден также медалью «За отвагу».

Заикин Василий Захарович 1917 года рождения — участник двух войн. Прошел финскую войну, а потом сражался против немецких фашистов. Погиб в 1944 году.

Василий Васильков закончил цыганский педагогический техникум в Москве, затем летную школу. Во время войны был летчиком-истребителем. Был ранен в левую руку, мог бы больше не воевать, но добился отправки на фронт и погиб, участвуя в Сталинградской битве.

Николай Александрович Меньшиков окончил танковое училище, прошел всю войну, получил контузию.

Василий Алексеевич Муштаков 1925 года рождения также служил в танковых войсках. Он был ранен, горел в танке, имел награды. Освобождал Будапешт.

Были на фронте и цыганки. Анна Белозерова, Александра Шлыкова и Елена Колпакова окончили курсы фельдшеро-в. Все они погибли.

Если бы каждая цыганская семья назвала своих родственников — участников войны, их насчитывались бы десятки тысяч. Углубленная работа над этой темой требует специального исторического исследования, причем основным методом должен быть именно опрос родственников. Уже упоминалось выше, что цыгане редко фигурируют в документах именно как цыгане; их фамилии не несут национального цыганского оттенка, — соответственно, архивы министерства обороны не могут быть действенным подспорьем.

Свой вклад в победу над нацизмом внесли и цыгане зарубежных стран. В Словакии Томаш Фаркаш командовал отрядом из цыган и словаков. Его отряд воевал с немцами в горном ущелье. В Сербии и Хорватии многие цыгане примкнули к партизанам Народного освободительного фронта, который был единственной эффективной силой сопротивления. В Албании тоже были цыгане — партизаны или подпольщики. Один из них, Хазани Брахим, устроил диверсию на складе, уничтожив много военных автомобилей и запасы бензина.

Во Франции Жан Бомари помогал партизанам-маки. За это его брат был повешен. Арман Стенегр, ставший после войны президентом цыганской ассоциации и прославившийся как певец и гитарист, был партизанским командиром — его тогда знали под кличкой Арчанж. Во время высадки союзников в Нормандии он вместе с цыганами своего отряда отважно атаковал немецкие части. Заслуги Стенгера были отмечены орденами как британской армии, так и армии Свободной Франции.

Н. Г. Деметер
В. К. Кутенков

Литература:

1. Краус О., Кулка Э. Фабрика смерти. М., 1959. С. 213; Kenrick D., Pixon G. The destiny of Europe's gypsies. N.Y., 1972.
2. Нович М. Полмиллиона цыган — жертвы нацистского террора // Курьер ЮНЕСКО, XI, 1984.
3. Пинигин С. Цыгане. Восточно-Сибирская студия кинохроники. 1991.
4. Деметер-Чарская О. Судьба цыганки. М., 1997.

Геноцид цыган в Смоленской области в годы нацистской оккупации

В нашей стране тема Второй мировой войны была, конечно, актуальна всегда. Но роль цыган в этой войне, их страдания и их вклад — немалый вклад — в победу всегда предавались забвению. Когда я спрашиваю, причем иной раз очень просвещенных людей, интеллигенцию: «А вы знаете, сколько цыган воевало во время Отечественной войны?» — и называю цифру, они делают удивленные глаза и говорят: «Да что вы, не может быть». И это не случайность. Целенаправленная политика коммунистической партии и теперь приносит свои плоды. Кроме пресловутого Будулая из сериала «Цыган» общество ничего о цыганах, сражавшихся на полях войны, не слышало. Да и не особо стремится услышать. А ведь среди цыган 11 Героев Советского Союза. Огромна их роль в партизанском движении. Скажем, большую часть освободительной армии Ковпака составляло цыганское население оккупированной территории Украины, Белоруссии, Брянщины, Смоленщины.

В 1994 году я стала работать в Смоленской области, где всегда жило много цыган. В преддверии пятидесятилетия Победы Цыганский фонд при театре «Ромэн» пытался добыть деньги на памятник цыганам — жертвам фашистской агрессии. Меня попросили собрать материал и выявить общее количество жертв, в частности по Смоленской области. Как это ни парадоксально, лица, которые раньше занимались темой оккупации Смоленской области и непосредственно жертвами фашистов, не имели абсолютно никаких данных о количестве погибших цыган. Я ходила от дома к дому, и первая статья, которая вышла в «Рром п-о Дром», называлась «Их никто не считал». В этой статье, изданной по-русски, я привожу отрывок из единственной официальной справки о жертвах Смоленской обла-

сти: «Учитывая сообщения региональных комиссий, областная комиссия считает, что общее количество жертв злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Смоленской области должно быть принято 546 тысяч, из которых мирных жителей — 151 319 человек, угнано в рабство — 154 630 человек, погибло военнопленных — 230 137 человек». А далее следует такая приписка: «Особые массовые изуверства совершали фашистские изверги над еврейским и цыганским населением. Евреи и цыгане были истреблены поголовно и повсеместно».

Тому, что «их никто не считал», были и объективные причины. Немцы не афишировали геноцида против цыган — большая часть акций совершалась ночью и без свидетелей. К тому же многие цыгане числились по паспортам как русские, украинцы, белорусы, фамилии их не отличались от фамилий соседей, и в официальных данных их просто автоматически причисляли к общему числу погибших. Тем не менее это не умаляет вины нашего официального руководства, сделавшего все, чтобы люди не знали правды, не знали, какие жертвы понес наш народ во время Отечественной войны.

Я ездила в Смоленскую область и позже, в 1996–97 годах, по просьбе организации «Шоа», которую создал Стивен Спилберг, автор «Списка Шиндлера». Вначале она занималась поиском жертв

еврейского геноцида, но потом ее расследования распространились и на цыган. Поиск был труден. Ведь свидетели умирают (цыгане живут недолго), и живых очевидцев, которые могли бы рассказать правду, с каждым днем становится все меньше и меньше. То, что нам удалось собрать, в основном касается 1942-го, страшного для цыган года.

Необходимо отметить, что до войны Смоленская область была одной из самых лучших в плане ассимиляции цыганского кочевого населения к оседлой жизни. На территории Смоленской области было 25 цыганских колхозов, из них шесть передовых. Первый колхоз, «Свобода», появился в 1924 году. Его председателем стала легендарная Руза Тумашевич. Она же организовала цыганский интернат в Серебрянке для детей кочевников. Стоял страшный голод, и кочующим цыганам предлагалось отдавать детей на содержание в этот интернат, где те могли нормально питаться и учиться, получать среднее образование. Многие выпускники этой школы в Серебрянке позже становились выпускниками Московского цыганского индустриально-технологического техникума, который существовал до 1937 года. Многие из них стали деятелями науки, педагогики, культуры. Поэтому большинство цыган, проживавших на смоленской земле, было нормальным советским населением, которое трудилось в основном в колхозах, кое-кто на заводах. Большинство имело среднее образование.

Смоленск был взят фашистами 16 июля 1941 года, вскоре после начала войны. Основная масса населения, в том числе и цыганского, эвакуироваться не успела. И бежавшие, но не достигшие нацистской лавины люди были вынуждены вернуться домой. Боеспособное население было почти полностью вы-

Справка начальника оперотдела УНКВД Смоленской области

«9 октября 1943 года от 9 граждан дер. Александровское в Государственную чрезвычайную комиссию по расследованию злодеяний, совершенных немецкими оккупантами, поступило заявление о том, что 24 апреля 1942 года в дер. Александровское карательным отрядом гестапо, прибывшим из гор. Смоленска, было зверски расстреляно около 180 человек цыган.

В целях проверки этого заявления было произведено расследование, допросом 10 свидетелей установлено следующее.

23 апреля 1942 года перед вечером из гор. Смоленска в дер. Александровское прибыли 2 немецких офицера и, явившись к старосте, предложили ему составить поселенный список жителей бывш. национального цыганского колхоза «Сталинская Конституция» с подразделением на русских и цыган с включением в него всех мужчин, женщин, стариков и детей.

24 апреля в 5 часов утра прибывшим из г. Смоленска карательным отрядом в количестве до 400 человек, возглавлявшимся группой офицеров, дер. Александровское была оцеплена, потом гестаповцы обошли все дома и всех жителей деревни, как русских, так и цыган, выгнали полураздетыми из домов и погнали на площадь к озеру.

Немецкий офицер, владевший русским языком, достал из кармана список жителей деревни, взятый им у старосты деревни, и стал из толпы вызывать граждан, сортируя их на русских и цыган. После сортировки русские были отправлены домой, а цыгане оставлены под усиленной охраной.

Потом офицер из оставшейся толпы выделил физически крепких мужчин и выдал лопаты и в 400 метрах от деревни предложил вырыть две ямы.

Когда мужчины были отправлены рыть ямы, туда же немцы погнали женщин, детей и стариков, избивая их прикладами, палками и плетками.

Перед расстрелом осужденные были подвергнуты осмотру, женщин и мужчин раздевали, и все, кто имел смуглую кожу, были расстреляны.

Расстрел был осуществлен так: вначале расстреляли детей, грудных детей живыми бросили в ямы, потом расстреляли женщин. Отдельные матери, не выдерживая дикого ужаса, заживо бросались в ямы.

Трупы расстрелянных закопали мужчины, потом они сами были расстреляны и немцами закопаны во вторую яму.

Всю лучшую одежду расстрелянных а также различные ценности немцы увезли с собой в Смоленск.

Всего было расстреляно 176 человек. Из этого количества 143 чел. уста-

Мария Крылова

Партизанское движение на Смоленщине быстро разрасталось. Там воевало в общей сложности несколько десятков отрядов, крупнейшим из них было соединение Бати. У этого Бати было много цыган — среди них, из опрошенных нами, были семьи Козловских, Ахтамовых, была известная разведчица Тумашевич (она умерла недавно, в 1993 году).

Когда пришли немцы, большинство цыган области не имели представления ни об указе вермахта о признании еврейской и цыганской наций нежелательными на оккупированных территориях, ни о том, что «нежелательность» означала поголовное истребление. Не подозревая о своей «особенности», цыгане даже не делали попыток скрыться, бежать к партиза-

новлены: 62 женщины, 29 мужчин и 52 ребенка, 33 не установлены за отсутствием посемейных книг».

Справка снабжена краткими показаниями четырех свидетелей, чудом переживших акцию истребления.

«24 апреля 1942 г. утром в 5 часов, когда мы еще спали, к нам в дом грубо застучали в окна, так что разбили оконные стекла. Когда мы открыли дверь, то немцы — рядовые солдаты — ворвались в дом и стали выгонять нас на улицу, не давая даже одеться, и нам пришлось выбежать на улицу в чем попало. Некоторые из детей шумели, когда немцы избивали их чем попало, били прикладами, палками, хлестали плетками. Я была избита так, что все тело и голова были в синяках, мой четырехлетний ребенок был весь избит палками и прикладом» (из показаний Лазаревой Марии Петровны от 10 октября 1943 года).

«Расстрел производился одним немецким солдатом из пистолета. Сначала расстреливали перед матерью ее детей в возрасте 10–12 лет, а затем вырывали у матери грудных детей и живыми бросали в яму и только после этого расстреливали матерей.

Я сама видела, как в яму бросили живую большую старушку Леонович, которая не могла сама двигаться и ее несли на руках ее дочери, завернув в одеяло.

резано. Возвращавшиеся тогда в родные места беженцы вспоминают горы трупов советских солдат вдоль дорог. Немцы быстро разместили обоз, интендантские части, которые, если население вело себя «разумно», зверств не чинили. Людей заставляли работать, копать траншеи, рубить лес, обеспечивать быт немцев. В домах были расквартированы немецкие солдаты и офицеры. Тех мирных жителей, которые на них работали, они не трогали — в том числе и цыган.

Однако осенью 1941 года (по показаниям Ахтамова, цыганского ветерана партизанского движения, которому в то время было 16 лет) люди стали уходить в партизаны.

нам, скрывавшим немало обреченных людей. Когда в цыганский колхоз приехала «душегубка» (знаменитая машина, отравлявшая людей выхлопным газом во время движения, но по виду не отличавшаяся от других машин) и увезла 98 человек в неизвестном направлении, никто ничего не понял. Все (кроме ушедших воевать) оставались на своих местах, не ведая о геноциде на уже занятых нацистами территориях. Именно отсутствием информации и скорой расправой объясняется страшный процент погибших цыган — 80% оказавшихся на оккупированных территориях.

В конце 1941 — начале

1942 года немцы сожгли подряд три деревни. Проводились и десятки единичных акций — повсюду расстреливали или закапывали живьем выявленные цыганские семьи. Об этом нам рассказывают немногие выжившие свидетели. Такие удачи, как, например, в Красненском районе, в селе Красное, были чрезвычайно редки: семья Лазаревых вспоминала, что, когда в Красное пришли немцы, они на всякий случай спрятались в стогах. Немцы были там лишь проездом, и около тридцати цыган пересидели в стогах три дня, пока в селе были нацисты. Более немцы в Красное не приходили, и эти люди были спасены.

Наиболее полную картину мы можем восстановить по

ситуации в селе Александровское Смоленского района Смоленской области. Здесь был цыганский колхоз «Сталинская Конституция», недалеко еще один — «Завет Ильича». Именно там нам удалось обнаружить единственный официальный документ об истреблении цыган на Смоленщине — справку «о массовом истреблении советских граждан-цыган немецкими захватчиками в деревне Александровское, расположенной в 5 километрах от города Смоленска». Этот потрясающий документ, составленный 21 октября 1943 года начальником оперотдела УНКВД Смоленской области, имеет смысл привести полностью (см. врезку).

Добавим, что расстрелом цыган руководил капитан СС Алферчик, эмигрант из России, из так называемых «русских немцев». Он прекрасно говорил по-русски. Во время войны он специально вернулся, чтобы руководить особым отделом в Смоленске.

По нашим данным, после этой акции осталось в живых около двадцати человек. Как же им удалось спастись? Главную роль сыграло то, что этот колхоз до войны жил дружной многонациональной жизнью — были там и цыгане, и белорусы, и поляки, и литовцы, и, конечно, русские. Были и смешанные семьи, в результате чего многие цыгане внешне на цыган не были похожи. Конечно, не обо-

Четырнадцатилетняя дочка колхозника Арсеньева Давыда, Шура, бросилась в яму живая, ее мать Арсеньева Екатерина стояла у ямы с двухлетней дочкой на руках. Немец расстрелял Екатерину из пистолета, а ребенок из рук расстрелянной матери упал в яму живым.

Грудного ребенка немец вырвал из рук цыганки Боровой Ульяны и живым бросил его в яму» (из показаний Крыловой Лидии Никитичны от 10 октября 1943 года).

«Когда подогнали к яме, то всех детей бросали живыми в яму, за детьми живыми бросались некоторые матери, остальных расстреляли и бросили наверх живых детей и женщин.

Зарывать расстрелянных заставили мужчин-цыган, которые рыли яму. После того как зарыли женщин и детей, немецкий офицер приказал тем же мужчинам, которые зарывали, рядом рыть вторую яму. После того как вырыли яму, расстреляли их и бросили в яму» (из показаний Леонович Надежды Петровны от 10 октября 1943 года).

«В сарае, где раздевали осужденных к расстрелу, стоял стол с закусками и выпивкой, во время расстрела немецкие офицеры поочередно подходили к столу, выпивали и закусывали» (из показаний Ефимова Ивана Ивановича от 11 октября 1943 года).

Лидия Крылова

шло без предательств: бывшие друзья и соседи помогали немцам выявить скрывавших свою национальность цыган. И тем не менее почти все, кто спасся, обязаны этим своей не типично цыганской внешности. Но случались и чудеса. Мы встретились с теми, кто еще был жив, и вот кое-что из того, что они нам рассказали.

Могилу охраняли неделю. Стоны закопанных живыми были слышны еще долго, и немцы боялись, что жители деревни раскопают колышущуюся землю.

Среди спасшихся были сестры Крыловы — Мария и Лида. Мария была белокожая, светлая, и ее, назвавшуюся русской, отпустили вначале вместе с ребенком. Однако, когда забрали ее сестру, жгучую цыганку, нацисты спохватились и опять послали Лиду за Марией. Но Лида сказала сестре: «Беги!», и Мария, с ребенком на руках, убежала в соседний колхоз. Лида сказала карателям, что сестры уже не застала. С самой же Лидой произошла удивительная история. В разговоре с нами она о ней умолчала, но мне рассказали соседи. Ее, необыкновенную красавицу, полюбил немецкий офицер. Он лично ездил в комендатуру в Смоленск, возил какие-то документы, доказывал, что есть такой русский писатель Крылов, а значит, и Лида Крылова цыганкой быть не может. Спасение пришло, когда она уже стояла у ямы и почти все уже были расстреляны: именно поэтому ее показания наиболее полны и важны для историков края. Любопытно, что, возвращаясь после окончания акции в родной колхоз, Мария встретила карателей. Они узнали ее и со смехом прокричали: «Иди, иди, твоя сестра жива, а ты, хитрая, сбежала!» Никто не сделал ни малейшей попытки ее преследовать. Обе женщины пережили войну.

Уникальна история девушки по фамилии Белова (имя не сохранилось). Когда ее вместе с матерью и сестрами вели на расстрел, она, увидев вырытый ров, поняла, что спасения не будет. Выждав момент, она скатилась в ров, но сразу попала на одного из солдат оцепления. К ее удивлению, немец махнул ей рукой, показывая налево, к кустам, а сам стал смотреть направо. Пересидев расстрел, она ушла ночью в другую деревню и там сплелась.

Ирина Пасевич на краю могилы обратилась к офицеру по-немецки с просьбой отпустить ее старую мать, убить лишь ее с сестрами. Она объяснила, что после их смерти мать сможет молиться за них. Этого хватило, чтобы сентиментальный убийца отпустил всю семью. Ирина жива и сейчас.

Старуха-цыганка Канашенкова рвала во время расстрела одежду на груди и кричала: «Стреляйте быстрее, гады!» Оче-

видцы рассказывают, что капитан Алферчик долго смотрел бившийся у нее на груди большой крест с распятием и в злобно, почти про себя сказал: «Нах хауз!» — и добавил по-русски: «Иди быстрее, пока я не передумал». Схватив на руки внучку, женщина убежала.

В доме Евдокии Пасевич, одном из самых больших в деревне, квартировал немецкий офицер, начальник части. Он плохо относился к хозяевам, и, когда в дом вошли солдаты, Евдокия сказала, что они все русские, промолчал. После ухода солдат женщина металась по избе и все тащила офицера к окну и спрашивала: «Что, пан, всех цыган расстреливать дут?» А офицер, сочувствовавший ей, отвечал: «Нет, расстреливать будут только евреев, а цыган не тронут». Забравшись потом на крышу своего высокого дома, Пасевич наблюдала весь расстрел — от начала до конца.

После того, как были конфискованы все ценности расстрелянных, часть домов сожжена и больше не было нужды охранять могилы, фашисты ушли из села. Но с тех пор пошла новая трещина между цыганским и русским населением. Бывшие цыгане не могли простить выдававших их у озера соседей, ни те ни другие не могли забыть событий этого дня.

Конечно, бывали и обратные примеры: так, в Починковском районе той же Смоленской области молодой русский парень Василий Прудников пересидел вместе с цыганскими детьми, чьи родители ушли в партизаны, всю облаву в штоль выведенной им специально для этого из колодца. Освобождая село партизаны, среди которых были и родители ребят, вывели их из-под земли.

Александровское было освобождено в 1943 году. Вернувшись вскоре с партизанским отрядом Руза Тумашенко настояла на эксгумации, идентификации трупов и сборе свидетельств. В 1991 году в месте захоронения на средства, собранные цыганами, был установлен монумент. На нем написано, что здесь захоронены 176 мирных жителей. В памятнике, поставленном цыганами цыганам, национальность этих «мирных жителей» не указана. И все же один из очень немногих монументов на сотнях цыганских братских могил, в большинстве своем заброшенных и оставшихся забытыми жителями и стремившимся заставить забыть правительство.

Анна Анфимова

газета Международного союза цыган
«Пром п-о дром» («Цыган на дороге»)

Цыганские дети и нацистские интриги

18 апреля 1945 года к железнодорожному вокзалу Киева медленно подходил пассажирский поезд, сформированный в польском городе Лодзи. Поезд встречали напряженной тишиной и беспокойством: в каком состоянии здоровье его пассажиров?

С поезда на перрон сходили и заученно выстраивались сутуловатые, похожие на старичков, одетые в трофейные пальто, шапки-ушанки и фетровые боты дети. Маленьких заворачивали в одеяла и плащ-палатки и выносили из вагонов молодые офицеры, сопровождавшие поезд. Дети не понимали, где они находятся, и испуганно молчали в ответ на вопросы медсестер и санитарок. Все объяснили офицеры.

В Киев привезли группу малолетних узников фашистских концлагерей. Их удалось перехватить в Лодзи отрядам Первого Белорусского фронта. Операцией по спасению детей непосредственно руководил Георгий Жуков.

Безмолвную вереницу детишек ждали на привокзальной площадке автобусы, крытые грузовики и санитарные машины, которые готовы были отвезти их в специально организованный для них летский дом на Лукьяновке и в городской госпиталь.

Сообщение Радиотелеграфного агентства Украины, 12 августа 1945 года:

«Обращает на себя внимание судьба детей из-под Пскова и Житомира. Их спасали десятки людей и у нас в стране, и за рубежом. Мужчины и женщины разных профессий, разных национальностей, оказавшиеся рядом с этими детьми, могли чужим по крови, но дорогим человеческим существом выжить, дожидаться дня Победы. Взрослые проявляли героическое мужество. Оно не знало границ».

«Акт № 2

18 апреля 1945 года, гор. Киев

Мы, нижеподписавшиеся: и. о. начальника учетного отделения молодежного лагеря в Лодзи лейтенант Иусович, начальник лагерного лазарета капитан медицинской службы Кушнир и начальник поезда гвардии старший лейтенант Сюра с одной стороны и заведующий киевским горно-Добрянским ренком, заведующая городским распределителем Воробейко и инспектор сектора детских домов Коваленко с другой

составили настоящий акт в том, что сего числа первые сдали, а вторые приняли группу детей из-под Пскова и Житомира, прибывших в Киев. Список прилагается.

В группе 58 человек. Мальчиков — 28, девочек — 30.

Все дети экипированы. На ближайшие трое суток обеспечены продовольственным пайком.

Подписи».

Предыстория

В документах шла речь о 58 цыганских детях. Их судьба вызвала массу вопросов и недоумений. Следствие по этому гнусному преступлению Третьего рейха длилось несколько лет. Еще в Лодзи советскому командованию стало ясно, что за историей детишек из СССР кроется таинственный зловещий план.

Этих детей должны были уничтожить как «расовых врагов». Часть детей была из-под Пскова, часть из-под Житомира, они знали друг друга до войны и находились между собой в родстве. Почему у этих детей брали кровь для немецких солдат и офицеров, хотя донорские группы комплектовались по принципу расового отбора? Их подвергали медико-биологическим обследованиям. Почему их размещали в промежуточных лагерях для «расово ценных особей»? Почему дети из-под Пскова и дети из-под Житомира оказались вместе в Лодзи — одном из центров предварительной германизации детей, вывезенных из разных стран Европы?

Под Псковом, в Рыбинске и Острове, кочевал до войны цыганский табор под предводительством Кариона Васильевича. В марте 1941 года табор двинулся на юг, в Молдавию, чтобы осесть на земле.

Война настигла табор на Украине между Млиновом и Дубно на берегу реки Иквы. На окраине Дубно все мужчины в возрасте от 23 до 36 лет были мобилизованы в действующую армию, женщины и дети занимались погрузкой военного имущества. Вскоре мобилизованные таборные уехали на военном эшелоне.

За Житомиром немецкие танки перерезали путь осиротевшему табору и другим беженцам. Табор свернул на узкую лесную просеку и расположился в лесном урочище, недалеко от сел Лещин, Кодня, Старый и Новый Солотвин. В августе лесной табор посетил секретарь Солотвинской сельской управы Лука Радин и изъясил в одной из кибиток справки, метрики, брачные свидетельства, паспорта. Через несколько дней сообщили о цыганском таборе генеральному комиссару Житомирского генерального округа бригаденфюреру Лейзеру. Но табор решили не трогать... Почему?

После того как Карион Васильевич получил на руки справку, выписанную в Старом Солотвине, таборные исчезли. Прятались на кордонах лесников, на заброшенных крупорушках, полуразрушенных фольварках. Связь между таборными поддерживалась благодаря мальчишкам — Зоту Сердюку, Николае Папасу, Федору Каменцу. Они выискивали продукты, ходили в села, обменивая дрова на съестное.

Одна из тайн Третьего рейха

Управление захваченными советскими территориями было возложено на Восточное министерство во главе с Розенбергом, Украина была выделена в отдельный рейхскомиссариат, которое возглавил гауляйтер Эрих Кох. Карательной исполнительной властью сосредоточилась в руках рейхсфюрера СС и начальника полиции Третьего рейха Гиммлера.

Таким образом, в управлении оккупированной Украиной случилось дублирование и отчасти путаница. Такое положение породило скрытые конфликты и противостояние двух систем оккупационной власти. Между аппаратами Гиммлера и Розенберга велась скрытая борьба за полное влияние на Украине, за доступ к ее богатствам. Чиновники занимались доносами, склоками, интригами.

16 сентября 1942 года в Житомире на улице Бульварной состоялось совещание аппарата Житомирского генерального округа и всех служб под руководством Гиммлера.

Гиммлер ознакомил присутствующих с планом тотального выселения местных жителей из некоторых частей Житомирщины и образования там колонии переселенцев из Германии под названием «Хечевальд».

15 октября 1942 года Эрих Кох в своей телеграмме поддержал создание немецких поселений.

Розенберг выступил перед чиновниками Восточного министерства. Он считал, что руководство министерства не должно вмешиваться в этот «демографический катаклизм». Но бюрократическая машина была запущена. 15 октября рейхскомиссар Украины дал распоряжение о том, что «на юг от Житомира и из северной части Бердичевского гетита выделяется округ, который будет заселен исключительно переселенцами

из фольксдойче и будет управляться как самостоятельный округ фольксдойче». С Житомирщины оккупанты планировали выселить почти 60 тысяч украинцев. Все население было разделено на четыре группы, каждая со своим предназначением.

Первая группа — собственно переселенцы в Днепропетровскую, Запорожскую, Кировоградскую, Николаевскую и другие области для бесплатной работы в государственных хозяйствах и хозяйствах немецких кулаков. Рабочий день 14–16 часов.

Вторая группа — молодые, здоровые, способные к труду в тяжелых условиях; их должны были вывезти в Германию.

Третья группа — политически вредные и расово опасные элементы, больные, немощные, старики. Направлялись на пересыльные пункты, затем в концлагеря.

Четвертая группа — дети и молодежь, «ценная в расовом отношении», пригодная к ассимиляции и онемечиванию. Направлялись в закрытого типа проверочные и распределительные лагеря, затем — в специальные воспитательные учреждения.

Секретарь Солотвинской сельской управы Лука Радин передал цыганскому предводителю документы. В паспортах были правильно записаны имена, фамилии, отчества, возраст, семейное положение, фотографии были правильные. Изменены были национальность (вместо «цыган», «цыганка») были записаны «украинец», «украинка», «поляк», «полька») и место рождения (указаны села Житомирщины).

В начале осени 1941 года генеральный комиссар Лейзер, получив от Солотвинской управы сообщение о цыганах в тылу немецких войск, через своего помощника доктора Файерабенда дал команду придержать до поры выявленную в лесу под Старым Солотвином группу цыган: «могут пригодиться».

К четвертой группе попытаются отнести детей из табора Кариона Васильевича чиновники генерального комиссариата округа Житомира, с целью дискредитации идеи отбора «ценного человеческого материала», осуществляемого аппаратом рейхсфюрера Гиммлера. Чиновники ведомства Розенберга спланировали особую операцию против аппарата Гиммлера. Это была операция «Черный дятел» — свидетельство острой внутренней борьбы между ними, борьбы за власть и влияние на Востоке. Осуществление органами полиции операции «Хечевальд», при условии интриги — операции «Черный дятел», давало возможность показать наличие широко-

го заговора «унтерменшен» и их желание проникнуть в здоровую среду германского народа, «вскрыть» факты потакания и покровительства расовым врагам из-за стремления к личной выгоде и наживе.

Вскоре немцы ликвидировали, как свидетелей подлога паспортов, Луку Радина, Агафона Саса и Виктора Дуната.

Продолжавшаяся в течение 15 месяцев операция с расселением, подлогом документов не встревожила цыган, но успокоила их. Доктор Файерабенд сделал магнитофонную запись допроса цыгана Виктора Дуната. Эту пленку с рассказом обо всех основных этапах жизни его сородичей, цыган из табора, предполагалось использовать как улику против команды Гиммлера на приеме у рейхсминистра восточных областей, как свидетельство ее халатности по отношению к расовым врагам, покровительства цыганам.

Неуловимый табор

На рождественские праздники 1942 года был запланирован вывоз переселенцев в эшелоне со станции Кодня. Подпольная легализация цыган и их отправка в Германию для работы в хозяйствах немецких крестьян под видом украинцев дала команду Розенберга козыри против подчиненных Гиммлера.

Накануне Рождества табор, разделившись на группы, ушел на восток. На его поимку были брошены все силы, но табор был неуловим. Цыгане шли в черниговские леса за Козелец к партизанам. Такое решение принял таборный атаман.

В Велико-Александровке 12-летний Федор Каменец, Клаша Иванова, Аня Цехович ночью совершили налет на обоз, вывозивший в Германию овец знаменитой романовской породы. Разгром обоза удался. Окупанты начали прочесывать местность, и цыгане решили пересечь железнодорожную линию Киев — Харьков. При попытке самостоятельного побега в черниговские леса Настасия Шкамерда с сыном, дочерью и племянницей наткнулись в селе Высшая Дубечна на полицейев, которые открыли по цыганам огонь и смертельно ранили девочек.

Зимовка в лесу, холод и голод унесли жизнь семилетнего Кости Александрова. В тифозной горячке умерли старики Тихон и Марфа Васильевы.

Рассеявшихся по селам цыган прятали местные жители, знавшие о том, что оккупационная власть ведет за ними охоту. Не имея возможности выловить сбежавший табор без применения карательных мер, которые могли бы выявить тайную операцию «Черный дятел», доктор Файерабенд и гауптштурмфюрер Ких решились на тотальное прочесывание сел, хуторов и лесных угодий. В результате из 38 человек в руки жандармерии попало 26. Двое были убиты при побеге. Трое умерло от болезней. Но семерых найти не удалось.

После этого операция «Черный дятел» вступила в новую, третью фазу. Цыган должны были отправить в концентрационный лагерь.

В концлагере города Плашув

Вот свидетельские показания членов табора:

«Небольшими группами и поодиночке доставляли таборных в Житомир. Гитлеровцы не скрывали своего удовольствия, что поймали нас. В Житомире таборных содержали в школе № 17 (ул. Ленина, 65). Ее оккупанты превратили в тюрьму, в своеобразный пересыльный пункт для тех, от кого собирались избавляться» (учительница Р. С. Каменец, Харьков).

«Условия, в которых мы находились, были ужасными. Над людьми издевались, их били, морили голодом. В течение первых двух суток не давали воды. Кольца, серьги — все, что представляло хоть какую-либо ценность, забирали, вернее, срывали с нас. Мочки ушей у многих женщин кровоточили. Пальцы рук были вывихнуты» (М. И. Иванова-Романенко).

Из письма-инструкции начальника отдела планирования Штаба имперского комиссара по делам укрепления германской расы, май 1943 года:

«После нескольких месяцев пребывания цыган в условиях принудительной изоляции от них необходимо освободиться — освободиться решительно и во всех без исключения случаях».

В конце февраля в концентрационный лагерь Плашув охранный прибыла группа цыган. На их полосатые куртки шивали большие черные треугольники, обозначающие надлежность к группе «асоциальных элементов».

Эсэсовцы, развлекаясь, накинули на шею Николки Глассо и начали его душить, и, когда прабабка Цехович и Фома Братчиков бросились к задыхающемуся мальчику, помощь, надзиратели спустили на них с поводков овечьих. После этого, в ночь, вайда табора Карион Васильевич, Цехович, Клаша Иванова, поляки из Жешува Алдам и Врусский Андрей Евтюхин решили казнить троих надзирателей за совершенное ими убийство стариков и ребенка. Трупы надзирателей были обнаружены через неделю.

Последние этапы операции «Черный дятел»

На исходе мая доктору Файерабенду сообщили, что цыгане в Плашув совершили нападение и казнили троих надзирателей.

Файерабенд пригласил к себе начальника житомирской жандармерии Киха и объявил, что намерен, не прибегая к посредничеству ведомства Гиммлера, арестовать вышедшую под Псковом, в Острове, откуда начали свое последнее кочевье цыгане табора Кариона Васильевича, группу охранных цыган. Казнь тех, кто убил троих надзирателей в Плашув, состоялась только после прибытия Файерабенда и Киха. Поездка в Плашувский концлагерь выводила грязную историю двух фашистских ведомств на новый виток. Перед отъездом были сфабрикованы письма, которые якобы писали дружные кочевые цыгане и оседлые цыгане из кооператива в Псковом. Для команды Розенберга было ясно, что для табора, внесенные в списки расово полноценных, свидетелем о коррупции среди чиновников Гиммлера, проводивших операцию «Хечевальд». В Берлине называли это скандалом.

В Плашув в присутствии высших чинов двух ведомств был учинен допрос предводителю табора. Были представлены сфабрикованные свидетельства якобы состоявшегося подкупа цыганами чиновников полицейского ведомства. Их связи с советским подпольем и партизанами. Были предъявлены фальшивые письма. Цыган обвиняли в подкупе польских должностных лиц. Но шитая белыми нитками история не удалась. На следующий день, вечером, были казнены пять человек: дед Карион, Аня Цехович, Клаша Иванова, Лиза Папас, Роза Тимофей, военврач Денисов, поляки Вацлав, Андрей Евтюхин и блаженный Антипка.

После казни операция «Черный дятел» вступила в последнюю фазу. Дети были отобраны у матерей и вывезены в район Бьдгощи, в Гау-Данциг Вестпрройссен, лагерь для переселенцев. Там юные цыгане находились до осени. Осенью перевели в Лодзь. Из привезенных в Лодзь детей эсэсовские эксперты по вопросам расы и поселений отбирали наиболее с их точки зрения, пригодных для онемечивания. При отборе детей руководил Лодзинский центр переселенцев. Решения сотрудников Центра утверждалось в Берлине. Мать из них лично визировал рейхсфюрер СС Гиммлер.

Замысел сотрудников Розенберга удался: цыганские дети были помещены в лагерь расовых исследований и расового отбора. Но зимой 1943 года детей поместили в штрафной лагерь. В бараках вспыхивали эпидемии сыпного тифа, дизентерии, скарлатины, туберкулеза, чесотки. Один-два в месяц у детей брали кровь. Цыганских детей гитлеровцы держали замкнутой группой.

Осенью 1943 года были арестованы цыгане в Острове и направлены в городскую тюрьму. Наутро всех арестованных посадили в вагоны и повезли в Ригу, а оттуда погнали в Саласпилс — в концлагерь. Вечером были расстреляны часть цыган и евреи. Из Саласпилса детей отправили в Лодзь, их матери остались в Саласпилсе.

Из Польши (Плашув) и из Латвии (Саласпилс) взрослых цыган перевели в концлагерь Германии, а затем Франции. Операция «Черный дятел» провалилась: обстановка на фронте ухудшилась, часть Украины была освобождена от немецкой армии, доклад в Берлине о потакании подчиненных Гимmlера расовым врагам был бы уже неуместен.

16 и 17 января 1945 года жизнь Лодзинского лагеря была дезорганизована советской авиацией. Фашисты согнали всех детей в большой цех текстильной фабрики, выходы из кото-

рой были забаррикадированы. Вдоль стен фасада были поставлены бочки с горючим. После очередного мощного налета советской авиации немцы покинули лагерь. По водосточным трубам дети начали спускаться вниз, откатывали от здания бочки.

18 января 1945 года ворота лагеря были раскрыты настежь. Польские дети ушли домой. 19 января в лагере появились советские солдаты, приехал Георгий Жуков. Маленьких детей нашли на окраине города.

По приезду детей в Киев начались поиски их родных. Было открыто следствие по делу фашистских преступлений против цыганских детей, длившееся много лет.

А. Данилкин
Украина

Заботы Цыганской общины Северо-Запада

О Холокосте цыган уже говорили предыдущие докладчики, и говорили очень подробно и правильно. Мне хотелось бы рассказать об одном проекте межрегиональной организации «Цыганская община». Наша организация еще совсем молодая. Мы только приступили к работе по подготовке «Книги Памяти», в которой должны быть собраны все сведения о цыганах во время Второй мировой войны.

Как уже верно замечали предыдущие докладчики, исторические исследования по цыганской тематике, о потерях цыган во время войны имеют, к сожалению, свою специфику. В архивах Министерства обороны мы не найдем конкретных сведений о действовавших цыганских партизанских отрядах. А ведь на Псковщине, например, были такие отряды, и никто не знает об этом.

Единственный путь для нас — это опрос жителей, разговор по душам с цыганами, со стариками, которых, увы, осталось немного. Достаточно сказать, что на Псковщине — в такой большой области — осталось не более 10–15 человек, участвовавших в партизанском движении.

Двоих из них мы уже знаем. Один, по прозвищу Буржуй, живет в Новоржевском районе. Это человек, широко известный и пользующийся уважением как среди цыган, своих соплеменников, так и среди русских людей.

Он обладатель двух орденов Славы, всех мыслимых и немыслимых наград. Но, к сожалению, старик проживает в бесчестии и нищете, не умея добиваться всех положенных ему по закону льгот и почестей. Второй из них живет в Островском районе. Он еще крепкий старик, держит лошадь, держит скотину, живет с детьми, но в таком домишке, который вот-вот рухнет. Я пытался помочь ему как помощник одного из депутатов Государственной Думы: писал к губернатору области, обращался к администрации Островского района. Но, к сожалению, когда я ехал к себе на родину, в Псковскую область, и проезжал мимо этой деревни, увидел, что воз и ныне там.

Цыгане пытались воевать и воевали не только в Псковской области, но именно там находится крупнейшее братское захоронение цыган. Об этом мы узнали совсем недавно.

По рассказам местных жителей, немцы согнали несколько таборов из лесов Псковщины в одно место в Великолукском районе. В этих краях леса сродни Беловежским лесам в Белоруссии, тянутся на многие километры. Там скрывались цыгане буквально со всей Псковской области. В Новоржевском и Островском районах цыгане тоже откочевали в леса буквально со всеми своими родными. Ну, а раз леса — значит, там партизаны, и значит, связь цыганских таборов с партизанами не была невозможна. Партизанам было некуда деваться, а цыгане использовались как разведчики, они передвигались

с места на место. В одном из таборов было трое больных партизан, о чем стало известно немцам. И тогда немцы собрали несколько таборов и согнали их в одно место вместе с больными партизанами. Вырыли яму, огромную траншею, и танками сгоняли туда людей, кого живыми, кого добивали. Очевидцы рассказывали, что этот ров шевелился целую неделю. Старушки говорят, что даже был слышен стон из-под земли.

Буквально в полукилометре от этого места советская власть поставила памятник партизанам-подпольщикам, а там, где было массовое цыганское захоронение, ничего нет. Около двадцати лет назад старики, которые тоже участвовали в войне, поставили там деревянную кибитку как надгробие, но она, конечно, со временем разрушилась.

Поэтому я считаю первейшим делом нашей организации поставить памятник на месте этого массового захоронения. Надо, чтобы мы почувствовали к себе уважение, пока мы еще живы. Ведь нам тоже уже за пятьдесят, а наша молодежь об этом вообще ничего не знает, как и ни о чем другом.

Мы уже начали эту работу. Конечно, нас смущает то, что на установку памятника нужны огромные средства. Поэтому, пользуясь случаем, пользуясь этим семинаром, мы хотели бы обратиться

Е. С. Богданова и Н. И. Самулевич
во время выступления на семинаре

к нашему руководству, к федеральной цыганской автономии и далее — ко всем международным цыганским организациям: давайте поставим хотя бы один памятник и будем считать, что это памятник всем цыганам России.

Мы сейчас занимаемся Псковской областью, потому что мы там уже были, разговаривали с людьми. Там есть и другие захоронения, но это самое массовое. Губернатор Псковской области не помогает пока в поисках и в установлении памятника, но уже хотя бы официально признал существование этих захоронений. Работа же по сбору материалов кропотливая, не на месяц, так как для чистоты исторической правды нужно ходить от дома к дому и обойти не один десяток домов и не один десяток деревень.

В Ленинградской области, по нашим данным, тоже имеется массовое захоронение цыган. Однако здешние власти не хотят об этом знать, они вообще не хотят слышать, что у них есть около четырех тысяч цыганских семей... Живы цыгане, пережившие здесь блокаду, — они могут рассказать очень много интересного для нашей «Книги Памяти». Ленинградка Лиза Богданова прошла всю войну, выступая с фронтовыми концертными бригадами, испытала все тяготы фронтовой жизни. В книге «По сигналу воздушной тревоги» о ней есть отдельная глава под названием «Цыганка Лиза». Мы гордимся этой достойной женщиной, она и сегодня сохранила боевую

осанку, молодость. Есть у нас ветераны. Я говорил в основном о Псковской области, но есть они и в Ленинградской.

Кроме этого, в сфере деятельности нашей организации находятся и Карелия, и Новгородская, и Вологодская область. Как известно, в период с 1930 по 1935 год на Север были этапированы десятки тысяч цыганских семей, поэтому для нас и там достаточно работы. Кроме этого, Цыганская община Северо-Запада России имеет уже свое отделение и в Белоруссии, где цыгане подверглись не менее, если не более жестокой дискриминации. Так что у нас теперь уже почти союзная организация.

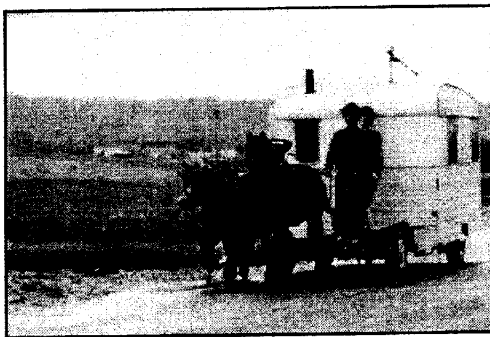
Наша организация создана прежде всего для того, чтобы воспитывать в детях уважение к себе как цыганам, отношение к себе как к личности, как к человеку. И если нам это удастся в какой-то степени, то, конечно же, мы не забудем всех тех, кто погиб — так или иначе, от рук ли немцев, от рук ли репрессивных органов. Самое страшное и подлое в том, что наши сегодняшние дети, так называемая демократическая волна, не знают о войне ничего. Не знают о том, что дед когда-то воевал, убежал на своей скромной лошадке от немецких танков. Если наши дети не будут знать нашу историю, у них нет будущего. Но в то же время заботиться сегодня нужно больше о живых. Потому как мертвым — память, а живым надо жить, и жить достойно: и нам, и старикам, и нашим детям.

Наши люди в силу родовой неграмотности не получают тех льгот, которые получают русские люди. Это объясняется также и отношением к ним властей. И хотя в последнее время, когда мы начали поднимать этот вопрос и на Псковщине и в Ленинградской области, чиновники в администрации и в военкоматах стали говорить, что для них нет разницы — цыган, еврей или русский, тем не менее наши ветераны, цыгане, ущемлены в своих правах. Властям на цыган просто-напросто наплевать.

Конечно, наша главная проблема связана с тем, что мы не знаем, сколько нас. Исходя из того, сколько цыган проживает в Ленинградской области, можно предположить, что всего на Северо-Западе их порядка 50–60 тысяч. В Ленинградской области живут в основном русские цыгане, молдавские, а также котляры и небольшая группа скандинавских цыган. В Санкт-Петербурге есть, вероятно, около полутора-двух тысяч семей. В области тоже есть целые цыганские районы, где компактно проживают цыгане — около трех тысяч человек.

Такое же положение и в Новгородской области. Я уже говорил вчера, что мы организовали там свое отделение. Самые населенные области в отношении цыган — это Калининская, Псковская, Новгородская, Ленинградская. Чем дальше на Север, тем меньше цыган.

Чем же живет сегодня цыганский народ? Указ об оседлости 1956 года, с одной стороны, ограничил права народа на свободную кочевую жизнь, но, с другой стороны, благодаря этому указу цыгане приобщились к жизни государства, в котором они живут. Старики говорят, что цыгане ассимилировались очень трудно. Они оседали там, где их застал указ. Цыган останавливали и насильно, репрессивными мерами загоняли в те города и поселки, где в тот момент было их кочевье. Это было, конечно, ущемлением национальных прав, но, в то же время, мы, конечно, приобщились к жизни государства. До оседлости цыгане знали друг друга по кличкам, которые передавались из рода в род. По кличкам родителей определялась ценность и значимость их детей. После указа же началась паспортизация цыган, и у нас появились фамилии. Наши дети начали ходить в школу, получать образование. Люди, которые ассимилировались в Ленинграде, Ленинградской, Новгородской, Псковской областях, живут по-разному. В основном живут, конечно, плохо. 1990 год ударил по цыганской экономике очень сильно. Одних он опустил в яму, как и везде

России, а ничтожный процент поднял наверх. Неизвестно, что хуже для цыган: несогласие с советской властью и политикой партии или же сегодняшняя демократия, которая давит во сто крат сильнее. Мне кажется, что сегодняшняя вседозволенность, сегодняшняя экономическая бездна опустила цыган на самый низкий уровень развития. Достаточно сказать, что некогда многодетные цыганские семьи сегодня перестали быть многодетными. Цыганки не хотят

рожать, понимая, что детей прокормить очень сложно. Рождаемость по Северо-Западу в сравнении, скажем, с семидесятыми годами упала приблизительно на 60 процентов. Если все будет продолжаться в том же темпе, цыгане просто начнут вымирать. Наше поколение уйдет, а поколение, которое идет за нами, уже дециганизируется. Идет полная деградация цыганской культуры. Дети практически не учатся, и это самое опасное. Если в советское время учителя обходили все дома, все цыганские семьи были на учете и правдами и неправдами детей заставляли учиться, то сегодня это делать никому. Сейчас и за русскими детьми никто не следит. Те культурные островки, которые созданы сегодня в Москве и которые пытаются создавать по России, вопроса сохранения национальной культуры и языка не решают. Надо идти в народ. Это единственная проблема, которую мы уяснили, занимаясь этим в течение трех месяцев. Только при поддержке снизу, при поддержке самих цыган, самих цыганских семей нам что-то удастся сделать.

Однако это очень сложно: нынешняя экономика предлагает свободу, но это также и свобода государства от своего народа. Мораль сегодняшних властей такова: кто выплывет, тот выплывет. Выживает только сильнейший. Далеко не все цыганские семьи в этих условиях могут выжить без помощи извне. Цыгане сегодня говорят так: «Лучше уж вы отпустите нас, мы опять пойдем кочевать». Люди, когда кочевали, зарабатывали, по крайней мере, на то, чтобы себя прокормить. В нашем народе всегда были животноводы, кузнецы, так называемые котляры — лудильщики, паяльщики. Сейчас же многие ремесла и навыки забыты, поэтому приспособиться к сегодняшней жизни цыганам сложно. Десятки семей сидят на голодном пайке, лишившись последней лошади. Цыгане зажаты в экономические тиски: с одной стороны, на работу не устроиться, с другой стороны, надо жить, чем-то кормить семью. И такое положение наблюдается повсеместно. Конечно, есть и у нас люди удачливые, которым удалось открыть свое дело, но их единицы и они проблему цыганского народа не решают.

Мы разрабатываем программу экономической помощи цыганам, предложили ее на рассмотрение губернатору Ленинградской области, но он отказался ее принять, потому что считает ее слишком дорогой. Суть нашей программы в том, чтобы привлечь цыган к животноводству. По области много пустующих ферм, и наши люди могли бы заняться своим исконным делом — коневодством, животноводством. Впервые, возрос бы доход области, а во-вторых, занятость цыганских семей была бы обеспечена. Мы пытаемся провести нашу программу в Гатчинском районе. Если там она себя оправдает, мы будем продвигать ее повсеместно, по всему Северо-Западу. Это могло бы стать выходом из почти тупикового положения.

В общественном сознании существует определенный штамп: цыган может или воровать, или танцевать и петь. Но цыган может и работать. Конечно, главная стезя цыган — это искусство, но сегодня среди нас и врачи, и инженеры, и педагоги, и юристы, и следователи, которые работают в органах внутренних дел. Среди цыган есть много людей разных профессий. К сожалению, это не заслуга демократии, это заслуга советской власти, при которой цыгане могли получить

образование. Сейчас ни один цыган не может поступить в платный институт, в платный колледж (это, конечно, касается не только цыган, хотя цыган в особенности).

Экономическое положение цыган в большой мере обусловлено тем, что они подвергаются расовой дискриминации со стороны общества на самых разных уровнях.

Самая главная проблема, как я уже говорил выше, связана с тем, что цыгану трудно устроиться на работу. Имея удостоверение помощника депутата Государственной Думы, я специально прошел с одним цыганом по четырем заводам, и везде нам в лицо говорили, что не возьмут его на работу из-за его национальности. Он специалист, слесарь высокой квалификации, но цыган, поэтому ему предпочли другого человека, русского, хотя и с менее высокой квалификацией. Я обратился к директору завода, но он мне сказал: «Дорогой, какие цыгане, нам и русских не устроить».

Во всем, что касается пенсионного обеспечения, социальных пособий и льгот, цыгане также подвергаются дискриминации. В Псковской области нам удалось в двух случаях помочь цыганским семьям, добиться назначения детских пособий. Дело в том, что социальный отдел администрации, решая вопрос, кому дать детское пособие, цыгану или русскому, в первую очередь обеспечивает русских. Цыгане обеспечиваются в последнюю очередь.

Нам пришлось воевать с администрацией города Опочка Псковской области, чтобы старушка, которая растит четырех внуков и которой жить и негде и не на что, потому что пенсия маленькая, получила пособие. Выше я говорил о том, что ветеран войны живет в домике, который больше всего похож на собачью будку, и этот вопрос не решается администрацией Островского района Псковской области, даже несмотря на вмешательство Государственной Думы.

Все это говорит о том, что российской власти на цыган и на их проблемы, грубо говоря, наплевать. Она равнодушна к нам сегодня. Правда, с возникновением нашей организации это положение начинает медленно меняться, хотя не всегда в лучшую сторону.

Власть поняла, что у цыган появилась своя организация, и нам приходится сталкиваться не только с равнодушием, но и с открытым преследованием. Лично мои отношения с милицией испортились очень сильно. Мне, как председателю общины, так и сказали, что я нарушил их Клондайк. Цыгане, особенно в местах их компактного проживания, как и кавказцы, подвергаются гонениям со стороны милиции. В цыганские поселки милиция ездит на заработки. Милиционеры останавливают цыганские машины и откровенно говорят: «Мы после отпуска, ребята, гоните». Часто в машину подбрасывают наркотики, а потом из семьи, которой эта машина принадлежит, вытаскивают тысячу-полторы долларов (причем милиция знает, кто и сколько может заплатить). Это, в общем-то, называется рзкет, и тем не менее цыгане боятся идти в прокуратуру, потому что они целиком и полностью зависят от РУВД, которое их «обслуживает».

В качестве примера я могу привести дело, которое тянется уже долго и которое мы, кажется, проиграли. Два с половиной месяца тому назад была беспричинно избита одна семья — известные жокеи, уважаемые в цыганской среде люди. Они выразили свое недовольство инспектору РУВД, который уже во второй раз останавливал их машину, а в ответ на это их вытащили, избili и сделали инвалидами. Наша борьба с Красносельским РУВД окончилась, естественно, победой последнего.

Однако нельзя не сказать, что у нас есть также и положительный опыт работы с прокуратурой. Например, в Петродворцовом районе мы договорились с прокурором района о совместной деятельности, мы даже разрабатываем одну программу по оказанию правовой помощи цыганским семьям. Кроме того, мы пытаемся искать контакты в Красносельском и других районах Ленинградской области. Сами цыгане тоже понимают, что ситуация меняется, что у них есть теперь своя организация, что у них появилась какая-то защита, пусть и слабая.

Кроме того, хотелось бы сказать об одной очень характерной тенденции. Не только лично я, но и многие другие здесь в России чувствуют какую-то неясную тревогу, постоянно живут в ожидании гонений.

В 1995 году в городе Невеле Псковской области русскими ребятами на танцах была изнасилована цыганская девочка. В этом городе живет очень много цыган, и в течение трех дней там шли настоящие бои, потому что цыгане взяли в руки оружие. Это был первый вооруженный конфликт между русскими и цыганами. Невельская милиция практически самоустранилась, попряталась по домам, поэтому пришлось вызвать псковскую Голубую дивизию — шесть вертолетов с двумя-тремя сотнями десантников. Только они и смогли развести участников конфликта в разные стороны.

Недавно нам удалось буквально случайно предотвратить подобный же конфликт. Мы приехали в город Опочка проводить собрание и узнали, что на следующий день была назначена вооруженная «стрелка», как это теперь называют, между цыганами, чеченцами и русскими. Если бы нам не удалось развести этих людей, то в Опочке была бы вторая маленькая Чечня.

События 1995 года для цыган исторический факт. Однако в прессе об этом почти не писали, большинство подробностей сейчас можно найти только в сводках. О втором конфликте, который удалось предотвратить, вообще не говорили, хотя я и сообщал о нем на телевидение. Прессу вообще мало интересуют цыганские проблемы.

Отношения между русскими и цыганами, особенно в упомянутых мною районах, напряжены до предела. Все живут трудно — и русские, и цыгане. Конечно, погромов, как это было в тридцатые годы, сегодня не бывает, потому что каждая цыганская семья может постоять за себя. Однако достаточно небольшой вспышки, чтобы вспыхнуло кровопролитное столкновение между цыганским и русским населением.

Сегодня появились примеры эмиграции цыган из России, в которой нет для них места. Цыгане уезжают сами и отправляют своих детей в Канаду, США, в скандинавские страны. Конечно, это могут позволить себе лишь богатые люди, бедным деваться некуда, они остаются здесь.

Мне хотелось бы также сказать несколько слов о положении цыган в одной из стран ближнего зарубежья, а именно в Латвии, где я сам родился. Моя мама была расстреляна немцами, остававшимися там после войны. И таким образом, мы тоже напрямую пострадали от войны уже через несколько лет после ее окончания.

Я знаю ситуацию в Латвии не понаслышке: во-первых, потому, что у меня много родственников — латышских цыган, а во-вторых, я часто езжу в свой детский дом, который находится на границе с Латвией, и там есть несколько латышских цыганских семей, которые ходят каждый день через границу. Несмотря на то, что экономически цыганам в Латвии живется легче, чем в России, дискриминация и давление со стороны властей и общества там больше, чем у нас.

Главная проблема, которую нам предстоит решать, — это, на мой взгляд, недостаток общения, отсутствие кислорода. Не будет общения — цыгане потихоньку вымрут. Необходимо, чтобы цыгане всего мира если не объединились, то хотя бы чаще встречались. Общение — это прогресс. Нам необходима такая пресса, которая могла бы, скажем, доводить до сведения югославских или венгерских цыган начинания и проблемы русских. Русские цыгане могли бы помочь во время войны югославским, если бы у нас был какой-то народный цыганский орган, который помогал бы нам общаться друг с другом.

Газета Международного союза цыган «Рром п-о дром» («Цыган на дороге»), которую на этом семинаре представляет Анна Анфимова, — это, может быть, и не всесильная пресса, но это уже верный знак того, что мы, цыгане разных национальностей, разных вероисповеданий, можем общаться и решать общие проблемы.

Плохо ли быть оседлым?

Прежде всего мне хотелось бы выразить свою благодарность организаторам этой уникальной конференции, ее гостям и всем присутствующим. Я впервые присутствую на подобном мероприятии и впервые слышу, что цыгане начинают признавать себя полноправным цивилизованным народом.

Господин Райко Джурич в кулуарных разговорах высказывался о вреде Указа об оседлости 1956 года и о притеснении цыган в советское время. Я не совсем согласен с его мнением. Со времени принятия этого указа прошло всего 44 года. Сейчас же, на этой встрече, мы обсуждаем проблемы международного значения — а ведь наши родители еще вчера кочевали шумною толпою по лесным просторам, и их единственной проблемой было иметь хорошую лошадь, упряжь, палатку и накормить себя и своих детей. Так если хорошо подумать, можно ли назвать это геноцидом?

Да, были унижения, были оскорбления, с нами не считались, вообще не всегда принимали за людей. Однако было и другое. Только после указа наши дети, я имею в виду основную массу, смогли учиться. Благодаря этому смогла состояться и наша сегодняшняя встреча.

При советском строе учиться надо было обязательно, и сами учителя ходили и убеждали безграмотных родителей в необходимости приобщения детей к современной жизни. И теперь мы с гордостью можем сказать, что среди нас есть представители любой сферы деятельности.

У цыган семьи в основном многодетные, и именно по этой причине нам в свое время помогали и с жильем, и в социальном плане. Можно было бы привести много примеров, но я не думаю, что в этом есть необходимость, ведь это все было вчера, это наша жизнь, наша молодость.

В моей жизни был случай. Меня всегда считали коммунистом, хотя я никогда партийного билета не имел. И разговаривая со своими соплеменниками, я спрашивал: «А почему, на каком основании, ведь вы ж билета-то не видели». А мне

говорили: «Ну как же, ты же честный, порядочный, за людей переживаешь». Мне тут могут сказать, что я начал хвалиться. Но беда-то в том, что эти качества они видели не во мне. Они их видели именно в коммунистах.

Поэтому сказать, что для нас, цыган, этот пройденный этап был сплошным унижением, было бы по меньшей мере не совсем правильно. Если мы призываем не забывать свои корни, то надо помнить, что и этот этап нашей жизни дал нам все-таки не так уж мало.

И если раньше, при всем негативном к нам, цыганам, отношении, мы все же имели возможность через исполкомы, райкомы хоть как-то себя защитить, то сегодня каждый из нас предоставлен сам себе. И именно сейчас необразованность цыган на руку нашим чиновникам. Ведь если человек не владеет никакими знаниями об общественной жизни, с ним можно поступить как угодно. Ему можно отказать в помощи, не выдать ему нужных документов, прийти к нему в дом, без всяких на то прав поступить с ним по своему усмотрению. Ведь до сих пор для цыган человек в погонах является начальством.

Поэтому я считаю нашу конференцию началом нового этапа в жизни цыган. Мы перестали быть лесными гражданами России. Теперь наступила пора стать гражданами России с равными правами в правовом государстве. И я уверен, что цыгане не будут в тягость России.

Цель нашей организации — Цыганской общины Северо-Запада — состоит в том, чтобы бороться с беззаконием. А чтобы бороться с беззаконием, чтобы бороться с властями, чтобы существование нашей организации не смогли пресечь в самом его начале, чтобы мы могли жить и процветать, надо иметь хорошо аргументированные факты. А у меня на сегодняшний день пока еще таких фактов нет, поэтому наша задача в том, чтобы собирать все факты неправового обращения с цыганами.

Александр Тумашев

Цыгане в современной украинской прессе

Средства массовой информации имеют три функции, которые представляют интерес в рамках темы нашего семинара. Во-первых, они являются одним из мощнейших инструментов формирования общественного мнения. Именно они ответственны за широкое распространение, закрепление в сознании, а в большинстве случаев и создание мифов и стереотипов. В связи с этим интересно взглянуть на то, как представлен ромский этнос в прессе.

Во-вторых, средства массовой информации являются зеркалом общественной жизни. В них можно найти информацию о том, как настроено украинское население по отношению к ромскому этносу.

И в-третьих, газеты ретранслируют шаги государства для народа. То есть по прессе можно понять, как относятся к рома украинские власти.

Хочу также уточнить: цель моего доклада не обвинить кого-либо (власть, журналистов, общественные организации рома), а «поставить диагноз». Главным образом — проанализировать устоявшиеся взгляды читателей на народность рома, сформированные прессой.

Итак, у нас есть четверо участников информационного процесса: рома, проживающие на Украине; часть населения Украины, которую условно можно назвать «читателями»; журналисты и печатные издания, которые они представляют (работающие с сознанием «читателей»); государственные органы власти, задающие прессе матрицу, по которой и формируется общественное мнение. Причина существования этой матрицы вообще — популистский характер демократии на Украине, при

котором свободная пресса существует лишь декларативно. На сегодняшний день большинство газет лояльны по отношению к власти, а часто и существуют за ее счет. Про матрицу можно было бы сказать подробнее, но это выходит за рамки моего доклада.

Кроме того, хочу отметить, что механизм формирования общественного мнения многоступенчатый и относительно бесконечный, к тому же существует и обратная связь. Дело в том, что, несмотря на весь популизм, читатели все же имеют доступ к формированию политики газет. И, что важно, их мнение учитывается — хотя и в меньшей мере, чем мнение «властей предержащих».

Анализ телевизионных сообщений сделать мне лично намного сложнее, почти невозможно. Поэтому я остановился на анализе лишь всеукраинских газет, имеющих влияние на широкие круги населения. Мною был проведен контент-анализ примерно 100 публикаций двуязычного ежедневника «День», русскоязычных газет (ежедневников «Факты» и «Киевские ведомости»), харьковского еженедельника «Грани», украиноязычной ежедневной газеты «Украина молодая» («Україна молода») и русскоязычного еженедельника «Зеркало недели». Учитывались материалы как полностью посвященные ромской тематике, так и лишь вскользь упоминающие о них. Перевод украинских цитат на русский язык авторский.

Сообщения прессы о рома можно условно классифицировать на такие группы:

- 1) криминал;
- 2) социальная тематика (бедность и проч.);

3) цыгане — жертвы Холокоста, плюс нетерпимое отношение к ним сейчас;

4) культура и психология ромского этноса;

5) информация.

Данные группы расположены по частоте их появления в прессе. Наиболее часто встречаются заметки с «криминальным» уклоном, наиболее редко — с попыткой понять психологию народа рома.

Рассмотрим эти группы подробнее.

(1) Итак, первая группа, «криминальная». Тут наиболее часто встречаются небольшие заметки-сводки о результатах деятельности правоохранительных органов и детективные истории, где одну из ролей, иногда главную, играют преступники-цыгане. Согласно этим материалам, рома занимающиеся воровством, наркобизнесом, попрошайничеством и даже кражей детей. Убийства, нанесение телесных повреждений, хулиганство среди упоминаемых проступков цыган встречаются крайне редко. Вот один из примеров криминальных заметок:

«Переправлять наркотики цыганам помогали... почтовые отделения.

В Бериславе (Херсонская область) в помещении райузола связи во время получения четырех посылок с маковой соломкой задержана группа цыган. Общий вес контрабандного груза, поступившего из Винницкой области, 28 кг. Как сообщил собкору «Фактов» Людмиле Трибушной инспектор ЦОС УМВД Украины в Херсонской области Александр Ковалев, поставка контролировалась отделом по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и СБУ. Цыгане, прочно завоевавшие местный рынок наркотиков, с недавних пор отказались от транспортировки сырья железной дорогой и прибегают к услугам связи. Вместе с цыганами в Бериславе задержан 37-летний местный житель, которого они наняли еще в начале года, — у безработного отняли паспорт, выдавая документ только для получения посылок. За услуги с работником рассчитывались едой и выпивкой. Задержанный показал, что вместе со своими хозяевами он получал посылки в селах Бериславского района. В отношении наркоторговцев возбуждено уголовное дело («Факты», 17 декабря 1999 г.).

Главное отличие этих заметок — употребление вместо имен злоумышленников или нейтрального слова «преступники» просто слова «цыгане». В любом случае национальность преступника обязательно указывается, что способствует закреплению стереотипа «чего же еще от них ждать» и вряд ли благоприятствует мирным взаимоотношениям. В данном случае это пример перенесения негативных черт отдельных людей на всю нацию. Например, в заметке газеты «День» от 22 октября 1998 г. «Большим уловом закончилась операция «Долинг», которую на протяжении месяца проводили на Херсонщине» совсем не указываются имена правонарушителей, зато упоминается их национальность:

«Информацию оперативников про то, что в нескольких дворах Высокополья, где проживают цыганские семьи, «варят зелье», подтвердил визит правоохранников к первому двору, где внимание привлекла собачья будка. Под ней обнаружили тайник, а в нем — 50-литровую полиэтиленовую посудину, по края набитую маковой соломкой. Кроме того, там нашли несколько пачек денег (общая сумма 2,5 тыс. гривен)» (Василий Пиддубняк).

Впрочем, надо сказать, что в прессе, во всяком случае однажды, этот вопрос уже поднимался газетой «День» в статье «Билет в Романистхан» («Квиток до Романистхана», 30 мая 1998 г.):

«Мы снова возвращаемся к нашей поговорке про лес и зайцев: никого не удивляет заметка вроде «Мужественные бойцы «Беркута» изъяли двести грамм маковой соломки у гражданки Х. цыганской национальности». Нормально, обычное дело. А как

был убит пятью выстрелами в упор киллером украинской (или русской) национальности...»

Такое у вашего брата-журналиста писать не принято, не так ли? Мы не стремимся к каким-то особым национальным привилегиям, мы просто люди. Не лучше и не хуже других. Какие есть...»

(2) Материалы социального характера можно условно поделить на две группы. Первая, более многочисленная, — о цыганчатах-бродяжках. Вторая — о бедственном положении ромских семей вообще. Материалы, относящиеся к первой группе, касаются, как правило, проблемы беспризорных (уличных) детей вообще. Вторая описывает быт цыганских таборов, делая акцент на антисанитарных условиях их проживания, бедности и проч. Например, недавняя публикация в газете «Киевские ведомости» статьи «Табор» про поселение цыган в Киеве (29 апреля 2000 г.) или более ранняя статья в газете «Факты» под названием «Цыганский барон Калман Сабо»: «У нас иногда торгуют детьми. Минимальная цена — 20 гривен. А иногда детей отдают задаром, за долги» (25 сентября 1998 г.).

Содержание этих материалов носит описательный характер, — ничего кроме констатации того факта, что многие цыганские дети проводят большую часть времени на улице без присмотра взрослых, и вообще бедности цыганского населения. Но такая описательность — результат не журналистской недобросовестности, а отсутствия эффективных путей решения проблемы беспризорных на государственном уровне, а также и «третьим сектором».

Встречаются и противоречивые сведения. Так, например, в статье «Фактов» от 23 ноября 1999 г. «Родив семерых детей, 38-летняя мать двоих младшеньких оставила в роддоме» есть такая строчка:

«В прошлом году в нашем роддоме на свет появились две тысячи деток, из них восемнадцать оставили. В этом году из двух тысяч — двадцать три. Замечу: цыгане, например, никогда не бросают своих детей...»

А материал «Криминальные роды как следствие худого кошелька будущих родителей» газеты «День» (25 декабря 1998 г.) — совсем противоположного содержания:

«Обратимся к нашей грустной статистике. За 9 месяцев 1998 года в городских родильных домах было зарегистрировано 4248 родов. В 136 случаях женщины вообще не состояли на учете в женских консультациях, хотя и рожали в стационаре. Главным образом это асоциальный контингент: алкоголики, бомжи, наркоманки и цыганки».

(3) Публикации о Холокосте и притеснениях рома в настоящее время являются наиболее интересными с точки зрения иллюстрации активности ромских общественных организаций, поскольку многие из них работают в направлении выплаты компенсаций пострадавшим от нацистских притеснений.

Довольно обстоятельный материал «Цыганское счастье» о геноциде рома в годы Второй мировой войны был опубликован в газете «Украина молодая» (27 августа 1998 г.). В ней, в частности, кроме информации о выплате компенсаций и нескольких свидетельствах пострадавших от репрессий, идет речь и о национальной сознательности рома:

«Привет, дружбан, ты не цыган ли часом, потому что я сам цыган...» — «Я вижу, что ты цыган. А я — ром». Не удивляйся, читатель, если ненароком услышишь такой диалог. «Ром» — обозначает национально сознательного представителя этнической группы, которую мы называем цыганами... Но сколько их — национально сознательных ромов, если большая часть цыганского населения Украины, особенно люди преклонного возраста, — вообще неграмотные?»

Особенность этого материала в том, что он является просто синтезом

комментариев различных украинских общественников-рома, то есть собственно журналистской фантазии тут нет.

Примеры этнической нетерпимости в обществе встречаются нечасто — очевидно, потому, что на Украине острой проблемы расизма пока нет, — но все же присутствуют. Об этом, например, заметка «До погромов дело не дошло» («День», 12 марта 1998 г.). Поскольку это прямо касается нашей темы, то привожу ее полностью:

«Возмущенные жители Летичева собрались на площади перед райрадой с требованием выселить из этого чрезвычай-

но тихого и малолюдного поселка городского типа всех цыган.

Накануне в этом поселке 21-летний Палиенко, цыган по национальности, побил 33-летнего электрика райбольницы Галиновского. Как за-

писано в милицейском протоколе, убийца завладел кожаной курткой и кепкой своей жертвы...

Национальность Палиенка и стала причиной народного гнева. Вспомнили и про уже забытое убийство парня, который прибыл из армии домой в отпуск, в Меджибиж Летичевского района. И тогда кипели такие же страсти. Как будто преступность имеет национальные черты...

Семь цыганских семей, прописанных в Летичеве, как пояснил корреспонденту «Дня» председатель Летичевской райгосадминистрации Григорий Сагайдак, предусмотрительно оставили свои дома и исчезли в неизвестном направлении. А страсти не утихают. Ждут решения чрезвычайной комиссии...» (Татьяна Захарова).

(4) К культурологическо-этнографической группе я отнес разношерстные материалы, в которых упоминаются элементы цыганской культуры или делается попытка психологического анализа ромского этноса. Сюда я включил и те статьи, где лишь вскользь упоминаются эти элементы, и те, что целиком посвящены им. У таких материалов есть два недостатка: они, во-первых, немногочисленны и, во-вторых, часто поверхностны. Однако есть и довольно интересные глубокие публикации, где журналист предлагает не только собственные выводы, но и мнение специалистов. К сожалению, журналисты редко консультируются со специалистами; причин этому можно найти множество, часто виноваты не газетчики, а, опять-таки, пассивность общественных организаций рома. Что касается количества таких материалов, то более плодотворна пресса западных областей Украины, особенно Закарпатской, где довольно много мест компактного проживания рома. Там рома занимают более активную общественную позицию. Именно в Закарпатском регионе начала выходить первая газета рома «Романи Яг».

Еще хотел бы отметить, что данная группа материалов часто пересекается по содержанию с предыдущими, особенно со статьями социального характера. Например, в уже упоминавшемся материале «Билет в Романистан» («Квиток до Романистана») автор делает попытку проанализировать психологию ромского этноса и дает сведения о его происхождении. Но эти попытки встречаются редко, как я уже говорил. Пример еще одного такого материала — статья Василия Зубача в газете «День» от 25 сентября 1998 г. «Птицы запыленных дорог» («Птахи запылених доріг»):

«Рома. Сын кочевого народа. Далекие дороги и более чем скромное положение в мировой истории не смогли изменить его глобально. Глубина, психологическая природа этнической

то и в квартиру поселят, так паркет вскоре гудит в печке пишем, в углах кучи мусора, а в них грязная малышня роет подрастая всем гигиенам назло».

Пример материала на исключительно культурологическую, без примеси этнографии, тему — статья «Украинские цыгане значит лучше» («Українські цигани значить кращі») в газете «День» от 15 февраля 2000 г. о Московском международном фестивале «Цыганские источники на рубеже веков».

«Украину представлял десант из Цыганского театра г-на руководителем Игоря Крикунова... По словам председателя жюри Николая Сличенко, им трудно было определить, какая программа лучше, но после выступления Игоря Крикунова К° судьба золотой медали была решена практически единогласно...» (Татьяна Полищук).

(5) К группе информационных материалов я отнес «любопытные сообщения», статистику и проч. Например, в газете «День» была опубликована такая заметка:

«Конь цыгану — от мэра Мукачево»

У Иосифа Боригоди, цыгана из райцентра Мукачево Закарпатской области, 16 июля в дорожно-транспортном происшествии погиб единственный кормилец — конь. Иосифович обратился к городской госадминистрации с просьбой хотя бы частично возместить понесенные убытки. В бюджете с деньгами было плохо, а цыгана, отца многодетного семейства, городскому председателю Виктору Балачу было жаль. Поэтому он и купил на собственные сбережения молодого коня для цыгана, сообщает корреспондент «Дня» Василий Зубач».

Проделанный контент-анализ газетных материалов позволяет сделать следующие выводы:

1. Судя по газетным публикациям, со стороны государства преследования и притеснения ромского населения Украины отсутствуют. Делаются, хотя и одиночные, шаги по улучшению социального положения рома. К сожалению, украинская пресса лишь «рупор» властей, но не критик. Реальная свобода слова отсутствует, и соответственно, почти нет оппозиционных газет.

2. Опять же судя по газетным материалам, население Украины относится к рома сдержанно. Притеснения и случаи нетерпимости встречаются редко, но и широкого взаимодостояния тоже нет — группы до определенной степени изолированы одна от другой.

3. Общественные организации рома мало уделяют внимания работе с общественным мнением. Мне этот вариант представляется наиболее важным, так как именно в этом направлении вполне можно проводить интенсивную практическую работу. Например, представителям ромского «третьего сектора» следовало бы обращать внимание на газетные публикации из «криминальной» и «социальной» групп. И как либо образом на них реагировать, давать обратную связь. Кроме того, подумать над внедрением и других тем, малосо освещенных в прессе. Ведь на данный момент ситуация следующая: журналисты обращаются к рома-активистам только в случаях подготовки материалов на тему Хорькосты (то есть историческую тему) и несколько реже — когда пишут на культурную тему. Механизм реагирования может быть, например, одним из следующих:

— комментарий постфактум (после выхода публикации). Не очень желательный ход, так как газеты крайне неохотно публикуют все, что напоминает опровержение;

— подготовка тематических материалов. Лучше — материалы «под заказ»;

— наиболее сложный вариант: создание системы реагирования на события еще во время того, как материалы готовятся в печать.

Дискуссия на семинаре

Большая часть дискуссии была посвящена современным проблемам цыганского народа в Европе и России. Так, при обсуждении доклада Райко Джурича подчеркивалось, что расовые преследования цыган в Европе — отнюдь не только тема из учебника истории, но, к сожалению, и часть сегодняшней реальности. Несмотря на формально демократическое законодательство и все декларации о приоритете прав человека, в Румынии, Словакии, Германии цыган изгоняют из городов, не пускают в школу их детей и т. д. Наибольшую тревогу вызывает положение рома в Восточной Европе, включая и отношение к ним политиков и официальных властей: недавний премьер-министр Словакии во всеуслышание заявлял о необходимости искоренения всех цыган в Словакии, поскольку это-де криминальный народ; ряд политических партий Румынии выступает против цыган. После распада Чехословакии многие цыгане остались без документов, в том числе без свидетельств о регистрации браков и рождении детей, документов об их гражданстве; еще серьезнее эта проблема для республик бывшей Югославии. Особенно тяжела ситуация в формально наиболее «европеизированной» Чехии, где скинхеды при бездействии местных властей убили за последние годы около сотни цыган. Очень показательна история, рассказанная Николаем Самулевичем из Цыганской общины Северо-Запада о вооруженном столкновении между цыганами и русскими в Невеле. Такие случаи, почти не привлекающие внимание СМИ, и заставляют российских цыган жить в атмосфере страха, напряженности и возможности крупного кровавого столкновения в условиях социальной нестабильности и взаимного подозрения. Поэтому особенно важной становится проблема социальной и культурной интеграции рома в жизнь современного общества, особенно необходимой — общественная и просветительская работа, воспитание в рома и в обществе желания лучше знать и понимать друг друга.

Для ликвидации «неоколониального» положения цыган — как в официальной, так и в неофициальной сфере — нужно действовать сразу по нескольким направлениям. Прежде всего это касается самоорганизации цыганского народа, ибо, какой бы ни был создан фонд для социальной защиты и поддержки цыган, можно с уверенностью предсказать, что без инициативы и движения самих цыган в нем вскоре останутся одни чиновники, занятые распределением денег. И примеры такой самоорганизации уже имеются: прежде всего это работающий с 1971 года Всемирный совет цыган; тогда же был утвержден гимн и флаг рома (красное колесо на зелено-голубом поле), а день создания этой организации, 8 октября, стал днем борьбы цыган за свои права. На преодоление культурного расизма направлена работа университетских кафедр истории культуры, истории и языка рома в Праге, Париже, Бухаресте и городе Ништра (Словакия). В России скоро должна выйти книга «История цыган: новый взгляд». Есть и передачи на цыганском языке на радиостанции «Свободная Европа», в то время как на волнах «Говорит Москва» подобная программа просуществовала всего год.

В связи с докладом об образе цыган в отечественных СМИ в дискуссии поднимался вопрос о возможности законодательного регулирования в этой области. В частности, в Великобританию журналистский «Кодекс чести» запрещает упоминать в информационных сообщениях национальность преступника, если это не имеет отношения к существу дела. Пока еще у нас нет прецедентов обращения в суд по поводу подобных публикаций, но их авторы уклоняются даже от встречи с представителями цыганской общины для прояснения наиболее вопиющих недоразумений. А в Петербурге, например, в газете «Метро» журналистка пробует разделить просящих милостыню на «хороших наших» старушек (как правило, с пенсией и жилплощадью) и «плохих»

цыганок-вымогательниц. Есть, однако, в нашем городе и пример совсем иного отношения к этим проблемам. С большим интересом участники семинара выслушали сообщение представителя нового журнала «Мир национальностей», пилотный номер которого должен был появиться в начале лета. Это уникальное полиэтническое издание, выделившееся из «Санкт-Петербургской панорамы», специально посвящено позитивному, в том числе с образовательным уклоном, освещению проблем различных национальных общин города, культуре и повседневной жизни 550 тысяч петербуржцев «нетитульной» национальности.

На семинаре развернулось также обсуждение положения российских цыган в сравнении с европейскими. Разными были и оценки указа Президиума Верховного Совета СССР 1956 года о переходе цыган к оседлому образу жизни. Если Райко Джурич склонен видеть здесь элементы закрепощения цыган и ликвидации традиционного уклада, то сами активисты Цыганской общины Северо-Запада видят в нем и ряд позитивных сторон. Именно после этого указа российские цыгане стали получать образование, появились цыгане-преподаватели и ученые, и в целом этот государственный патернализм для цыган был все-таки скорее положительным, хотя отношения их с Советской властью были отнюдь не безоблачны. По словам Александра Ивановича Тумашевича, цыгане в современной России оказались предоставлены самим себе: меньшая часть сумела за это время приспособиться и даже разбогатеть, но основная масса, напротив, оценивает свою жизнь по сравнению с прежней как намного более тяжелую. И раньше с цыганами не очень-то церемонились, а сейчас чиновники и милиция, пользуясь их правовой, а иногда и общей малограмотностью, могут позволить себе творить что угодно. И создание собственных цыганских общественных организаций в этих условиях важно не только для элементарной самозащиты и выживания, но и, самое главное, для дальнейшей жизни цыган в России и в нашем регионе.

Наверное, самой оживленной была дискуссия о проблемах образования цыганского населения, проходившая во второй день семинара. После фильма, посвященного французскому опыту, прозвучал очень интересный рассказ директора школы № 462 Маргариты Васильевны Маршинниковой. Она выразила свое ощущение так: «Пока я смотрела, то думала: надо же, почти все как у нас. Ведь там показывали примерно то, к чему пришли и мы сами, методом проб и ошибок». В этой маленькой школе на окраине Пушкина из примерно двухсот учеников от 15 до 22 — из цыганских семей, причем к давно уже живущим в этом поселке оседлым цыганам прибавились и приехавшие из Молдавии. С этими учениками далеко не все складывается гладко, часто эти дети из неполных, как сейчас говорят — «проблемных», часто небогатых семей, некоторые из них отстают в учебе, потому что в свое время почти не ходили в школу, и т. д. Но самое главное — к ним относятся так же, как и к другим, без этого «ну что с них взять»: в других школах области на цыганских детей (и не только цыганских!) иногда смотрят как на ненужный балласт, портящий отчетность. Маргарита Васильевна начала работу с этими детьми с того, что шла в семью, говорила с родителями, стремилась узнать, что у каждого за обстановка дома, а не оценивать всех по единому стандарту успеваемости. В школе стараются развивать таланты самих детей и для этого создали свой музыкальный ансамбль, который выступил и перед гостями семинара, привлекают к этому мам учеников — в общем, учитывают специфику цыганских детей. И тут оказывается, что многие из них не знают обычаев и истории своего народа, не знают, например, что цыгане были исконно кочевым наро-

М. В. Маршинникова

дом. Здесь многое могут дать уроки-факультативы по традициям и культуре рома. Пример этой школы важен и потому, что такое отношение к цыганским детям — не какая-то особая этническая привилегия, это составная часть терпимого и индивидуального отношения администрации и учителей к каждому ученику; жаль только, как говорили другие участники дискуссии, что это скорее исключение, чем правило в современной системе образования.

Наиболее оптимальным путем интеграции цыган в общество большинство участников обсуждения признало не создание специальных цыганских школ, а развитие школьных факультативов по языку и культуре рома в местах их компактного проживания. Но здесь встает сразу несколько проблем (даже при наличии желания администрации, учеников и родителей): прежде всего, подготовка учителей, учебных пособий и программ. В Советском Союзе в 1920-е годы подобная работа уже велась, и, по сообщениям Анны Анфимовой, целый ряд уже отпечатанных учебников хранится в запасниках Российской государственной библиотеки в Москве, есть учебники на языках рома и на Западе. Однако далеко не все эти учебники подходят для современных условий, поскольку фактически язык рома — это множество диалектов и такие учебники и даже единственный русско-цыганский словарь зачастую оказываются непонятны российским цыганам. Но еще более настоятельной оказывается необходимость подготовки учителей цыганского языка и культуры для таких факультативных курсов. Пока что была сделана единственная попытка организовать годичный курс в одном московском педагогическом училище — не слишком удачная. И здесь очень поучительным оказывается опыт факультета народов Крайнего Севера, существующего уже несколько де-

Студенты факультета народов Крайнего Севера РГПУ им. А.И. Герцена

сятилетий в Российском государственном педагогическом институте имени Герцена. Преподаватели и студенты этого факультета, участвовавшие в работе семинара, рассказали об опыте обучения школьников со специальными занятиями по фольклору и промыслам (в том числе в домах-интернатах для детей кочевников) и об особенностях подготовки учителей этих предметов на факультете. Сейчас на нем ведется преподавание на 27 языках, существует кафедра этнокультурологии, помимо языковых читаются также курсы по местным обычаям, этноконфликтологии и другим дисциплинам. Потребность в таких учителях действительно есть — они находят спрос и работу у себя дома. При факультете существует уникальный ансамбль «Северное сияние», участвующий во многих фольклорных фестивалях; сейчас на факультете учатся представители малых народностей не только Севера и Сибири, но также и Северо-Запада, например вепсов. Так что при должной подготовительной работе представителей цыганской общины может быть открыта соответствующая кафедра, тем более что уже есть пример работы аналогичных кафедр в Европе или летних семинаров по «Gypsy Studies» в Центральноевропейском университете в Будапеште.

В целом все участники семинара признали состоявшееся обсуждение очень полезным не только для изучения трагического прошлого, но и для рассмотрения сегодняшних проблем цыганского народа. Опыт проведения таких дискуссий еще раз показывает, что антифашизм — это дело не только сопротивления и памяти, но также созидательной совместной работы.

Я.М.Б.

МЫ ОТКРЫВАЕМ НОВУЮ РУБРИКУ:

ПАМЯТИ ЖЕРТВ

Бухенвальд — живая история

Уже несколько лет мемориальный комплекс «Бухенвальд» сотрудничает с добровольцами, молодыми людьми в возрасте от 18 до 25 лет, которые приезжают со всей Европы на несколько месяцев и помогают сотрудникам библиотеки, архива и музея, ведут экскурсии на своих родных языках. Например, русский язык необходим в работе с архивом, так как поступает много писем из России, Украины и Белоруссии с просьбой выслать документы, подтверждающие пребывание адресанта в Бухенвальде. В самом архиве нет, к сожалению, людей, владеющих русским языком.

В мемориальном комплексе проводится большая педагогическая работа, постоянно устраиваются семинары не только и даже не столько на исторические темы, связанные с этим местом (история там сама кричит во все горло, ее нельзя просто проигнорировать), сколько на темы, касающиеся отношений между людьми, человеческой подлости и человеческого достоинства, прав человека, уважения прав меньшинств, неприемлемости расизма и антисемитизма. Перспективам развития молодежной добровольной службы был посвящен семинар, который прошел в Бухенвальде с 15 по 19 марта этого года и участницей которого я была.

Даже люди, которые специально не занимаются историей нацистской Германии, имеют представление о том, что концлагерь — это мучительная смерть миллионов людей. Бухенвальд прославился своими ужасами, хотя и не был лагерем уничтожения, как, например, Освенцим. Бухенвальд убивал голодом и холодом, недаром в наши дни об очень худом человеке говорят: «как узник Бухенвальда». Это известно всем. Однако посещение мемориального комплекса «Бухенвальд», оживляя образы прошлого, позволяет ощутить дух истории.

Бухенвальд был построен на вершине горы Эттельсберг, возвышающейся близ города Веймара, административного центра земли Тюрингия. Тюрингия — прелестный холмистый край. Веймар знаменит тем, что там жили и работали Шиллер и Гете; здесь в 1919 году была принята конституция германской республики, получившей поэтому название Веймарской. История обычно сосредотачивается в определенных географических точках. И после установления нацистской власти в Германии Веймар не был забыт. В июле 1937 года на горе Эттельсберг был сооружен концлагерь для политических противников нацистского режима, уголовников, «асоциальных элементов», евреев, цыган, свидетелей Иеговы и гомосексуалистов. Когда началась Вторая мировая война, сюда стали привозить заключенных и из других стран, и к моменту освобождения 95% заключенных лагеря были не граждане Германии. В апреле 1945 года 3-я дивизия американской армии принесла освобождение узникам Бухенвальда. Солдаты и офицеры СС бежали. Участники лагерного Сопротивления открыли ворота перед американцами. С 1937 по 1945 год в лагерь были помещены свыше 250 тысяч человек, из них 50 тысяч погибли.

Бухенвальд был мужским лагерем. Заключенные работали на Густловском заводе, который находился в паре километров от лагеря и производил оружие. В 1943 году около лагеря был построен железнодорожный вокзал. До этого все пленные попадали в Бухенвальд через веймарский вокзал. (Удивительным образом Веймар и тогда и сейчас живет своей независимой жизнью, мало интересуясь тем, что происходит всего в нескольких минутах езды от него.)

В лагере было 52 основных барака. Однако несколько сотен польских заключенных были помещены зимой в палат-

ки: от холода ни один человек не выжил. Существовал еще так называемый «малый лагерь», иначе говоря, карантинная зона. Условия жизни в карантинном лагере были — даже в сравнении с основным лагерем — настолько бесчеловечны, что это едва ли поддается разумному постижению.

В августе 1944 года в «малый лагерь» поместили 13 тысяч заключенных (38% общего числа), из них свыше 6 тысяч вынуждены были жить в палатках. По мере отступления немецких войск с оккупированных территорий гестапо перевозило в Бухенвальд заключенных из Освенцима: поляков и граждан Советского Союза, чехов и голландцев, а также заключенных из лагеря Компьень, располагавшегося во Франции, и из Бельгии. С мая 1944 года из Освенцима в Бухенвальд перевозились венгерские евреи. С января 1945 года в «малый лагерь» ежедневно привозили до 4 тысяч человек. Между тем в «малом лагере» насчитывалось только 12 бараков без окон — бывшие конюшни, площадью 40 на 50 метров. В каждом таком бараке обитало 750 человек. 50–100 из них ежедневно умирали. Их тела продолжали выносить на перекличку, чтобы живым достались предназначенные для них порции.

Тех, кто более или менее держался на ногах, заставляли работать по благоустройству «малого лагеря», хотя порция для содержавшихся на карантине, как «для неработающих», сводилась к кусочку хлеба. Отношения между заключенными в «малом лагере» были намного жестче и враждебнее, чем в основном; были замечены случаи убийства за кусок хлеба и каннибализм. Смерть соседа по койке воспринималась как праздник, так как можно было занять больше места до прихода следующего транспорта. Одежду умершего тут же делили, и в крематорий уносили уже голое тело.

В лагере свирепствовали инфекционные заболевания. Прививки, которые проводил медперсонал, например против тифа, часто еще больше способствовали распространению заболевания, так как шприцы не меняли. Наиболее тяжелых больных умерщвляли уколом фенола.

После подъема в четыре утра заключенные, обнаженные до пояса, шли к умывальнику, где плотной стеной обступали водопровод. Мылись без мыла и полотенца (впрочем, мыло можно было купить в лагерном ларьке — на те деньги, которые присылали родственники и которые лагерная канцелярия таким образом пыталась выманить у заключенных; пользоваться ларьком могли не все, а, согласно системе поощрений, только те, кто хорошо работал). Практически все заключенные страдали диареей и зачастую испражнялись прямо в бараках.

«Улицы» лагеря не были укреплены и были скользкими. Многие заключенные, обутые в деревянные башмаки, получали травмы. Одной из улиц «малого лагеря» французы присвоили имя «Бульвар инвалидов», поскольку ее восточный конец упирался в инвалидный блок.

Сегодня от бараков остался только выложенный булыжником фундамент, который указывает на место, где были постройки. Около каждого — мемориальная надпись: «Барак № 14. Здесь содержались рома и синти», «Барак № ... Здесь содержались подростки», «Барак № ... Здесь содержались евреи».

Создатели мемориального комплекса «Бухенвальд» сохранили здание крематория и газовых камер, хотя газовые камеры и использовались лишь для дезинфекции одежды. В стены крематория вмонтированы таблички с именами на разных языках: это родственники погибших увековечили их память. Сохранились наблюдательные вышки и колючая проволока в наско-

ко рядов, не тронуты ворота лагеря с надписью «Каждому свое», которую читали и перечитывали заключенные, простаивая часами на ледящем ветру на аппельплаце.

(Надо сказать, что территория лагеря и зимой, и летом продувается сильным холодным ветром — возможно, потому, что для строительства лагеря был вырублен значительный кусок леса на самой вершине горы.) Поразительно, но в лагере имелся зоопарк, точнее, медвежий вольер, от которого остались лишь руины. Зоопарк был устроен в пяти метрах от колючей проволоки, огораживающей лагерь, для психологической разгрузки обслуживающего персонала лагеря после «тяжелой трудовой недели» и для развлечения их семейств.

Наверное, я не первый человек, задумавшийся над индивидуальной и массовой психологией людей при нацистском или подобных режимах, а также об иерархии во взаимоотношениях заключенных. Вероятно, на эти темы написан не один десяток книг. Во всяком случае, архив, библиотека, да и встреча «живую» с самим памятником «Бухенвальд» дают богатый материал для размышлений на эти и другие темы. Потрясает тот факт, что многие заключенные, пытаясь, для того чтобы выжить, сохранить психическое здоровье, занимались иностранными языками, рисовали, сочиняли стихи.

История Бухенвальда не заканчивается апрелем 1945 года, когда лагерь был освобожден. За американцами появились советские войска, и Тюрингия отошла к советской зоне. 22 августа 1945 года в Бухенвальде был открыт новый «Специальный лагерь № 2». Спецлагерь просуществовал здесь до 1950 года. В нем содержались бывшие члены и коллаборационисты НСДРП, но также и те, кто обвинялся в шпионаже в пользу бывших союзников Советского Союза или был замечен в нелояльности по отношению к новому советскому режиму. В этом лагере были также и женщины. Из 28 тысяч заключенных за пятилетний срок существования лагеря от недоедания и болезней погибло 7 тысяч человек. В ГДР существование Спецлагеря № 2 замалчивалось, и только в 1990 году документы были обнародованы. В 1995 году на месте массовых захоронений были установлены стелы с номерами погибших заключенных. Затем была открыта постоянно действующая экспозиция, раскрывающая историю Бухенвальда с 1945 по 1950 год.

В 1951 году на территории бывшего лагеря была установлена мемориальная плита в память об участниках лагерного Сопrotивления, а в 1958 году было принято решение об открытии в Бухенвальде национального мемориального комплекса. Каждый день туда приезжают люди. Для некоторых из них Бухенвальд — это могила родственников, для других — так и не изжитый кошмар молодости. Для третьих — история, которую рассказывают в школе, и школьная экскурсия. Однако для всех них Бухенвальд — не мертвая уложенная камнями земля, а пульсирующая память, которая заставляет стариков рассказывать пережитое ими и эмоционально пробуждает молодых.

Сколько лет еще существовать этому памятнику? Психологически слишком тяжело там находиться даже короткое время, а что говорить о людях, которые работают в Бухенвальде годами! Даниэль Гёда, один из педагогов, работающих в мемориальном комплексе, говорит, что не я одна задаю такой вопрос. Может быть, еще 50 лет это место будет посещаться, пока живы бывшие узники Бухенвальда или родственники погибших. Может быть, потом здесь будет построен новый район разросшегося Веймара. Только бы история не повторилась еще раз!

Зоопарк в Бухенвальде

Крематорий концлагеря Бухенвальд

ки: от холода ни один человек не выжил. Существовал еще так называемый «малый лагерь», иначе говоря, карантинная зона. Условия жизни в карантинном лагере были — даже в сравнении с основным лагерем — настолько бесчеловечны, что это едва ли поддается разумному постижению.

В августе 1944 года в «малый лагерь» поместили 13 тысяч заключенных (38% общего числа), из них свыше 6 тысяч вынуждены были жить в палатках. По мере отступления немецких войск с оккупированных территорий гестапо перевозило в Бухенвальд заключенных из Освенцима: поляков и граждан Советского Союза, чехов и голландцев, а также заключенных из лагеря Компьень, располагавшегося во Франции, и из Бельгии. С мая 1944 года из Освенцима в Бухенвальд перевозились венгерские евреи. С января 1945 года в «малый лагерь» ежедневно привозили до 4 тысяч человек. Между тем в «малом лагере» насчитывалось только 12 барачных без окон — бывшие конюшни, площадью 40 на 50 метров. В каждом таком бараке обитало 750 человек. 50–100 из них ежедневно умирали. Их тела продолжали выносить на перекличку, чтобы живым достались предназначенные для них порции.

Тех, кто более или менее держался на ногах, заставляли работать по благоустройству «малого лагеря», хотя порция для содержащихся на карантине, как «для неработающих», сводилась к кусочку хлеба. Отношения между заключенными в «малом лагере» были намного жестче и враждебнее, чем в основном; были замечены случаи убийства за кусок хлеба и каннибализм. Смерть соседа по койке воспринималась как праздник, так как можно было занять больше места до прихода следующего транспорта. Одежду умершего тут же делили, и в крематорий уносили уже голое тело.

В лагере свирепствовали инфекционные заболевания. Прививки, которые проводил медперсонал, например против тифа, часто еще больше способствовали распространению заболевания, так как шприцы не меняли. Наиболее тяжелых больных умерщвляли уколом фенола.

После подъема в четыре утра заключенные, обнаженные до пояса, шли к умывальнику, где плотной стеной обступали водопровод. Мылись без мыла и полотенца (впрочем, мыло можно было купить в лагерном ларьке — на те деньги, которые присылали родственники и которые лагерная канцелярия таким образом пыталась выманить у заключенных; пользоваться ларьком могли не все, а, согласно системе поощрений, только те, кто хорошо работал). Практически все заключенные страдали диареей и зачастую испражнялись прямо в бараках.

«Улицы» лагеря не были укреплены и были скользкими. Многие заключенные, обутые в деревянные башмаки, получали травмы. Одной из улиц «малого лагеря» французы присвоили имя «Бульвар инвалидов», поскольку ее восточный конец упирался в инвалидный блок.

Сегодня от барачных остался только выложенный булыжником фундамент, который указывает на место, где были постройки. Около каждого — мемориальная надпись: «Барак № 14. Здесь содержались рома и синти», «Барак № ... Здесь содержались подростки», «Барак № ... Здесь содержались евреи».

Создатели мемориального комплекса «Бухенвальд» сохранили здание крематория и газовых камер, хотя газовые камеры и использо-

вались лишь для дезинфекции одежды. В стены крематория вмонтированы таблички с именами на разных языках: это родственники погибших увековечили их память. Сохранились наблюдательные вышки и колючая проволока в несколь-

ко рядов, не тронуты ворота лагеря с надписью «Каждому свое», которую читали и перечитывали заключенные, простаивая часами на ледящем ветру на аппельплаце.

(Надо сказать, что территория лагеря и зимой, и летом продувается сильным холодным ветром — возможно, потому, что для строительства лагеря был вырублен значительный кусок леса на самой вершине горы.) Поразительно, но в лагере имелся зоопарк, точнее, медвежий вольер, от которого остались лишь руины. Зоопарк был устроен в пяти метрах от колючей проволоки, огораживающей лагерь, для психологической разгрузки обслуживающего персонала лагеря после «тяжелой трудовой недели» и для развлечения их семейств.

Наверное, я не первый человек, задумавшийся над индивидуальной и массовой психологией людей при нацистском или подобных режимах, а также об иерархии во взаимоотношениях заключенных. Вероятно, на эти темы написан не один десяток книг. Во всяком случае, архив, библиотека, да и встреча «вживую» с самим памятником «Бухенвальд» дают богатый материал для размышлений на эти и другие темы. Потрясает тот факт, что многие заключенные, пытаясь, для того чтобы выжить, сохранить психическое здоровье, занимались иностранными языками, рисовали, сочиняли стихи.

История Бухенвальда не заканчивается апрелем 1945 года, когда лагерь был освобожден. За американцами появились советские войска, и Тюрингия отошла к советской зоне. 22 августа 1945 года в Бухенвальде был открыт новый «Специальный лагерь № 2». Спецлагерь просуществовал здесь до 1950 года. В нем содержались бывшие члены и коллаборационисты НСДРП, но также и те, кто обвинялся в шпионаже в пользу бывших союзников Советского Союза или был замечен в нелояльности по отношению к новому советскому режиму. В этом лагере были также и женщины. Из 28 тысяч заключенных за пятилетний срок существования лагеря от недоедания и болезни погибло 7 тысяч человек. В ГДР существование Спецлагеря № 2 замалчивалось, и только в 1990 году документы были обнародованы. В 1995 году на месте массовых захоронений были установлены стелы с номерами погибших заключенных. Затем была открыта постоянно действующая экспозиция, раскрывающая историю Бухенвальда с 1945 по 1950 год.

В 1951 году на территории бывшего лагеря была установлена мемориальная плита в память об участниках лагерного Сопротивления, а в 1958 году было принято решение об открытии в Бухенвальде национального мемориального комплекса. Каждый день туда приезжают люди. Для некоторых из них Бухенвальд — это могила родственников, для других — так и не изжитый кошмар молодости. Для третьих — история, которую рассказывают в школе, и школьная экскурсия. Однако для всех них Бухенвальд — не мертвая уложенная камнями земля, а пульсирующая память, которая заставляет стариков рассказывать пережитое ими и эмоционально пробуждает молодых.

Сколько лет еще существовать этому памятнику? Психологически слишком тяжело там находиться даже короткое время, а что говорить о людях, которые работают в мемориальном комплексе, говорит, что не я одна задаю такой вопрос. Может быть, еще 50 лет это место будет посещаться, пока живы бывшие узники Бухенвальда или родственники погибших. Может быть, потом здесь будет построен новый район разросшего Веймара. Только бы история не повторилась еще раз!

Зоопарк в Бухенвальде

Крематорий концлагеря Бухенвальд

Крупнейшее звено Холокоста

Входящие, оставьте упования.
Данте «Ад» (пер. М. Лозинского)

В 1921 году некий молодой человек по имени Илья Эренбург, персонаж романа своего тридцатилетнего тезки и однофамильца, вместе со своими соучениками услышал пророчество Учителя о судьбах еврейского племени. Учитель хорошо знал историю и предрек, что «в недалеком будущем состоятся торжественные сеансы уничтожения еврейского племени в Будапеште, Киеве... и во многих других местах. В программу войдут, кроме излюбленных уважаемой публикой традиционных погромов, реставрированные в духе эпохи: сожжение евреев, закапывание их живьем в землю, опрыскивание людей еврейской кровью, а также новые приемы «эвакуации»... Приглашаются... все желающие. О месте и времени будет объявлено особо. Вход бесплатный». Но даже и Учитель при всей своей прозорливости и знании пороков человечества не смог предвидеть такого высокого уровня техники человекоистребления, подготовленного сатанинскими умами внешне человекоподобных.

27 апреля 1940 года рейхсфюрер СС Гиммлер издал приказ об организации лагеря на территории Польши в 50 километрах западнее Кракова, у слияния рек Солы и Вислы. Еще до приказа Гиммлера здесь содержали польских офицеров и политических «преступников». Теперь же создавался одновременно концентрационный лагерь и лагерь смерти.

Вокруг Освенцима было создано много лагерей, причем центром был Освенцим (по-немецки Аушвиц). Недалеко от него в лесах расположился лагерь смерти Бжезинка (по-немецки Биркенау), называвшийся также Освенцим II, — он начал действовать в марте 1942 года. Рядом находились трудовые лагеря Моновице, Голешау, Явишовиц, Нейдахс, Блемахер и др. Всего было создано 45 филиалов и рабочих команд, в которых трудились одновременно до 250 тысяч узников. Основными в этой системе были Аушвиц и Биркенау. 1 мая 1940 года комендантом лагеря был назначен гауптштурмфюрер СС Рудольф Франц Хесс.

Все лагеря были обвиты густой сетью колючей проволоки, находящейся под высоким напряжением, и обведены глубокими рвами, где всегда стояла вода.

В 1941 году Гиммлер совершил инспекционную поездку в Освенцим. Спустя некоторое время, в сентябре 1941 года, в Освенциме впервые был применен газ. Группу советских военнопленных заперли в подвале и пустили туда «циклон Б». После ряда экспериментов немцы усовершенствовали этот метод и построили газовые камеры. По данным ранее Гиммлером указаниям для сжигания трупов был выстроен первый крематорий с тремя печами (до этого трупы складывали в штабеля и, облив бензином, сжигали). Летом 1942 года Гиммлер опять побывал в Освенциме и распорядился расширить лагерь до гигантских размеров. Только Аушвиц и Биркенау расположились на территории в 468 гектаров и имели свыше 620 бараков. После гиммлеровского посещения фирма «Тэнф и сыновья» начала строить в Биркенау четыре кре-

матория и газовые камеры. (В 1939 году свыше 320 тысяч евреев в результате гонений и погромов вынуждены были покинуть Германию. Нацистским руководством был разработан план переселения всех европейских евреев на остров Мадагаскар. Но в связи с невозможностью реализации этот план был заменен на так называемое «окончательное решение еврейского вопроса», то есть — поголовное истребление европейских евреев. Это решение было принято 20 января 1942 года в пригороде Берлина Гроссен-Ванзес высшими руководителями рейха и теоретиками нацизма. После этого в лагерях смерти стали интенсивно строиться крематории.)

Вступившие в дело два огромных крематория работали круглосуточно. В четырех газовых камерах можно было одновременно отравить 12 тысяч человек. Тела сжигали в крематориях, расположенных в том же здании. Но «пропускная способность» крематориев не превышала 8 тысяч трупов в сутки, поэтому оставшихся немцы вывозили в лес и сжигали на кострах.

Освенцимская лагерная администрация состояла из эсэсовцев, прошедших специальную подготовку по программе осуществления «окончательного решения еврейского вопроса». Она подразделялась на старших по лагерю, старших по блокам, дневальных в помещениях и старших по баракам. Таким образом, ни один узник не мог быть вне поля зрения.

Со временем освенцимская система лагерей превратилась в громадную фабрику по уничтожению людей. Почти из всех стран Европы в лагерь смерти Освенцим следовали эшелоны с узника-

ми. Первые эшелоны с евреями прибыли из Восточной Силезии в сентябре 1941 года. Затем было доставлено в общей сложности из Венгрии — 400 тысяч человек; из Польши — 250 тысяч; из Германии — 100 тысяч; из Голландии — 90 тысяч; из Греции — 65 тысяч; из Франции — 11 тысяч...

Узников истребляли путем:

отравления газом «циклон» в закрытых помещениях — «банных», «душевых», с последующим сожжением в крематориях;

расстрелов;

голода;

чудовищных истязаний;

медицинских экспериментов.

По степени продуманности и технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей освенцимский лагерь смерти стоит на первом месте среди других лагерей смерти. За время своего функционирования он истребил свыше 4 миллионов граждан стран Европы.

Подавляющее большинство погибших в этом аду — евреи, среди которых были не только мирные граждане, но и военнопленные. Менее трети погибших — граждане других национальностей из разных, как и евреи, стран Европы: люди, сопротивлявшиеся фашистскому режиму, военнопленные, партизаны, те, кто укрывал партизан и военнопленных, ком-

Освенцим. Лозунг на воротах: «Arbeit macht frei»
(«Работа делает свободным»)

мунисты, советские активисты и т. д. Евреи же доставлялись в Освенцим (как и в другие лагеря смерти) только за свою национальную принадлежность. Василий Гроссман в 1944 году написал: «Быть евреем — это величайшее преступление, и карается это преступление смертью».

На Нюрнбергском процессе над главными немецко-фашистскими преступниками в 1946 году Рудольфа Хесса, привлеченного тогда в качестве свидетеля, спросили, думал ли он, что люди, которых он уничтожал, были в чем-либо повинны и заслуживали столь страшной участи. Бывший комендант лагеря смерти ответил:

— Мы, эсэсовцы, никогда не задумывались над такими вопросами. И кроме того, считалось общепринятым и бесспорным, что евреи должны отвечать за все.

Психиатр Джильберт захотел уточнить, почему же это считалось общепринятым.

— Почему? — удивился Хесс. — Да мы ведь никогда ничего другого не слышали... все наше военное и идеологическое воспитание убеждало нас в том, что мы должны защищать Германию от евреев...

Истребление людей происходило с немецкой четкостью, аккуратностью, «чистотой». Железнодорожные составы подходят точно по расписанию. Те, кто не скончался от удушья в переполненных товарных вагонах (особенно с Востока), не погиб от жажды, холода и голода, надеются, естественно, выжить. Открываются двери вагонов и узники слышат звуки классической музыки, которую исполняет на главной площади лагеря военный оркестр. Сразу после выгрузки из вагонов идет сортировка: кого немедленно в «баню», а кого — потом. Евреев, как правило, сразу отправляли в «баню». «На потом» оставляли людей необходимо-практических профессий: стоматологов, хирургов, некоторое количество портных, сапожников, столяров и т. д., а также здоровых мужчин для работы на заводах, в каменоломнях и, вместе со здоровыми женщинами и детьми, для использования в медицинских экспериментах. Часто в этом отборе принимал участие главный врач Освенцима, чудовище в человеческом облике, Йозеф Менгеле. Узники двигались строем перед Менгеле, который командовал либо «направо» (рабочая бригада), либо «налево» (газовая камера). Маленьких детей отрывают от родителей, жен от мужей... Старики, слабосильные, матери с грудными и малолетними детьми сразу направляются в газовые камеры («бани») Биркенау, где в предбанниках стоят скамейки с номерами для аккуратного складывания вещей. Все ценности принимаются на «хранение». Женщины подвергаются стрижке, спрятанные в волосах броши, кольца отбираются на «хранение»... У узников изымалось все до нательного белья и обуви. Все вещи отправлялись, после сортировки на складах, в Германию. Каторжане получали арестантскую полосатую одежду.

А в Аушвиц направляются колонны вновь прибывших трудоспособных заключенных, чтобы занять освободившиеся нары тех, кто погиб на работах, задушен в газовых камерах, умер в муках при «медицинских» исследованиях. Ежедневно прибывало от трех до пяти железнодорожных эшелонов по 1500–3000 человек в каждом.

Баракы Освенцима — это не покосившиеся халупы, а трехэтажные дома из красного кирпича, стоящие четкими рядами. Все сделано основательно: уничтожить надо миллионы. Но в некоторых освенцимских лагерях под баракы использовались и конюшни, в которые набивалось не по 500 человек, как было рассчитано, а по 1200. Ежедневно эсэсовцы умерщвляли и сжигали от 10 до 12 тысяч человек. Из них 8–10 тысяч из прибывших эшелонов и 2–3 тысячи — из числа узников лагеря. В газовые камеры загоняли по 1500–1700 человек. Затем через люки в потолке эсэсовцы в противогазах забрасывали «циклон». Газирование продолжалось до 20 минут, после чего трупы выгружались и на вагонетках вывозились во рвы для сожжения, а позднее в крематории.

Немецко-фашистские профессора и врачи проводили садистские опыты над людьми. Не будем перечислять ужасы ада, назовем лишь несколько имен и фактов, несколько фактов в океане слез.

Молодой врач Кениг отбирал узников с воспалением конечностей и практиковался в ампутации. Главный врач одной из больниц Энтрес производил чревосечения, операции по поводу язвы желудка. Врачи Тилло и Фишер без всяких показаний производили грыжесечения большой массе узников. Уже названный Менгеле, назначенный Гиммлером в 1943 году главным врачом Аушвица, производил «медицинские» эксперименты над близнецами. Однажды ему доложили, что в одном из бараков появились вши. Менгеле отправил в газовую камеру всех обитательниц этого барака — 750 женщин.

В блоке № 10 больничного отделения Аушвица содержалось до 400 молодых узниц, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения и хирургическим методом, по привитию рака, насильственному родоразрешению.

Профессор Шуман и врач Деринг в блоке № 21 производили стерилизацию рентгеном и кастрацию мужчин.

Врач Кашуб в блоке № 28 искусственно заражал желтухой.

По приказу главврача Энтреса на протяжении всего существования освенцимских лагерей в больницах умерщвлялись заключенные путем вливания фенола в сердце. Так погибли десятки тысяч узников.

Эксперименты врачей представляли собой желанное зрелище для садистов из лагерной obsługi. Так, охранница лагеря Ирма Грезе за свою крайнюю жестокость по отношению к заключенным и необыкновенную красоту получила прозвища Ангел Смерти и Светловолосый Дьявол. Она часами наблюдала за «медицинскими» опытами. Особенно ее привлекали операции по удалению груди.

Врач-гинеколог Клауберг покупал у администрации лагеря молодых женщин для испытания химических препаратов по заказам немецких фирм.

Как правило, опыты кончались мучительной смертью. Но если кто-либо чудом оставался живым, то подвергался дальнейшим издевательствам. Напомним еще, что опыты производились в таком же количестве на детях.

В освенцимских лагерях содержалось, как было сказано выше, до четверти миллиона узников для каторжных работ. На этих работах люди доводились до крайнего изнеможения и истощения, а затем истреблялись. Общий состав трудоспособных пополнялся вновь прибывшими. Каждую неделю врачи производили среди узников отбор («селекцию»), в результате которого потерявших трудоспособность отправляли в «бани». Здесь, не менее чем в других областях «медицины», отличились уже упомянутый «эксперт» Менгеле и его молодые коллеги Кениг, Тилон, Клейн. Дьявольский конвейер смерти был отработан до совершенства.

В 1941 году близ освенцимских лагерей немцы развернули строительство военно-химического завода, а также завода взрывателей для бомб и снарядов. Строили их крупные фирмы. Десятки тысяч узников — русских, белорусов, украинцев, поляков, французов, греков, югославов, голландцев, бельгийцев, итальянцев — работали на этих производствах, а также на строительстве дорог, на осушении болот, в шахтах. Узники падали от изнеможения. От бараков до места работ было 7–8 километров. Тысячные колонны, окруженные эсэсовцами с собаками, двигались на работы. Обессилевших в пути или на работах — пристреливали, а подчас закапывали живыми. Вот лишь два из зафиксированных случаев.

В августе 1943 года эсэсовцы привели на площадку строительства завода «И. Г. Фарбениндустри» 400 заключенных, среди которых были узники из Югославии, Греции, Франции, Бельгии, завели их в ров и стали живыми закапывать. При этом они обратились к узникам, работавшим рядом: «Работайте хорошо, а то и с вами будет то же». Спустя две недели

эсэсовец Лосман с группой других эсэсовцев отобрали из числа узников Аушвица 30 человек, завели их в выкопанную яму и зарыли по плечи. Затем, сев на лошадей, стали скакать по площадке, задавив всех.

Огромные освенцимские болота стали могилой многих людей разных национальностей. Здесь работало более 300 команд по 1200 человек в каждой. Изнуряющие бесчеловечные условия труда, избиения, убийства приводили к тому, что никто не выживал более двух месяцев. Люди погибали в самих болотах или, потеряв трудоспособность, подвергались вливанию фенола в сердце либо погибали в газовых камерах. Неспособных идти пристреливали или добивали.

К непереносимым условиям каторжной работы прибавлялся кошмар барачков, где в помещениях, рассчитанные на 400–500 человек, как было сказано выше, набивали до 1200 человек. А эшелоны ежедневно доставляли все новых узников: конвейер смерти работал на полных оборотах.

Пересказать и описать хотя бы наполовину то, что происходило в Освенциме, не может никто: много документов, как и узников, сожжено. Лишь часть кошмарных фактов описана в материалах Нюрнбергского процесса.

Массовые убийства в освенцимских лагерях продолжались до конца лета 1944 года. 28 октября 1944 года в Освенцим пришел последний эшелон с узниками-евреями, в котором было 2000 человек. Это была последняя партия умерщвленных газом.

Освенцим I и Освенцим II (Биркенау) действовали до января 1945 года. Здесь на славу трудились 2500 эсэсовцев. До сих пор нет точной цифры жертв, но речь идет о миллионах.

Приближение советских войск заставило немцев начать эвакуацию узников. Часть заключенных убили на месте, других погнали пешком в Германию. Эти колонны получили название «маршей смерти». Накануне освобождения Освенцима Советской Армией нацисты взорвали крематории.

Части Советской Армии, освобождавшие польскую Силезию, обнаружили освенцимский лагерь 27 января 1945 года. Было спасено 2819 узников, чудом оставшихся в живых. Это были люди с того света, живые свидетели человекоистребления в освенцимском аду.

На территории освенцимского лагеря было 35 складов для сортировки и упаковки награбленных вещей, одежды и обуви. Перед отступлением немцы сожгли 29 складов. В оставшихся шести обнаружено громадное количество вещей и различной посуды, а также около 1,2 миллиона комплектов мужской и женской верхней и нижней одежды. Обнаружено большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки...

На одежде, обуви и других вещах обнаружены фабричные марки Франции, Бельгии, Венгрии, Голландии, Югославии, Чехословакии и других стран. На чемоданах сохранились ярлыки гостиниц различных европейских городов.

На территории лагеря обнаружено семь вагонов с вещами, уже подготовленными немцами для отправки в Германию. В найденных документах значилось, что только в течение 47 дней, с 1 декабря 1944 года по 15 января 1945 года, обработано для отправки в Германию около 515 тысяч комплектов детского, женского и мужского верхнего платья и белья.

На кожевенном заводе лагеря обнаружено 293 тюка запакowanych женских волос, общим весом в семь тонн. Комиссией установлено, что волосы срезаны со 140 тысяч женщин.

Дослужившийся до оберштурмбанфюрера СС Рудольф Хесс, первый комендант освенцимских лагерей, работавший там с мая 1940 года до ноября 1943-го, а затем по рекомендации Бормана переведенный на повышение, 29 марта 1947 года был приговорен в Варшаве к смертной казни и 16 апреля 1947 года казнен на территории лагеря Освенцим.

Сменивший Хесса в ноябре 1943 года садист, равный ему по нравственной сути, переведенный из Майданека оберштурмбанфюрер СС Артур Либегеншель при наступлении частей Красной Армии пропал без вести.

Садистка Грезе, Ангел Смерти, в 1946 году была приговорена к смертной казни и повешена.

Для уничтожения европейских евреев существовали и другие лагеря смерти: Майданек, Треблинка, Бельзен и Собибор. Кроме того, было 400 транзитных пунктов, осуществлявших отправку рабочей силы на Запад. Но Освенцим был самой мощной фабрикой смерти и оставался главным центром Холокоста.

Лагерное ограждение в Освенциме

Спустя более чем 18 лет после Второй мировой войны во Франкфурте-на-Майне начался самый продолжительный из всех германских судебных процессов суд: он длился с 20 декабря 1963 по 20 августа 1965 года. Перед судом предстали старшие офицеры СС, истреблявшие людей в Освенциме. Из 21 человека шесть осуждены на пожизненное заключение и пожизненные каторжные работы, остальные — на разные сроки заключения. А многим эсэсовцам удалось избежать суда.

В своем романе-воспоминании писатель-фронтвик Анатолий Рыбаков пишет: «Уничтожение целых

народов, и прежде всего славян, — такова генеральная программа Гитлера. Истребление шести миллионов евреев — всего лишь лаборатория, где немцы набивали руку, накапливали опыт.

Пусть подумают об этом те, кто поддается пропаганде нынешних фашиствующих молодчиков, величающих Гитлера Адольфом Алоизовичем».

Истребление евреев проводилось с помощью или, в основном, при молчаливом невмешательстве других народов. Гитлер хотел уничтожить одних с помощью других, чтобы затем легче было уничтожить этих других. Правда, были случаи укрывания евреев, за что многие заплатили жизнью, были случаи помощи евреям в побеге, даже в другие страны, но открытого выступления масс в защиту евреев не было.

В конце грустного повествования хочется сказать, что наши доморощенные фашисты, расклеивающие на стенах и столбах города свастику, а также политики типа Кондратенко и Макашова, ведущие разнузданную антисемитскую деятельность, плохо знают историю своей Родины и направляют удар против собственного народа, превращая в знамя фашистскую идеологию.

Еще живы миллионы участников Второй мировой войны, инвалидов, узников, перенесших ужасы лагерей смерти, еще не все тела погибших солдат захоронены и тянется трупный запах из печей уничтожения, а свастика вновь раскинула паучьи щупальца на стенах домов и газетных полосах, с которых несутся погромные антисемитские призывы.

За всю историю цивилизации Холокост явился самым чудовищным проявлением варварства. Попытки социологов и психиатров вывести рациональную формулу этого трагического феномена в истории человечества до сих пор не увенчались успехом.

Лиловые треугольники

Приятие нацистского режима, отсутствие активной осуждающей позиции по отношению к его преступлениям стало позорным моментом в истории христианской церкви, сильно подорвавшим и без того уже хилый ее авторитет.

Пожалуй, единственной религиозной группой, находившейся в открытом противостоянии нацистскому режиму, были свидетели Иеговы. Многим приверженцам этого учения их позиция стоила жизни. Несколько тысяч свидетелей Иеговы оказались в тюрьмах и лагерях, двум тысячам не суждено было выйти на свободу.

Противостояние режиму началось с малого. Свидетели Иеговы не желали повторять приветственную формулу «Хайль Гитлер!», восславляющую конкретного человека, а не Господа. Кажется — невелико дело. Но если вокруг тебя в едином порыве вздымаются две тысячи рук и две тысячи глоток хором лают приветствие, какое нужно иметь мужество, чтобы нарочито вежливо и отстранено произнести: «Доброе утро!» Тогда оказываешься абсолютно один против толпы и за эту непопустительную свободу — побои, увольнения («Ввиду отказа произносить приветствие ваш контракт по найму расторгнут»), а затем и аресты.

Свидетели Иеговы отвергали военную службу и не признавали безоговорочной верности отечеству. За пропаганду этих идей в 1933 году организация была запрещена в большинстве земель Германии. Заметим, что этот запрет широко приветствовали представители католической и протестантской церкви. Свидетелей обвинили в общем заговоре с евреями и коммунистами. Все попытки объяснить властям суть позиции политического нейтралитета оказались тщетны. Вскоре было закрыто находящееся в Магдебурге издательство «Сторожевая башня». Свидетели Иеговы были вынуждены уйти в подполье.

Сотни их были брошены в тюрьмы. Многие затем были переправлены в концентрационные лагеря. Дети свидетелей Иеговы отлучались от родителей и направлялись для перевоспитания в нацистские школы, мало чем отличные от тюрем.

В довоенных лагерях 5–10% узников составляли свидетели Иеговы. С 1937 года их стали помечать особыми знаками — лиловыми треугольниками. Таким образом, свидетели Иеговы были единственной религиозной группой, составившей отдельную категорию людей, подлежащих уничтожению. Особенностью этой группы было еще и то, что ее члены в любой момент могли получить свободу — стоило только подписать отречение от принципов своей веры.

Деятельность свидетелей Иеговы можно рассматривать как планомерную антигитлеровскую кампанию. С 1933 года в издании «Золотой век», выходившем в Англии, появляются карикатуры на нацистский режим. С 1934 года стали печататься материалы, разоблачающие преследования свидетелей. В 1936 году там же публикует свои свидетельства Отто Харингтон, очевидец творившегося в концлагерях ужаса. На базельском конгрессе 1934 года было решено отправить Гитлеру телеграмму протеста («Ваше жестокое обращение со свидетелями Иеговы возмущает всех добропорядочных людей мира и бесчестит имя Бога», — говорилось в ней.) По рассказам правительственного чиновника Карла Викинга, Гитлер был в гневе: «Я истреблю это отродье в Германии!»

Производились все новые и новые аресты, но свидетели Иеговы продолжали свою «подрывную» работу. В Германию постоянно поступала обличительная литература. Те, кому удалось освободиться из лагерей, немедленно уходили в подполье, изобретая порой довольно остроумные способы, что-

бы донести до людей информацию о преступлениях нацистов. Наталия Петцингер, например, рассказывает, что они открыли шляпную мастерскую и ходили по домам, пряча в двойном дне дамских шляп запрещенную литературу. Знаменитыми стали и специально оборудованные граммофоны, с помощью которых свидетели Иеговы вели пропаганду (заметим, что существовало специальное распоряжение Гиммлера о том, что необходимо «покончить с граммофонной проблемой»). На помпу летней Олимпиады 1936 года свидетели Иеговы ответили конгрессом в Люцерне, на котором показали оборотную сторону гитлеровского режима. В результате была принята резолюция, двести тысяч экземпляров которой были

распространены в одну ночь по всей Германии. Это стало, пожалуй, самой успешной акцией по привлечению общественного внимания к происходившей трагедии.

Одним из узловых пунктов на пути распространения информации стало имение финского врача Феликса Керстена, личного врача Гиммлера. Имение Керстена находилось недалеко от Равенсбрюка. Пользуясь хорошими отношениями с Гиммлером, он просил выделить ему заключенных для работы на ферме. Анни Густавсон, получившая таким образом работу в Швеции, рассказывает о том, как Керстен перевозил в нацистскую Германию свежие издания «Сторожевой башни».

В 1938 году на немецком и польском языках была опубликована книга «Крестовый поход против христианства». В ней приводились схемы трудовых и концентрационных лагерей, а также свидетельства их узников. Томас Манн писал по поводу этого издания: «Меня глубоко взволновала ваша книга; приведенный в ней жуткий документальный материал. Издав эту книгу, высветив эти факты, вы выполнили свой долг. По-моему, лучшего воззвания к совести общественности не существует».

Второго октября 1938 года пятьдесят радиостанций мира передавали речь президента Общества Сторожевой башни Джозефа Р. Руттерфорда на тему «Фашизм или свобода», обличающую жестокое преследование евреев. Через месяц случилась трагедия Хрустальной ночи (200 тысяч евреев арестовано, сожжены синагоги). Религиозная общественность ответила на это событие гробовым молчанием. Свидетели вновь были единственной религиозной группой, публично осудившей это преступление. «Как же тут молчать?» — гласил один из заголовков газеты «Утешение».

Одной из славных страниц сопротивления свидетелей Иеговы является их поведение в лагерях. Профессор истории доктор Кристиан Кинг говорит, что ей не приходилось еще встречать узников, которые не помнили бы свидетелей Иеговы: эта маленькая группка резко выделялась на общем фоне. Прежде всего, они сохраняли структуру братства. Если другие узники часто замыкались в собственном страдании, свидетели Иеговы выживали через помощь ближнему: они создавали целые системы по оказанию помощи, делясь хлебом и словом с самыми слабыми. Во многих лагерях им удавалось тайно встречаться для чтения религиозной литературы. Одна из бывших узниц рассказывала, как Библия — размером со спичечный коробок — помогла ей выжить в аду Равенсбрюка. Надзиратели получили распоряжение изолировать свидетелей Иеговы: каждый поступающий в лагерь свидетель Иеговы получал двадцать пять ударов палками, каждый, кто вступал с ними в контакт, также наказывался двадцатью пятью ударами. Но свидетели Иеговы не только продолжали проповедовать, они даже умудрились создать в лагере Вевельсбург тайную типографию. Во время пожара в лагере они обзавелись

были они чеченского происхождения. Теперь становится понятно, почему чеченцев нужно истреблять как нацию. Тогда вопрос: зачем ценой огромных жертв с обеих сторон России нужна «каменистая и небогатая природными ресурсами» чеченская земля? Да, именно огромных жертв. Когда журналисты сообщают, что боевиков уничтожено 80 человек, а со стороны федералов только двое ранено, а один пропал без вести, — это неправда. Погибает очень много солдат, и в основном это молодые призывники. Ни для кого не секрет, как российские генералы хоронили своих солдат. Теперь изумленные и возмущенные военные сообщают доверчивому телезрителю, что в Чечне найдены большие массовые захоронения и что таким образом было истреблено русскоязычное население. Но это и есть те якобы без вести пропавшие солдаты; иногда то же самое означают слова «в плену». Во время войны 1994–96 годов подростки одного горного чеченского селения наблюдали, как самолет сбрасывает какой-то груз. Когда самолет улетел, они пошли искать груз, надеясь, что это могут быть продукты питания, сброшенные по ошибке (бомбы же сбрасывают по ошибке). Домой дети вернулись в шоке, долго не могли вымолвить ни слова — этим грузом оказались трупы российских солдат в целлофановых мешках. Вот каким образом могут пропадать без вести солдаты. В первую войну, когда контрактникам задерживали зарплату, они обстреливали своих же, и тогда военачальники становились более пунктуальными. Организованные федеральными властями фильтрационные (читай: концентрационные) лагеря для чеченцев и нерусских описывать не стоит, так как такие же ужасы фашизма испытали на себе евреи в годы Второй мировой войны и о них хорошо известно. Однако надо заметить, что федералы достаточно предприимчивы. За моего знакомого осетина — бывшего узника фильтрационного лагеря заломили такую цену, что его родственники остались без крова. Так что у чеченских террористов есть сильные конкуренты в области работорговли.

Агитация против чеченцев ведется настолько мощно, что я, будучи самой настоящей чеченкой, иногда сомневаюсь в самой себе. Я думаю: а не убийца ли я? И мой народ после ядовитых комментариев журналистов кажется мне примитивным и варварским. Что тогда говорить о людях, не имеющих понятия о чеченцах и об их культуре? Как они должны воспринять эту информацию?

Такое впечатление, что весь мир ополчился против нас. В чем вина простых, мирных граждан и детей, лишенных детства и образования? Почему российское правительство уничтожает бандформирования тяжелой артиллерией и бомбардировками, а для бандитов Москвы и Питера находит более цивилизованные средства? Разве в самой России нет преступности? Она есть. Но тем не менее не истребители и танки принимают участие в обезвреживании преступников.

6 декабря 1999 года генерал Казанцев предъявил ультиматум жителям Грозного: покинуть город, те же, кто останется, будут уничтожены как террористы. За этим заявлением последовала незамедлительная реакция президента США Билла Клинтона. Он осудил политику Кремля и действия военных и сказал, что никто не имеет права вмешиваться во внутренние дела государства, но там, где нарушаются права человека, вмешаться — долг каждого. И Казанцев потропился опровергнуть свои же слова.

А между генералами идет прямо-таки настоящая борьба за право вести тот или иной бой. Один из них прокомментировал это так: всем хочется иметь опыт ведения войны. Конечно, генералам хочется, но ведь не они лезут под пули и не их сыны гибнут.

Показателен случай в Ингушетии, когда солдатами федеральных войск была расстреляна молодая девушка-продавщица за отказ дать им водку. Спрашивается, кто явился вершить суд над людьми? Алкоголики и психически неуравновешенные люди. В чем повинна двадцатилетняя девушка? За что ее лишили жизни?

Это единственный раз, по крайней мере на моей памяти, когда беспредел военных был вынесен на суд общественности. А сколько таких случаев, о которых общество не информировано? Я знаю точно, что на зверства и неоправданное насилие способны только те «люди», которым самое место в тюрьме или психбольнице, а не в рядах армии.

В настоящее время российские войска стоят на окраинах моего родного села Автуры, обстреливают и бомбят его. А я знаю точно, что в селе нет никаких бандформирований и не было, и из других мест боевики туда не придут, так как село Автуры расположено на равнине, это открытое место и для военных действий крайне неудобное. Тогда зачем его бомбят? Может, у военных план по расходованию боеприпасов или план по количеству чеченских трупов?

Российское правительство начисто лишено способности решать свои проблемы мирным путем. Русская пословица гласит: «Сила есть — ума не надо». Если и появляется незаурядная личность, то ее в лучшем случае выдворяют из страны или отправляют в Сибирь. Такое отношение российского правительства к своим гражданам практикуется испокон веков. Нет у этого правительства ни малейшего чувства благодарности к своим преданным солдатам, которые, понимая всю чудовищность его политики, все-таки идут на верную гибель. Не считает это правительство нужным просто по-человечески похоронить погибшего солдата. Использует даже смерть солдата в своих корыстных целях: чтобы очернить чеченцев. Ничем не брезгует.

Я знаю, что большинство в армии — это исполнители. Эта громадная сила обязана подчиняться. Умом это понять можно. Помимо любви к Родине и патриотизма в рядах Красной Армии присутствовала железная дисциплина, благодаря которой люди в 1941–45 годах успешно боролись против внешнего врага — германского фашизма — и победили его. Но в наши дни война идет против собственного народа, внутри своей страны, и при этом война беспрецедентно жестокая. Стерта с лица земли целая республика — неотъемлемая часть России, как утверждают президент и его правительство, депутаты Госдумы и другие политики. Эти политики противоречат сами себе. Представьте себе такую картину: человек воюет сам с собой и отрезает себе руку, вырывает сердце и т. д. Какое впечатление он производит?

Ответ однозначен — этот человек умалишенный. Этим я хочу сказать, что иногда и военному человеку неплохо было бы иметь свое мнение, трезво оценивать свои действия и предвидеть их последствия, а не слепо подчиняться приказам умалишенного. Если подобное подчинение имеет место, то это не преданность и патриотизм, а трусость и полное безразличие к своей стране и своему народу.

Антифашисты против войны в Чечне

Ставшее уже традиционным антифашистское шествие, приуроченное к Международному дню победы над фашизмом и обычно проходившее 8 мая, в этом году, по некоторым причинам, состоялось 7-го числа. Антифашисты вышли на улицы города в канун годовщины победы над нацистской Германией с целью выразить свой протест против войны в Чечне и связанного с нею роста шовинистических и националистических настроений в обществе, призывая к осознанию проблем, связанных с этой войной.

Более полувека назад закончилась Вторая мировая война. Человеческая психика устроена так, что мы быстро забываем плохое и долго помним хорошее. И теперь не только молодое поколение, но и люди, прошедшие войну, говорят только о «светлом празднике Победы», забывая или же не желая вспоминать о цене, которой была достигнута эта победа. Детям еще в школе внушают, что «советскими войсками 9 мая 1945 года фашизм был побежден», при этом забывают только упомянуть, что побежден-то был фашизм Гитлера, фашизм нацистской Германии. И дети растут не замечая, что фашизм существует и сейчас, что он у нас под боком, что мы сталкиваемся с ним каждый день. Мы привыкли ассоциировать фашизм с каким-то далеким внешним врагом, которого уже «55 лет как победила Советская Армия». Следовательно, фашизма сейчас существовать не должно, во всяком случае, уж русский-то человек к фашизму никакого отношения иметь не может.

Мало кто сейчас будет отрицать (хотя находятся и такие ревизионисты), что фашизм, пришедший к власти в Германии 1930-х годов, принес с собой неисчислимы, ужасные бедствия, — мир вынес однозначный приговор Гитлеру и бесчеловечной политике Третьего рейха. Безумный милитаризм Гитлера превратил Германию в военную машину, подчиненную одной цели — захвату все новых стран, порабощению все новых народов. Увы, не столь строгим оказался приговор современников советскому тоталитаризму. А ведь не менее безумно вело себя в предвоенные годы и правительство Советского Союза во главе со Сталиным, также настроенное на военную экспансию (Сталин не погнушался союзом с Гитлером, поделив с ним Польшу и Прибалтику). То, что Советский Союз победил фашистскую Германию, отнюдь не отмечает собственную бесчеловечность советской политики. Советский режим при Сталине был немногим менее страшен, чем гитлеровский в Гер-

мании: тому доказательством являются сталинские репрессии, геноцид чеченского, да и многих других народов. И восхвалять Сталина как героя — победителя фашизма то же самое, как если бы, в случае победы Германии во Второй мировой войне, в наши дни, отойдя

уже от зверской политики начала Третьего рейха, люди пили за здоровье Гитлера как героя — победителя Красной Чумы, отвечая на напоминание о его преступлениях перед человечеством: «Но ведь это наша история!» Да, это наша история, и сталинские репрессии — тоже, и об этом надо помнить, чтобы мы оставались людьми с историей, а не с мифами о победителях драконов.

Для тоталитарных систем, таких как гитлеризм в Германии и сталинизм в Советском Союзе, характерен поиск врага, как внешнего, так и внутреннего. Идеологи фашизма в Германии использовали эти поиски «заклятого врага» всей нации для сплочения измученного немецкого народа — это закончилось геноцидом евреев и цыган, появлением такого чудовищного места, как Освенцим, истинной трагедией для всех народов Европы. Подобные же поиски в Советском Союзе привели к многотысячным репрессиям и ГУЛАГу. В современной России эти поиски закончены: враг найден. По всей стране идет охота на «террористов» «кавказской национальности». Лицемерная борьба с терроризмом оказалась кровавой войной с целым народом. Гибнут тысячи невинных людей, и чеченцев, и русских. Но подобно тому, как ни Гитлер, ни Сталин ценой не интересовались, не интересуются ею и в сегодняшней России. Для тех главное было — облачиться в мантию драконоборца. В России эта мантия уже надета, и «мо-

чат» дракона со страшной силой. И в Чечне уже существуют концлагеря, и многие мирные жители гибнут, но эта «борьба» не обернется ли против тех, кто ее одобряет, как то было в Германии Гитлера и Советском Союзе Сталина? Сегодня «мочат» чеченцев, а завтра «террористом» станет кто-то иной. Кто? Я, вы, мы — все?

В этом году, как обычно начав шествие у ТюЗа, участники акции с плакатами и транспарантами прошли по Гороховой, затем по Садовой и вышли на Невский проспект. Во время шествия они скандировали лозунги «Нет фашизму!», «Нет войне!», «Нет гитлеризму, сталинизму и путинизму!». Кроме членов правозащитного общества «Мемориал», официального организатора этой акции, и общества «Солдатские матери Санкт-Петербурга», уже давно, еще в первую чеченскую кампанию, зарекомендовавшего себя как самого активного противника войны в Чечне, в шествии участвовали представители различных направлений левой молодежи (анархисты, панки, редскины). Именно благодаря колориту последних, шедших (вернее, весело скакавших) во главе процессии и громко скандировавших стихи собственного сочинения: «Бей фашиста прямо в лоб — загоняй фашиста в гроб!», акция приобрела некоторую залихватскую воинственность и задор. Проходим во множестве раздавались листовки, а детям — разноцветные антифашистские флажки с изображением ежа, разбивающего свастику, с одной стороны и рук, ломающих винтовку, — с другой.

Около Малой Конюшенной к шествию присоединились некоторые участники антивоенного пикета, который анархисты Петербурга проводят каждое воскресенье. Шествие традиционно завершилось возложением цветов и получасовым пикетом у дома № 14 по Невскому проспекту.

Крыс

После публикации статьи о «Яблоке» в «Тум-балалайке» № 13 нас не раз спрашивали, почему же мы не пишем об СПС. А дело в том, что у всех по-разному сложились отношения с этими демократическими партиями. Публикуем два возможных взгляда, два вида критики.

Правосилие

В четырнадцатом номере «Тум-балалайки» читатель мог найти несколько статей, посвященных отношению антифашистов к демократии вообще. В этом номере нам кажется вполне уместным обсудить одно из российских объединений либерального толка. Речь пойдет о Союзе правых сил. Автор статьи не ставит перед собой задачи фундаментального анализа идеологии СПС: мы только изложим некоторые впечатления, оставшиеся у нас от недолгой пока, но бурной истории этого объединения.

Сама идея создать подобный союз под именами Егора Гайдара, Анатолия Чубайса, Сергея Кириенко, Сергея Ковалева, постоянно мелькающими на плакатах и ставшими уже нарицательными, кажется нам смелой: объединились назло врагам, вышли дружной гурьбой и объявили, что реформы, которые хают на всех перекрестках, еще и не начинались, что мы пережили лишь «демократическую революцию», нам «дали свободу», а теперь предстоит ее «упорядочить и закрепить» (Сергей Кириенко). Нам кажется, что смелость и инициативность вообще свойственны лидерам СПС. Здесь мы имеем в виду смелость не в области идеологии (КПРФ тоже довольно лихо подперла свою одряхлевшую марксистско-ленинскую философию национал-монархо-православными костылями, да живости ей это не прибавило, только что упасть не дало), а в политических матчах, часто имеющих общественное значение. Например, можно вспомнить идею проведения референдума по четырем вопросам, касающимся большей защищенности частной собственности, меньшей неприкосновенности депутатов, несения военной службы в горячих точках контрактниками, а не срочниками и ограничения власти президента в части права отправлять в отставку правительство. СПС предлагал гражданам ответить на все вопросы «да». Правда, у меня вызывает сомнения положительный ответ на вопрос, нужно ли ограничить депутатскую неприкосновенность. Уж слишком он конъюнктурен. Наша Дума как маленькая шавка на коротком поводке, способная только тявкать, а не кусаться; оказавшись еще и не защищенной своей будкой неприкосновенности, она и вовсе превратится в игрушечную собачку, охраняющую сон младенца-народа. Однако сама идея обратиться напрямую к народу с ясными вопросами кажется нам совсем неплохой, и жаль, что СПС так и не удалось ее осуществить.

Акции, проводимые СПС, наглядно показывают нам и другую особенность этого объединения: большую по сравнению с другими партиями и объединениями открытость, стремление апеллировать к обществу, четко объяснять свою позицию и, по возможности, влиять на общественное мнение. Для этого потребовалась и другая эстетика, и другая лексика. Кстати, если говорить о речи, то она ярко отличается у эспэзшников старого и нового покроя. Мы помним еще, как раздражала обывателя усложненная речь Егора Гайдара, не делающего скидок на слушателя: длинные периоды сложносочиненных предложений, обильная терминология, логическая стройность — в общем, речь больше кабинетного ученого, чем публичного политика. Ирина Хакамада и Сергей Кириенко вышли, кажется, из того же кабинета, наслушавшись тех же речей, но, перенеяв логичность речи, они упростили ее, сделали доходчивой, более напоминающей речь образованных клерков.

Можно сомневаться в крепости союза правых сил, а также в их силе, но не в их правоте (не путать с правильностью). Один из главных идеологов СПС Алексей Улюкаев в своей статье «Правый поворот» («Известия» от 6 декабря прошлого года) пишет, что страны Европы создали «различные варианты полусоциализма» и что в России «нет места для левой альтернативы», что здесь мы должны создать новое, истинно правое государ-

ство, которое не должно нести на себе «бремя соцобеспечений». Жестокость такой позиции пугает нас. Мы вполне допускаем призыв власти затянуть потуже пояса и сделать рывок в будущее (каждый, заметим, волен на такой призыв и не откликнуться, а рывок возможен лишь при соблюдении прав человека и законности), но мечтать о светлом будущем, где будут выживать лишь крепкие предприятия, сильные личности, — значит забыть обо всех превратностях бытия, мешающих человеку получить образование, делающих его слабым, больным, а предприятия нерентабельными, хотя не обязательно при этом ненужными. Люди не звери в джунглях: в обществе имеют право жить и слабые, и немощные, может быть, совсем бесполезные с точки зрения государства. Суровая позиция СПС несколько пошатнулась, когда Сергей Кириенко баллотировался в мэры Москвы и предлагал увеличить пособие на детей, доплаты к пенсиям и выплаты одиноким матерям. Был ли это рекламный трюк или все-таки понимание необходимости поддерживать слабого — не ясно.

Вызывает сомнение у нас и поддержка Союзом правых сил Владимира Путина — «компромиссной фигуры» (по выражению Сергея Кириенко). Не слишком ли большой компромисс для либеральной партии, должной защищать «ценность свободы, законности... нравственного долга» (Алексей Улюкаев), — поддерживать бывшего кагебешника, тогда как для всех нас КГБ является символом попрания этой свободы, символом беззакония и безнравственности? Понятно, что, видя творящийся повсюду произвол, члены СПС уповают на сильную власть, способную, по их мнению, обеспечить эту самую законность, причем не разрушающую механизм рыночной экономики, а, напротив, содействующую его нормальному функционированию. Потому с небывалой легкостью какой-нибудь эспэзшник демократ может заявить о том, что России необходим Пиночет, — выражая, правда, в силу своей либеральной принадлежности надежду на то, что приход подобного диктатора повлечет за собой менее серьезные последствия, чем то было в Чили. Приоритет экономики над политикой, так характерный для идеологии СПС, и здесь дал о себе знать. Тем более что лидеры СПС причисляют себя к модному нынче клану государственников, а где найти более яркий пример служения родному отечеству, как не в КГБ, где ради государственных интересов перешагивают через все!

С выбором в пользу Владимира Путина тесно связана и поддержка войны в Чечне. Аргументация — вполне традиционная: восстановление законности, основ демократии, борьба с мафией и с похищением людей, — и ни одного слова за всю военную кампанию о положении ни в чем не повинных людей, оказавшихся помимо своей воли втянутыми в эту мясорубку. Более того — лидеры СПС крайне болезненно воспринимают любые возражения. Анатолий Чубайс в ответ на протест Григория Явлинского заявил: «В Чечне происходит возрождение российской армии, утверждается вера в армию, и политик, который так не считает, не может считаться российским политиком. В этом случае есть только одно определение — предатель. И возможные попытки Явлинского оправдаться сути не меняют». Думаю, нет никого, кто не считает, что в Чечне «происходит возрождение российской армии», — другое дело, что каждый выбирает, свобода важнее или шеренга, права человека или право силы. Политик, причисляющий себя к демократам и при этом выбирающий силу и шеренгу, любое другое мнение категорически определяющий как предательство, вызывает, мягко говоря, недоумение. А строить могучую армию на костях мирных людей — конечно, крайний пример великих идей СПС. За этим «планов громадьем» как-то теряется человек, ради которого вроде бы все это и делается.

Политические предпосылки национализма

Анализ ситуации в Томске

В Томске действуют несколько националистических групп.

1. РНЕ. В Томске РНЕ образовалось в начале 1990-х годов из членов ЛДПР, выгнанных после очередной кадровой перетряски. Небольшая группа нацистов быстро рассосалась и возродилась летом 1998 года, когда неожиданно стала получать деньги. Им предоставили помещение: в селе под Томском — некий хозяин частной пекарни и в городе — охранный фирма «Русь», имеющая среди правоохранительных органов репутацию «известных бандитов». С этого момента томское РНЕ стало получать значительные суммы денег, но тратило их крайне бестолково. Среди членов была огромная текучка. Приходило много людей, но долго они не удерживались. Средний возраст — 40 лет, а интеллектуальный уровень — ниже среднего. Когда в Томске сняли епископа Аркадия, отличавшегося редкостным самодурством, томское РНЕ вместе с коммунистами встало на его защиту. В декабре 1998 года в Томске были расклеены листовки (с вопиющими орфографическими ошибками), угрожающие евреям погромами за то, что они якобы выгнали епископа Аркадия. Есть основание подозревать в этом членов РНЕ. Весной 1999 года появились новые провокационные листовки, на этот раз с призывами от имени евреев к русским погромам. Местному ФСБ удалось установить причастность к листовкам РНЕ, и после привлечения к следствию его руководителя активность этой организации сошла на нет.

2. Скинхеды. Небольшая группа молодежи, около 40 человек. Руководит ими студент-заочник юридического факультета ТГУ Евгений Зайченко, отличающийся крайне низким интеллектуальным уровнем и агрессивностью. В отличие от РНЕ стоит не на националистических, а на расистских позициях. Сам Зайченко имеет свойство хвастаться тем, что избивал в Москве негров и что намерен поджигать цыганские хаты. Единственным достоверным фактом являются хулиганские действия скинхедов в отношении томских панков.

3. Черный корпус, он же и организатор томских лимоновцев. Расистская организация, представлена незначительной группой молодежи, которая ведет активную работу в Интернете и издает собственную газету. Презрительно относится к другим националистам и значительно превосходит их интеллектуально. Практической работы в Томске, за исключением эпизодических акций, не ведет.

В период диктата государственно-националистической идеологии все эти организации активность свою никак не проявляли. Националистическую инициативу в период установления диктатуры Путина с успехом перехватили «демократы», которые в лице объединения СПС поддержали и преступную войну, и геноцид, и тоталитарную политику Путина.

Из всего сказанного следует, что маргинальные националистические организации сами по себе никакой опасности не представляют. Они начинают пользоваться влиянием только при условии поддержки их государственными структурами, как это мы наблюдаем в Ставрополье, Краснодаре, Волгограде. Когда же осенью 1999 года происходил государственный переворот, националистические настроения оказались столь сильными, что государственной власти не было необходимости использовать для своих целей какие-либо маргинальные структуры.

Российское руководство самостоятельно выступило с инициативой националистической диктатуры, и эту идею поддержали практически все крупные политические партии (за исключением «Яблока», которое заняло половинчатую позицию).

В Томске одним из главных проводников нацистской идеологии явился Союз правых сил. Приезжавший в Томск Кириченко открыто высказывал возмутительные обвинения в адрес чеченцев в духе Гитлера (обвинение в «терроризме, взрыве домов») и оправдывал войну против чеченского народа (когда же ему был задан вопрос о геноциде, он ответил, что не понимает вопроса). Эту идеологию поддержали как томские демократы, так и коммунисты с жириновцами. Маргинальные нацистские группы оказались столь слабы, что не сумели даже донести до общественности свой голос поддержки.

На основании всего сказанного можно сделать вывод: в России сложилась националистическая диктатура с однопартийной системой. Разные партии типа СПС, ЛДПР, КПРФ, «Единства» представляют собой различные ее фракции, которые в равной мере поддерживают сложившуюся диктатуру и нацистскую политику в отношении чеченцев.

В этих условиях власти не нуждаются в поддержке маргинальных нацистских организаций, и влияние последних на общество незначительно. Лишь в тех регионах, где маргинальные нацистские организации используются властями, они приобретают некоторый вес.

В Томске единственной националистической организацией, используемой властями, является ЛДПР. Член СПС, мэр Томска Макаров поддерживает местное отделение ЛДПР, взамен оно дает ему два лишних голоса в городской Думе. На областном уровне эта организация никак не представлена.

На выборах Путина активно поддержали не только политики, но и ректоры вузов, которые в нарушение закона об образовании вели активную пропаганду за него в университетах. Среди поддерживающих Путина оказался и один член СПС — ректор медицинского университета Новицкий.

Таким образом, если более практично подойти к сложившейся ситуации, то достаточно легко увидеть, что классические для демократии методы политической борьбы против национализма в России невозможны. Так что бессмысленно участвовать в политических предвыборных кампаниях и пытаться влиять политическими акциями на общественное мнение, целиком контролируемое ФСБ и администрацией президента. Поэтому необходимо возрождать методы диссидентской борьбы, как это было во времена советского режима. Поскольку политическая борьба невозможна в рамках тоталитарного режима, необходимо сосредоточиться на практической правозащитной деятельности. Сейчас главная задача не установление демократии, а сохранение свободы и жизни конкретных преследуемых властями людей.

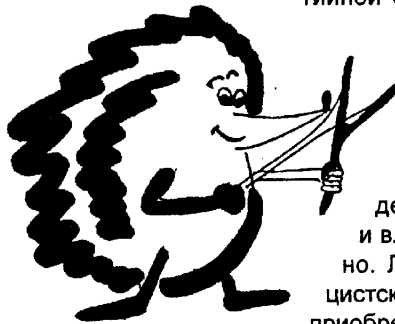
Любое сотрудничество с партией власти в лице ее фракций — ЛДПР, КПРФ, СПС или «Единства» — несовместимо с антифашистской и антинационалистической позицией.

В данный момент необходимо сосредоточить максимум усилий на противодействии не столько мелким нацистским организациям, сколько государственной националистической идеологии.

Н. Н. Карпицкий,

председатель Томского регионального общественного движения «Антифашистское молодежное действие»

Редакция «Тум-балалайка» выражает благодарность Томскому отделению АМД за предоставление интереснейшего материала.

ХРОНИКА

Акция «No borders!» в Киеве

В Киеве 13 июля прошла акция протеста «Ни кордонам!» («Нет границам!»). Идея была провести пикеты возле посольств Чехии, Словакии и Италии, благо все они находятся на одной улице и недалеко друг от друга. Началось с пикета около посольств Чехии и Словакии (улица Ярослав Вал, 34 и 34-а). Как известно, с 28 мая Чехия и Словакия ввели визовый режим для проезда между ними и Украиной. А те, кто оставался в Киеве, решили информационно и морально поддержать их. И провести пикеты у посольств Словакии и Чехии. Оказалось, что посольство Италии — рядом, в двух шагах. Появилась идея прихватить и его: на границе Италии с Албанией гибнет много беженцев и нелегалов.

Мы развернули транспаранты и поставили два картонных шлагбаума, символы словацкой и чешской границ, — просто сбоку от посольств, но на тротуаре. И улицу-таки перекрыли, создав толпу из себя самих и средств массовой информации. Задумка была пропускать людей через шлагбаумы, выдав предварительно символическую «визу во все страны мира». Получилось, что никто не шел прямо на шлагбаумы — увидев издали толпу, прохожие ее обходили по проезжей части. Поэтому мы ринулись раздавать листовки и визы подальше от толпы: Ярослав Вал — это улица посольств, а значит, и очереди. Например, возле канадского консульства люди очень порадовались нашим визам. Вообще, именно они были самыми благодарными зрителями нашего действия.

Через полчаса стояния у чешско-словацкой границы наша группка переместилась к посольству Италии (улица Ярослав Вал, 32-а) — стране-члену Евросоюза, который, собственно, ак-

тивно инициирует создание визовых границ — в частности, вокруг Украины. Там мы установили наш третий шлагбаум — символ итальянской границы. И продолжили веселье: прыжки через шлагбаум, раздачу виз проходим с предупреждением, что иначе их депортируют. Наше телевидение, кстати, обожает такие штучки.

Кроме того, сотрудникам посольств были переданы обращения. В них мы просили пересмотреть законодательство их стран на предмет соблюдения прав человека. Ведь Декларация прав человека, принятая ООН, провозглашает, что любой человек имеет право на свободу передвижения (статья 13, пункт 2). Так что визовый режим грубо нарушает это право.

Закончилось все недолгим (минут 20) стоянием возле посольства Польши (ул. Ярослав Вал, 12). Успешно раздали остатки виз. И прокричали «Спасибо!». За то, что не ввели еще визовый режим. Это произойдет в 2003 году — тогда и постоим там подольше с закрытым шлагбаумом.

В акции приняли участие очень разные ребята — всего нас было 20–25 человек. Правда, идеологами были анархонастроенные. Но большинство составила молодежь с либертарным настроением. Хотя лозунг «Нелегальною може бути лише влада» («Нелегальной может быть только власть») нас выдавал.

В принципе, лично я считаю акцию удавшейся. Правда, это мнение очень субъективно — я потратил кучу времени на ее подготовку и теперь говорить о ней плохое у меня язык не поворачивается. Хотя по радио «Континент» уже был репортаж — нормальный, без наездов и восхвалений. В общем-то, для многих это первый «боевой» опыт, так что — нормально, хотя могло быть и лучше.

Винни-Пух

Демонстрация 1 мая

1 мая этого года состоялась традиционная демонстрация, посвященная Дню солидарности трудящихся. Колонна демонстрантов, украшенная красными флагами, прошла от БКЗ «Октябрьский» по Невскому проспекту до Дворцовой площади, на которой был устроен митинг с выступлениями губернатора Санкт-Петербурга В. Яковлева, представителей городской администрации и руководителей профсоюзов.

Открывали шествие профсоюзы. За ними шли члены Социал-демократического союза молодежи с лозунгами «За Европу без НАТО» и «Да здравствует Социнетрн!», а затем коммунисты всех мастей: КПРФ, Российский комсомол, Российская коммунистическая рабочая партия, Региональная партия коммунистов, ВКПб, «Трудовая Россия». Замыкали колонну представители НБП. Всего в

демонстрации приняло участие свыше пяти тысяч человек. Преобладали, конечно, коммунисты. Национал-большевиком было 40–50 человек. На Дворцовой площади к демонстрантам присоединились троцкистская организация «Рабочая демократия» и члены Питерской лиги анархистов.

Участники шествия в основном выражали свою поддержку губернатору Яковлеву (представители КПРФ даже выдвинули идею, что «Яковлев — это Киров сегодня»). В плакатах присутствовало традиционное недовольство масс политикой российского правительства, обвинения в коррупции, продажности Западу, утверждения о «сионистическом» характере демократии и капитализма. Все как всегда, только вместо Ельцина и Чубайса появились фамилии Путина и Березовского, «сплотившихся в “Единство” против народа».

Российские коммунисты шли под портретами Сталина. Тут же из колонны продавали национал-патриотическую прессу: газеты «Трудовая Россия», «Народная правда», «Молния» и т. д.

Наше особое внимание привлекли национал-большевики, лозунги которых носили откровенно агрессивный и милитаристский характер, как то: «Наши МИГи будут в Риге, наши танки будут в Праге!» или «Сталин, Берия, ГУЛАГ» и «ФСБ, народ, порядок». Одного из членов НБП, нетвердо стоявшего

на ногах от передозировки пива, милиционеры вывели из колонны и, обыскав его, из бокового кармана штанов извлекли боевой пистолет. Владельца оружия немедленно увлекли в милицейскую машину. НБП в основном представляли молодые люди, они бритоголовые, одеты в камуфляжную форму. Наблюдается печальная тенденция роста их численности, во всяком случае среди демонстрантов. В их рядах есть и девушки. На Дворцовой площади лимоновцы организовали свой митинг в кружке.

В общем-то, на этой первомайской демонстрации ничего необычного не произошло. И напрашивается лишь банальнейший вывод: любит российский народ этот праздник. Хоть и под Сталиным, и с угрозами насчет нового ГУЛАГа, а все равно приятно плечом к плечу, упасть не дадут, даже если ноги протянешь. Вроде как снова «единый могучий»...

Трухти

Фото Jean Raymond+

Колонна национал-большевиков на Невском проспекте

Живой смертник: дело Мумии Абу-Джамала

Солдат Баффало в самом сердце Америки, похищенный из Африки, привезенный в Америку, борющийся за жизнь...

Боб Марли

В предыдущем номере «Тум-балалайки» мы писали о деле Мумии Абу-Джамала, афро-американского активиста и журналиста, который вот уже 17 лет ожидает казни. В последние годы широкая международная кампания, поддержанная многими антифашистскими организациями, оказывает давление на американские власти, которые вынуждены снова и снова откладывать казнь. К кампании протеста присоединились такие известные личности, как папа римский и Гельмут Коль. Международное движение, выдвигающее своим требованием новый и справедливый суд над Мумией, способствует тому, что миллионы людей начинают задумываться над правомерностью смертной казни.

Биография Мумии

Мумия родился в 1954 году в Филадельфии, большом городе на восточном побережье Америки, 40% населения которого — афро-американцы. В возрасте 14 лет он вступил в боевую партию Черных Пантер, организацию, главным образом борющуюся за автономию афро-американцев внутри США. Спустя два года на время летних каникул Мумия отправился в Окленд (Калифорния), где он работал в газете партии Черных Пантер. После того как в Филадельфии партия Черных

Пантер была разгромлена полицией, Мумия стал профессиональным журналистом.

Работая на филадельфийском радио, Мумия стал известен как «голос безгласных». Он получил широкое признание и был награжден Большой премией Армстронга за работу на радио. Он был президентом Ассоциации чернокожих журналистов Филадельфии. После его весьма критического отзыва о штурме филадельфийской полицией здания общины MOVE — социального, политического и духовного объединения, основанного чернокожим мыслителем Джоном Африкой, — на него было совершено нападение. Мумия стал редактором такси, а также работал как независимый журналист.

Обвинение и приговор

Однажды Мумия вмешался в уличное столкновение между его братом, еще одним человеком и полицейским. Полицейский выстрелил в Мумию, но после этого был убит. Мумия же выжил, но был обвинен в убийстве полицейского. Кроме него, никто не был призван к ответу.

В июне 1982 года состоялся суд. Судья Алберт Сабо, которому предстояло решить это дело, вынес за свою карьеру больше смертных приговоров, чем любой другой судья Соединенных Штатов.

В результате безоговорочных отводов со стороны обвинения в состав присяжных не смогли войти 11 компетентных афро-американцев. Как было недавно выяснено, этой незаконной практике отводов филадельфийских прокуроров обучали с помощью специального видеокурса.

Согласно заявлению адвоката, перед заседанием он не успел опросить ни одного свидетеля, о чем заранее известил суд. Мумии также было отказано в праве выступить в свою защиту. Когда Мумия стал протестовать, он был удален из зала суда на время большей части заседания и таким образом лишен возможности следить за ходом судебного разбирательства.

В качестве аргумента в пользу смертной казни прокурор использовал заявления, которые Мумия сделал много лет назад, будучи членом партии Черных Пантер. Позже, при рассмотрении другого дела, Верховный суд США признал эту практику неконституционной.

Понятно, однако, почему прокурор усмотрел некую связь между убийством полицейского и партией Черных Пантер. Члены Черной армии освобождения, ранее составлявшие небольшую радикальную фракцию тридцатитысячной партии Черных Пантер, действительно убивали полицейских в Нью-Йорке. Другое дело, что Мумия не имел отношения ни к этой фракции, ни, впоследствии, к Черной армии освобождения...

За один день суд вынес Мумии смертный приговор.

Свидетельские показания

Обвинение утверждало, что Мумия публично сознался в совершении преступления в больнице, куда его привезли после того, как он был ранен, а потом избит полицией. Но суд ни разу не заслушал полицейского Гэри Уоксхала, который охранял Мумию в больнице и написал в своем отчете: «Негр ничего не говорил». Когда Уоксхала хотели вызвать в качестве свидетеля защиты, обвинение заявило, что он в отпуске и не может явиться в суд. Судья отказался отсрочить процесс, чтобы Уоксхал успел вернуться, хотя на самом деле он вовсе не был в отпуске и мог предстать перед судом.

Сегодня мы знаем, что все те полицейские и охранники из больницы, которые теперь утверждают, что слышали «признание», сообщили о нем следователям лишь через два месяца после того, как оно якобы было сделано, и лишь после того, как Мумия обратился с жалобой на жестокость полицейских. Дежурный врач также отрицает какие-либо заявления со стороны своего пациента.

По словам обвинителей, баллистическая экспертиза доказала, что стрелял именно Мумия. Но суд ни разу не рассмотрел письменный отчет медицинского эксперта, опровергающий все утверждения обвинения: в нем говорится, что выстрел был произведен из пистолета 44 калибра (пистолет Джамала был 38 калибра). Назначенный судом адвокат Мумии сказал, что никогда не видел этой части отчета, потому и не представил ее суду.

Сейчас нам известно, что полиция не проверила пистолет Мумии, чтобы узнать, когда из него стреляли в последний раз, не проверяла и рук Мумии, чтобы узнать, стрелял ли он тогда. Полиция не может доказать, что выстрел был сделан из пистолета Мумии; полиция потеряла осколок пули, извлеченный судебным врачом. Работая таксистом, Мумия брал в поздние выезды пистолет, приобретенный законным путем, так как несколько раз до этого его уже грабили. Обвинение заявило, что свидетели узнали в Мумии стрелявшего. Но суд ни разу не заслушал главного из них, частного предпринимателя Уильяма Синглтэри, видевшего всю сцену целиком и засвидетельствовавшего, что стрелял не Мумия. Полиция пыталась запугать Синглтэри, и впоследствии ему пришлось бежать из города.

Борьба не на жизнь, а на смерть

После того как в 1982 году Мумия был признан виновным и приговорен к смертной казни, по 22 часа в сутки его держали в одиночной камере. Ему запретили видеться с семьей; у него есть внуки, к которым ему ни разу не позволили прикоснуться. Журналистам запрещено записывать и фотографировать его. Из последней известной записи в его деле видно, что феде-

ральное правительство до 1991 года вело контроль за его посетителями.

В 1994 году Национальное общественное радио предложило Мумии сделать серию репортажей о жизни в тюрьме. Однако Братство полицейских, «Нью-Йорк таймс» и лидер сенатского большинства Роберт Доул предупредили НОР, что не стоит выпускать в эфир «осужденного убийцу полицейского», и НОР отменило репортажи в тот самый день, когда они должны были начаться.

В 1995 году в издательстве «Эддисон-Уэсли» вышла книга Мумии «Живой смертник». Братство полицейских, влиятельная организация реакционных полицейских чинов, попыталось запретить книгу, а представители законодательной власти потребовали наложить арест на доходы от издания. Мумии отказали в праве принимать посетителей и вести разговоры по телефону. В то же время федеральный окружной суд Питтсбурга постановил, что Пенсильвания незаконно изолировала Мумию, в наказание за книгу запретив ему давать интервью прессе.

Некоторое время спустя после этого постановления 1996 года тюремная система ввела новое правило, запрещающее представителям прессы записывать или фотографировать заключенных.

В 1997 году программа «Демократия сегодня» (радио «Пасифика») подготовила серию передач с участием Мумии. Они должны были выйти в эфир в Филадельфии, на радиостанции WRTI, принадлежащей университету Темпл. Братство полицейских снова заявило протест. WRTI отменила программу в день эфира.

В январе 1999 года рок-группа «Rage Against the Machine» вместе с тремя другими группами дала благотворительный концерт в пользу Мумии на стадионе в Нью-Джерси. Губернатор штата Кристи Уитмен публично выразил сожаление по поводу того, что выступление не может быть отменено законным путем, и призвал людей бойкотировать его. Тем не менее на концерте был аншлаг. После этого Братство полицейских призвало бойкотировать любые мероприятия, поддерживающие требование нового суда над Мумией. Сам Мумия заметил: «Им не нужна моя смерть, им нужно мое молчание».

Юридическая битва

В 1992 году главным поверенным Мумии стал Леонард Уайнгласс. Он приступил к подготовке ходатайства о новом суде, в соответствии с принятым в Пенсильвании законом о смягчении приговора после признания виновным. Это прошение было подано 5 июня 1995 года.

Уайнгласс известил администрацию губернатора о том, что дело еще не закрыто. Губернатор — в конце последнего рабочего дня перед подачей прошения — бросился визировать предписание на казнь. (Только потом представители защиты узнали, что администрация тюрьмы незаконно вскрыла неприкосновенную переписку Мумии с его адвокатами, скопировала ее и послала копии в администрацию губернатора.) Судья отказался отсрочить казнь, заявив, что адвокаты Мумии «ждали годами», пока не было завизировано предписание. Слушание ходатайства происходило в июле и августе 1995 года, и в конце концов осталось лишь десять дней до исполнения приговора. Наконец, только благодаря небывало мощному международному протесту, была дана отсрочка. За слушанием 1995 года последовали еще два: в 1996 и 1997 годах. Сабо постановил, что первый процесс был безуп-

речен, и отказал в прошении начать новый. Отказ был передан в Верховный суд штата Пенсильвания, и 29 октября 1998 года суд единогласно поддержал постановление Сабо. На самом деле Верховный суд просто не способен был найти какие-либо ошибки в тянущемся 17 лет процессе, прямых и косвенных апелляциях. 25 ноября 1998 года было отказано в ходатайстве о повторном слушании, а 15 октября 1999 года губернатор Томас Ридж подписал новое предписание на казнь Мумии. Казнь назначили на 2 декабря 1999 года. 15 октября адвокаты Мумии подали заявление «о представлении арестованного в суд для рассмотрения законности ареста» в федеральный районный суд Восточной Пенсильвании. Эта процедура длится до сих пор.

Размышления

И Мумия, и его противники в американском истеблишменте действовали чрезвычайно активно и упорно. Известность, которую приобрел Мумия и как журналист, и как личность, оказалась полезной для его дела. Притесняемые и униженные отождествляют себя с ним и с огромным числом других афро-американских активистов.

В борьбу включаются все новые и новые люди, и движение в поддержку Мумии растет. Возрастает и давление на Мумию: от него требуют разных заявлений и признаний. Радикально настроенные гомосексуалисты и лесбиянки недавно потребовали от Мумии сделать заявление против гомофобии. Мумию поддерживает множество организаций, в том числе движение за отмену аборт, активисты которого открыто не признают гомосексуалистов, хотя сам Мумия никогда не делал заявлений ни против гомосексуалистов, ни против аборт. Чего они ожидают от человека, который уже 17 лет как приговорен к смерти и изо всех сил борется за право жить, верить, чувствовать и думать в таких жестоких условиях?

Однако Мумию и его кампанию есть за что критиковать. Раздражают цитаты из Мао в его книге, его оценка просоветской политики партии Черных Пантер. Кроме того, очень плохо, что движение Мумии забыло о других политических заключенных, таких как, например, индейский лидер Леонард Пелтиер. Иногда кажется, что личность Мумии имеет второстепенное значение по сравнению с политическими целями тех, кто его поддерживает и хочет сделать из него мученика.

Сам Мумия подчеркнул, что борьба и, в особенности, возможность писать и таким образом выражать себя — единственное, что поддерживает его силы. В следующем номере «Тум-балалайки» выйдет рецензия на книгу «Живой смертник». Мы будем следить за делом Мумии и надеемся, что и другие российские антифашисты выразят протест против нарушения прав человека и поддержат в тяжелейшей борьбе невинного, осужденного на казнь.

Гномик Автономик

Адрес Мумии Абу-Джамала в тюрьме:

Mumia Abu-Jamal, AM-8335, Huntingdon
SCI 1100 Pike St., Huntingdon, PA 16654-112.

Адрес группы поддержки Мумии Абу-Джамала:

P.O. Box 19709, Philadelphia, PA 19143.

Пикет в защиту Мумии
у Верховного суда в Вашингтоне

может лишь приласкать, а сестре, которая способна понять и посочувствовать. Девочки в этот момент не произносят ни слова, но выражение их лиц говорит само за себя: они не в силах осмыслить, как *такое* могло произойти в их родной стране!.. а если все же произошло, то что тогда представляет собою эта страна?! Пережитое девочками на киносеансе — это скрытый в отдельном человеческом существе взрыв всей системы привычных общественных ценностей, которые ребенок принимает от взрослых просто на веру, будучи еще

неспособным проанализировать их своим наивным интеллектом. Вот что писал в связи с выходом фильма критик Петер Бухка («Зюддойче цайтунг», 2 октября 1981 года): «Тогда слишком многое замалчивалось в вопросе о вине немцев — в школе и в родительском доме, так что то, что вытесняли, естественным образом откладывалось, будто капсула, в мозгах детей, стремившихся к справедливости и правде, чтобы впоследствии при подходящем случае взорваться и произвести, возможно, ужасающий эффект».

Девочки выросли. Гармоничное саморазвитие личности Юлианы продолжалось совершенно логично. Перманентная борьба за свободу сделалась содержанием ее общественной и личной жизни: Юлиана (Ютта Лампе) стала активным членом феминистского движения, участвовала в изготовлении и распространении самиздата; жила с любимым мужчиной Вольфгангом (Рюдигер Фоглер), не вступая, однако, в официально оформленный брак.

Развитие личности Марианны, с детства подавленной авторитетом отца, было вынужденно дисгармоничным. Сначала она, как и в детстве, жила тише воды ниже травы, являя собой по видимости образец стандартного поведения женщины: замужество, работа, ребенок. Но после политических событий 1968 года все резко изменилось в ее жизни. Марианна порвала с мужем и примкнула к левой террористической группе, став одним из самых активных ее членов. Капсула взорвалась. Невобразимое количество духовного насилия, покорно принятого человеком, с неизбежностью перешло в активное качество отрицания и протеста. Уместно здесь будет вспомнить психологическое объяснение широко понимаемого «девиантного поведения», данное Жоржем Батаем в эссе «Сад и обычный человек»: «...человек, закабаленный работой и накоплением ресурсов во имя поддержания жизни, способен прийти к высшей свободе лишь посредством беспорядка, может быть и не столь же безобидного...» Полицейский режим, подавивший молодежное движение, Марианна восприняла как возрождающийся в иных формах внутри демократического государства новый фашизм. И положила всю свою жизнь на борьбу с ним.

Мы видим Марианну на Ближнем Востоке — там, где немецкие леваки совершили явную ошибку, выбрав себе в союзники арабских террористов-реакционеров: молодая женщина едет в джипе по иссушенной зноем пустынной земле...

Мы видим ее снова на родине, где, скрываясь от полиции и спецслужб, Марианна с двумя своими товарищами по борьбе забегает на несколько минут в дом сестры, чтобы выпить чашку кофе и немного отдышаться перед очередным этапом бегства...

Вскоре ее арестовывают и помещают в тюрьму как политическую преступницу.

Долгое время сестры были разлучены жизнью. И вот теперь они снова вместе — но лишь в краткие минуты разрешенных властями свиданий. Сестры спорят, и дело даже доходит до крика: прогрессивный радикализм и нетерпение Марианны конфликтуют с прогрессивным же, но мирным путем борьбы за свободу, олицетворенным в Юлиане. Главный упрек, который младшая сестра предъявляет старшей, сводится к максималистской, идеалистической, но по суще-

ству абсолютно верной мысли: как можно бороться с системой, пребывая в ее лоне; возможно ли действительно противостоять диктатуре, находясь под властью этой диктатуры, не выйдя за ее пределы?!

Но в главном (устремленность к свободе, отрицание тирании) сестры и теперь солидарны — совершенно так же, как во время памятного кинопросмотра в школе, ставшего переломным моментом в жизни каждой из них как самостоятельной личности и мыслящего общественного существа. И эта

Кадр из фильма

солидарность роднит их больше, чем кровные узы. «Дочери, сестры, подруги и матери — они зеркально отображают друг друга, и в решающих ситуациях одна видит в зеркале лицо другой», — заметила о героинях фон Тротта ее коллега по киноцеху Ютта Брюкнер.

Сцены свиданий в тюрьме — одни из самых сильных во всем фильме. Юлиану, пришедшую повидаться с сестрой, предварительно обыскивают и ощупывают с ног до головы, заставляя даже полностью обнажить верхнюю часть тела. Сестры вынуждены общаться

в тесном, аскетически пустом помещении, куда сквозь тусклые оконца с трудом пробивается солнечный свет, в присутствии пяти или шести человек, которые следят за каждым их движением, в то время как функционер в штатском аккуратно и методично протоколирует диалог, не пропуская в своей стенограмме ни единого сказанного слова. С трудом верится, что все это происходит в демократическом государстве: условия и обстановка напоминают все тот же Третий рейх времен процесса Георгия Димитрова или времен «Народного трибунала», а проще говоря, расправы под видом судилища над июльскими заговорщиками 1944 года. Разве что охранники и охранницы не одеты в эсэсовскую униформу...

Спустя некоторое время Марианна умирает в тюрьме — внезапно и при невыясненных обстоятельствах.

В тюремной часовне установлен гроб. Прощаться с Марианной пришли ее родители, сестра и Вольфганг. Мать тихо плачет. Отец подходит к гробу и смотрит на ту, что когда-то ласковой девочкой сидела у него на коленях... Приближается к гробу и Юлиана — и в немом ужасе застывает. Мертвую сестру трудно узнать: страшно закатившиеся глаза, распахнутый, словно от удушья, зияющий черным провалом рот... с Юлианой случается нервный срыв — из тюремной церкви ее увозят на машине скорой помощи в больницу.

Теперь она гораздо лучше понимает свою покойную сестру: Юлиана воочию убедилась в том, что живет в полицейско-фашистском обществе. Созерцание картины насилия, творимого Государством над человеком, оказалось непосильным даже для устойчивой психики этой храброй женщины. Юлиана словно пробудилась от грез легитимного феминизма и увидела свежим взглядом мир, реальную чудовищность которого она, пусть и невольно, недооценивала. Тема проснувшегося сознания и самосознания женщины вообще является сквозной для творчества Маргарете фон Тротта — ее первая самостоятельная постановка имеет характерное в этом смысле название «Второе пробуждение Кристины Клагес» (1977): под «первым пробуждением» подразумевается физическое рождение человека, под «вторым» — освобождение его мысли от стереотипов и канонов, формирование собственного мировоззрения.

Выйдя из больницы и осознав правоту сестры, Юлиана решает посвятить всю свою дальнейшую жизнь восстановлению доброго имени и доброй памяти покойной и выяснению истинных причин ее смерти. Во-первых, она путем собственного «следственного эксперимента» выясняет и доказывает — пока только самой себе, — что Марианна в более чем строгих условиях тюремного надзора не могла покончить с собой — ее убили. Дополнительным аргументом в пользу этой версии служат слова самой Марианны, которые она произнесла, уз-

нав о самоубийстве мужа, и которые запали в память Юлиане: «Как можно обрывать свою жизнь, так ничего и не сделав!» Во-вторых, Юлиана хочет, чтобы правду о жизни и насильственной смерти ее сестры узнали решительно все — и с этой целью начинает собирать архив. На книжных полках в квартире Юлианы место книги занимают теперь папки, каждая из которых посвящена кнгу из жизни убитой: копятся и систематизируются материалы и свидетельства.

Об этой деятельности Юлианы каким-то образом прознали «компетентные органы», в результате чего за старшей сестрой устанавливается слежка — так же, как в свое время и за младшей. Государство настолько боится правды, что руками своих агентов пытается совершить еще одно преступление.

Маленький сынишка Марианны, которого после смерти обоих родителей Юлиана и Вольфганг взяли к себе, играет в лесу — лазает по покинутым лисицами норам. Кто-то неизвестный выстилает замысловатые подземные ходы хворостом, поливает хворост бензином, а когда мальчик забирается внутрь — поджигает у входа сухие ветки. Лабиринт охвачен пламенем...

Сына Марианны чудом удается спасти, но мальчик получил сильные ожоги, не говоря уже о серьезной психологической травме: ведь этот умный ребенок понимает, что, пытаясь убить его, неизвестные хотели уничтожить всякую память о его матери и рассчитывали напугать Юлиану.

В заключительной сцене фильма выздоровевший племянник входит в комнату тетки и демонстративно рвет фотографию Марианны, висящую на стене. Жест пострадавшего от жестокости ребенка ясен: мальчик хочет, чтобы Юлиана прекратила свое расследование. Ребенок ненавидяще-упрямо и требовательно смотрит на женщину, женщина с грустным сочувствием, но и сосредоточенно-серьезно — на ребенка. Несмотря на чудовищное психологическое напряжение момента, Юлиана находит в себе силы произнести: «Я тебе все расскажу о твоей матери. Она была замечательной женщиной». Юлиана не остановится и не бросит начатое дело — даже в условиях преступного давления, которое осуществляет государство теперь уже чисто криминальными методами. Ведь речь идет по большому счету не только о Марианне, но обо всем обществе, о целой стране: что предпочтет и выберет эта страна — снова реакцию и забвение или все же прогресс и память?..

Упомянувшийся мною западногерманский критик Петер Бухка локализовал смысл названия фильма: «Прежде всего ее (режиссера Маргарете фон Тротта. — Д.) интересует тема воспоминаний о времени, которое ее главные героини считали «свинцовым»: пятидесятые годы, годы детства». Мне кажется, смысл названия гораздо шире и объемнее: «свинцовые времена» — это все десятилетия в послевоенной Западной Германии, ибо кошмар авторитарного государства, как выясняется, не прекращался ни на секунду. Когда я смотрел фильм во второй раз, было что-то не в порядке то ли с видеопроектором, то ли с видеокассетой: лента, снятая на цветной пленке, шла в черно-белом изображении. Но этот технический дефект парадоксальным образом лишь усилил гнетущее ощущение, добавил «свинцовости» изображаемому времени — особенно сценам, относящимся не к 50-м годам, а к 1978 году.

Идея фильма «Свинцовые времена» родилась у режиссера в 1977 году на похоронах трех лидеров левой террористической группы «Баадер — Майнхофф»: Андреаса Баадера, Гудрун Энслин и Яна Распе, тела которых были найдены в тюрьме Штаммхайм. Все трое погибли при весьма загадочных обстоятельствах. В левых кругах считали, что они были убиты, правые же поддерживали официальную версию о самоубийстве. Маргарете фон Тротта познакомилась на похоронах с Кристианой (ставшей прототипом Юлианы Кляйн) — сестрой Гудрун Энслин (прототип Марианны Кляйн). Кристиане и посвящены «Свинцовые времена»: специальный титр в фильме.

Когда студенческое движение конца 60-х годов распалось, некоторые его представители не захотели снова приспособливаться к буржуазному обществу. Они избрали путь насилия. Начался этот путь с поджога крупного универмага в 1968 году. Андреас Баадер, Гудрун Энслин и другие совершали поджоги во Франкфурте в знак протеста против войны во Вьетнаме. Выйдя из тюрьмы, Андреас Баадер вместе с журналисткой Ульрике Майнхофф создал 14 мая 1970 года группу «Баадер — Майнхофф», которая позже стала известна как «Фракция Красной Армии». По примеру герильи в Латинской Америке эти люди хотели с помощью оружия изменить общество. Два года длилась их подпольная война: ограбления банков,

Гудрун Энслин

взрывы бомб, перестрелки с полицией. Убитые были с обеих сторон. Члены ФКА держали ФРГ в состоянии непрерывного стресса. Наконец охота на них увенчалась успехом: в 1972 году террористы были арестованы и заключены в тюрьму. Несмотря на то, что вина террористов еще не была доказана, уже в период следствия тюремщики относились к ним как к опасным государственным преступникам: их содержали в одиночных камерах, под потолком круглосуточно горели мощные электрические лампы. Чтобы привлечь внимание к своему положению, Гудрун Энслин объявила голодовку, которая длилась почти месяц, пока ее не перевели на принудительное питание. После трех лет предварительного заключения был организован судебный процесс. Члены ФКА, нетерпеливые и нетерпимые, хотели освободить народ от насилия, но достигли только государственного принуждения и репрессий. Не зная, что делать с этими людьми, государство предпочло тайно их убить.

В планы Маргарете фон Тротта не входила точная художественная реконструкция данных событий. Судебный процесс восстановит позже режиссер Райнхард Хауфф в фильме «Штаммхайм» (1985), сцены и диалоги которого основаны на аутентичных текстах и событиях, а споры между заключенными воссозданы по их подлинным письмам и по тюремным циркулярам. Маргарете фон Тротта заинтересовалась личностью убитой женщины, увидев в ее судьбе «точку схода», фокус всех противоречивых линий и тенденций прошлой и современной немецкой истории: свободы и насилия, покорности и фанатизма, углубленного в самое себя философствования и почти нерассуждающей энергетике действия, нежности и мужества, иллюзий и истины, благородства мотивов и тупиковых форм реализации идей... Изучая прототип своей экранной героини, фон Тротта узнала о Гудрун Энслин много неизвестного до тех пор никому и чрезвычайно любопытного. В детстве Гудрун любила поэзию и играла на виолончели. Позже неоднократно бывала в Ливане, работала в рядах палестинской организации «Фатх», боролась за создание фонда помощи детям «третьего мира», увлекалась философией доктора Альберта Швейцера, мечтала стать его последовательницей.

В речи, произнесенной при присуждении Маргарете фон Тротта премии имени Конрада Вольфа Берлинской Академии искусств, Ютта Брюкнер сказала о «Свинцовых временах»: «...режиссер искал историческую правду там, где ее ищет любой кинематографист, — в самих персонажах». Маргарете фон Тротта однажды заявила: «При написании сценария (а сценарий «Свинцовых времен» тоже принадлежит ей. — Д.) я исходила не из сюжета, а из действующих лиц». Осмысливая личность убитой, фон Тротта поставила в своем фильме проблему невозможности реализации разносторонне одаренного и многонаправленно устремленного человека в ус-

ловиях стандартной модели репрессивного государства — невозможности, которая и толкает такого человека к радикализму мыслей и поступков.

Марианну Кляйн сыграла Барбара Зукова, которую в немецкой театральной среде называют «красная Барбара» — с тех пор, как она, работая в гамбургском «Талия-театре», выступила в защиту актера, которого за политические взгляды хотели выгнать из труппы. В результате разгоревшегося конфликта актриса была вынуждена покинуть этот театральный коллектив. А в 1985 году Барбара Зукова исполнила главную роль в историко-биографической ленте Маргарете фон Тротта «Роза Люксембург». В финале картины звучит мотив убийства прогрессивно мыслящей женщины реакционно настроенными представителями «сильного пола», как, впрочем, и в лучшей актерской работе самой фон Тротта в фильме «Выстрел из милосердия», где мятущуюся аристократку, вставшую во время балтийских конфликтов 1919 года на сторону марксистских повстанцев, хладнокровно убивает выстрелом в затылок (вот куда уходит корнями эсэсовская технология умерщвления людей!) немецкий офицер-монархист, которого эта женщина имела счастье или несчастье полюбить. Тот же мотив, как мы помним, присутствует и в «Свинцовых временах», и видимо, это уже не просто мотив, даже не тема, а сквозной для творчества Маргарете фон Тротта образ, в котором с предельной ясностью и пронзительностью высвечен основной нерв общественной жизни и политической истории всего XX

столетия: беззащитная любовь с одной стороны и беспощадная жестокость с другой. Тот факт, что любовь и истина в творениях фон Тротта воплощаются в женских персонажах, никоим образом не должен соблазнить зрителя на то, чтобы определить творчество режиссера и актрисы термином «женское кино», — само это расхожее клише следует решительно отвергнуть как сексистское, необъективное и просто неприличное! В качестве контраргументов можно вспомнить то абсолютно «мужское» кино, которое делает Лилиана Кавани, и известное высказывание Федерико Феллини относительно главной героини «Ночей Кабирии»: «Она является персонификацией состояния души» (то есть души как таковой, независимо от половой принадлежности человека). Как и в классическом искусстве, в творчестве Маргарете фон Тротта образ женщины более всего подходит для выражения понятий нежности, любви, добра и трогательной беззащитности.

Кстати, в 1987 году фон Тротта и еще три режиссера-женщины (Хелька Зандер, Хельма Зандерс-Брамс, Кристель Бушман) совместно поставили фильм «Феликс» — принципиально серьезное и сочувственное повествование о жизненных проблемах молодого мужчины.

Я думаю, параллели между описанным фильмом и нашими сегодняшними отечественными общественно-политическими реалиями очевидны. «Свинцовые времена» наступают сегодня и для нас.

Д.

УРОКИ ЭСПЕРАНТО С ЮМОРОМ

Урок эсперанто № 4

И. Ильф, Е. Петров «Золотой теленок» (отрывок из гл. 1)

По аллее, en ombro августейших лип, склонясь немного набок, двигался немолодой уже civitano. Твердая rajla шляпа с рубчатыми краями боком сидела на его kapo. Брюки были настолько коротки, что обнажали белые завязки кальсон. Под lipharoj гражданина, подобно огоньку папиросы, пылал ora dento.

— Как, еще один filo? — сказал Остап.
— Это становится забавным.

Паниковский подошел al зданию исполкома, задумчиво описал у входа восьмерку, взялся за поля шляпы обеими manoj kaj правильно установил ее на kapo, обдернул пиджак kaj, тяжело вздохнув, двинулся внутрь.

— У лейтенанта было tri filoj, — заметил Бендер, — du умных, a tria дурак. Его нужно averti.

— Не надо, — сказал Балаганов, — пусть знает en другой раз, как нарушать конвенцию.

— Что это за konvencio такая?
— Подождите, потом скажу. Вошел, вошел!

— Mi — человек завистливый, — сознался Бендер, — но тут en vii нечему. Vi никогда не видели боя быков? Пойдем посмотрим.

Сдружившиеся filoj лейтенанта Шмидта вышли из-за угла kaj подступили al окну председательского kabineto.

Слова

Civitano (цивитано) — гражданин
rajla (пайла) — соломенная (-ый, -ое)
en ombro (эн омбро) — в тени
kapo (капо) — голова
ora dento (ора денто) — золотой зуб
mano(j) (mano(й)) — рука(-и)
al (аль) — к
kabineto (кабинэто) — кабинет
konvencio (конвэнцио) — конвенция
du — два
tri — три

Словообразование

Lipo — губа
haroj — волосы
lipharoj (липхарой) — усы.

Грамматика

Порядковые числительные образуются путем прибавления к количественным числительным окончания «-а»: tria — третий. Глаголы в неопределенной форме имеют окончание «-i»: en vii (энви) — завидовать, averti (авэрти) — предупредить.

Школа перевода

С одного удара дуба не свалишь. — Nako post hako estas plej efika atako (хако пост хако эстас плэй эфика атако).

Крепок задним умом. — Bona ideo venas post la perego (бона идэо вэнас пост ла пэрэо).

Ум за разум зашел. — Haltas la radoj de la menso (хальтас ла радой дэ ла мэнсо).

У него ума палата. — Li havas pli en kapo, ol alia en biblioteko (ли хавас pli эн капо, ол алия эн библиотеко).

Умный понимает с полуслова. — Por sagulo suficas aludo (пор саджуро суфичас алудо).

Что с воза упало, то пропало. — Falis el mano — prenu satano (Фалис эль мано — прэну сатано).

Намотать себе на ус. — Enskribi ion en la kapo (энскриби ион эн ла капо).

Здравствуй, «Тум-балалайка»!

Меня зовут Женя, и я один из редакторов минского positive 'zine «Ребро жесткости». Ваш журнал нам очень интересен. Вот, только пару дней назад до Минска дошел № 14. Прочитали с удовольствием, но статья «Время интернационализма?», а точнее, ее часть «Критика интернационализма среди восточноевропейских антифашистов» повергла нас в недоумение. Во-первых, место про солидарность АМД с белорусскими антифа — это выдумка. Сейчас поясню, что я имею в виду — АМД приезжает в Минск уже, по моему, третий год на «Чернобыльский шлях» (это самая многочисленная демонстрация, посвященная аварии на ЧАЭС, в этом году было около 30 тысяч демонстрантов), они снимают автобус, собирают людей, желающих прокатиться, и едут в Минск, где проходят своей колонной, со своими транспарантами, притом практически не вступают в контакт с остальными демонстрантами и даже держатся нарочито отдельно. Например, в прошлом году аэмдэшники тащили свои транспаранты прямо за группой сторонников Белорусской партии свободы (вы, наверное, догадались, что это ультраправая националистическая организация, она украшает стены Минска надписями типа: «Беларусь — для беларусаў», «РНЕ — гаўно», «Уступай ў БПС» и т. п.) и никак не реагировали на предложения минских антифа переместиться вперед фашистов. В этом году вообще была полная лажа. Кстати, стоит заметить, что за год в Белоруссии наметился рост числа ультраправых националистических организаций, и все они вышли на «Чернобыльский шлях». Белорусские анархи, антифа и экологи попытались обратить внимание как на это, так и на проблему роста числа фашистов в среде белорусской оппозиции и вышли колонной человек в 20–30 с антифашистскими и экологическими транспарантами, выпустили свои листовки. Но наци оказалось больше, и тогда мы решили попросить АМД помочь нам и заслонить их колонну совместно. Когда я обратился с этим предложением к людям, несшим транспаранты (то есть рядовым членам АМД), то они промывали что-то невразумительное и посоветовали обратиться к их главному, такому лоснящемуся чуваку с сотовым телефоном. Когда я подошел к нему, попросил помочь нам и передвинуться буквально на 10 метров вперед и тем самым общими силами заслонить колонну нацистов, он сказал мне, что, мол, они тут гости и ни во что влезать не собираются, что им и тут хорошо стоять (кстати, вместе с АМД приехала какая-то тетка из Союза правых сил). Так где, я вас спрашиваю, антифашистская солидарность? Так, что ли, прокатиться или отчитаться за грант?

Еще: где это автор статьи нашел польских панков-анархистов, стоящих на прока-

П Е Р Е П И С К А

питалистических позициях, что-то ни я, ни мои товарищи не знают таких. Да и вообще, как анархист может поддерживать капитализм? Это невозможно по определению. Какая-то тут нестыковочка получается.

Еще: нет такой страны — Белоруссия (как иногда пишут в вашем журнале), наша страна называется Беларусь.

С уважением,

**Женя,
Минск**

Здравствуйте!

Спасибо, что не забываете, спасибо за «Тум-балалайку». Есть некоторая вероятность, что в ближайшее время мы сделаем в местной газете «СМ — номер один» (известной своим идеологическим разгильдяйством) полосу о самиздате. В том числе будет глава и об антифашистском самиздате, а значит, и о вашей газете (плюс «Positive», «Ножи и Вилки», «Антыфашык», «ЛАС»). Если разрешат, то будут и адреса.

Не знаете ли вы людей, которые, подобно редакции «Антыфашыка», собирают информацию о правых (нацистах) расистах? Потому что в Иркутске этим никто не занимается, а плакатами «России — русскую власть» увешан город (был), и адреса РНЕ в Иркутске обнародованы, и флаеры «Сполохов» (не слышали о таком? «Вестник нордической культуры») рассылаются очень широко. Я бы, может, и попробовал к ним подкатить — информации ради, да, думаю, многие уже знают, что наци-самиздат я не собираю. Ну, будем думать.

И нет ли у вас ощущения, что в результате войны в Дагестане-Чечне все усилия антинационалистической пропаганды сведены на нет? Беда, по моему, в том, что мы — и я в том числе, в меру сил — ведем пропаганду, апеллируем к разуму, знаниям, а наши противники — те упирают на эмоции. И, по моему, большинство только и ждало разрешения вести себя «как в ранешнее время» — издеваться над кавказцами, чернокожими, вообще нерусскими. Все заверения о победе в «менталитете» россиян демократических воззрений оказались полной чучью. И вскоре, возможно, нам с вами придется вообще уходить едва ли не в подполье, потому что наше мнение противоречит всему и всем.

Пишите! До свидания!

**Скрацук Владимир,
Иркутск**

Привет!!!

Большое спасибо за новый номер «Тум-балалайки» и прошу извинить мое молчание по поводу остальных двух присланных. Все очень интересно и сделано на уровне. Единственное, возможно, субъективное, замечание: хотелось бы побольше материалов по поводу современной антифашистской/антикапиталистической борьбы в странах Западной Европы и у нас. Обилие исторических материалов — это здорово, просто у меня легкая аллергия на все историческое из-за пресыщения, т. к. я сам учусь на истфаке.

Очень понравились статьи о сквотерах и экотерроризме, книжные и киноревию. Классно написано о «Сибирском цирюльнике». Мне хватило «Утомленных солнцем», чтобы оценить степень конъюнктурности последних «опусов» Михалкова.

Хотелось бы коснуться темы Чечни, поднимаемой на страницах издания. Лично для меня не подлежит сомнению, что на ее территории за годы правления Дудаева, а потом и Масхадова сложился преступный режим с работоторговлей, криминальным беспределом, этническими чистками и прочими «прелестями». Все это далеко не пропагандистские выдумки. Бежавшие из Чечни люди, а также жители приграничных районов Ставрополья и Дагестана испытали это на себе. И когда убийцу и работоторговца Басаева изображают таким героем, борцом с «империей зла», становится не по себе. Конечно, я далек от того, чтобы обвинять в преступлениях всех чеченцев, а война идет именно против народа, с массовыми жертвами и разрушениями, тотальными артобстрелами и бомбардировками. Нельзя не видеть и то, что военные действия начались аккурат перед выборами и мнимые победы способствуют продвижению Путина к власти, милитаризации общественной жизни, становлению системы контроля и травли неугодных. По видимому, российская правящая элита действует по принципу: «Чтобы предотвратить революцию, нам нужна маленькая победоносная война».

Еще хотелось бы развеять миф о Ставрополье как о некоем оплоте РНЕ и т. д.: конечно, местная ячейка этой организации очень активна, пол-Ставрополя исписала своими абсурдными лозунгами, то же и в других городах края. Однако на последних думских выборах два кандидата от РНЕ по одномандатному округам (в том числе и руководитель краевой организации Дудиков) с треском провалились. Я думаю, что реальный опыт многонационального общения, который имеет место в Ставрополье, сильнее, чем любая нацистская пропаганда.

**Fisher,
Ставрополье**

Что такое сексизм?

Сексизм — это идеология, которая утверждает неравное положение и разные права мужчин и женщин. Если управляют мужчины — это патриархат, а если женщины — матриархат. В настоящее время все известные общества в мире — патриархальные, следовательно, сексистские.

Сексизм — это вид дискриминации, соответствующий всем известным фашизму и расизму, только при фашистском или расистском режиме люди разделены на разные категории по расе, а при сексизме — по половому признаку. Разница также в том, что, в отличие от расизма и фашизма, сексизм никогда не вызывал людей на массовый кровавый бой, вооруженный конфликт и т. п. Сексизм существует на более личном уровне. Например, изнасилование считается наказуемым преступлением, а изнасилование жены мужем считается личным семейным делом, которое других не касается. Часто на сексизм не обращают внимание или его значением пренебрегают.

Не только некоторые личные отношения, но и структура нашего общества весьма патриархальна: руководством, высокооплачиваемой и высокооцениваемой работой занимаются в основном мужчины; за ту же работу, что и мужчины, женщина получает меньше; домашним хозяйством занимается, как прави-

ло, женщина, и т. д. Хотя это положение очевидно несправедливое, многие к нему так привыкли, что не хотят ничего менять.

Сексизм так глубоко укоренен в нашей культуре, в нашем обществе, в нашем сознании, что его часто просто не замечают. Нас всех воспитывают в духе сексизма с раннего детства. Если не родители, то, по крайней мере, окружающая среда, общество и традиции приучают мальчиков играть с машинками, а девочек — в куклы. Далее, юноши должны быть сильными и смелыми, а девушки обязаны следить за фигурой, и, наконец, мужчины должны содержать семью экономически, а женщины — следить за порядком в доме.

Основания такого порядка вещей надо искать в истории: раньше было выгодно, чтобы мужчина занимался дела-

ми вне дома (например, охотой), а женщина сидела на месте с детьми. Это деление было практично и основывалось на физических различиях полов (мужчина сильнее, только женщина может рожать). На эти различия ссылаются и сейчас некоторые сексисты. Они утверждают, что отказываться от такого разделения ролей противоестественно, даже если сейчас физические различия уже не играют такой важной роли, как раньше. Другие сексисты тоже оправдывают свои взгляды биологией, но еще более непосредственно: они считают, что женщины по своей природе менее рациональны, менее логичны, чем мужчины, и поэтому заслуживают более низкого положения.

Как бы это ни объясняли, оправдание сексизма звучит надуманно. У проблемы явно социальная основа, и это можно доказать хотя бы тем фактом, что уже далеко не все согласны с неравноправием полов, меньше становится тех, кто бы хотел добровольно подвергаться дискриминации. Крепче всех за сексистский режим держатся, конечно, те, кому это выгодно. Но перемены зависят от каждого из нас. Смотрите вокруг, думайте, действуйте. Начать нужно с себя, уничтожайте сексиста в себе и в других!

Туули

ХРОНИКА

Семинар в Нальчике

17–19 марта в Нальчике прошел семинар «Ненасильственное разрешение конфликтов», организованный Центром миротворчества и общественного развития. В санаторий «Радуга», где проходил семинар, приехали представители Северной Осетии, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Абхазии и Центральной России. Организаторы и преподаватели были из Англии, Дании и Норвегии. Казалось бы, участников семинара должно было разделять множество барьеров — языковой, религиозной, политической. Но то ли эти барьеры и вправду выдуманы, то ли просто о них забыли, но обстановка была поразительно теплой и дружеской. Из 25 человек, участвовавших в семинаре, не было ни одного, который был бы мне неприятен. Может быть, народу было мало, а может быть, идея миротворчества просто не может объединить «плохих» людей.

Первое собрание состоялось еще 16-го вечером. Все собрались в холле санатория и по очереди рассказывали о себе и об организации, которую представляют. Организации были в основном бла-

готворительные или правозащитные. После этого нам предложили вообразить, что ковер на полу — это карта мира, и занять на ней свое место. Потом каждая страна и республика изображала свой символ. За полчаса перед нами предстали самые различные животные, в том числе единорог, снежный барс и, разумеется, двуглавый орел. Я чуть не свернула себе шею, изображая правую голову. Хорошо, что из Центральной России нас было трое — хватило на обе головы и на крылья.

За три дня работы мы успели и побывать в роли участников переговоров, и испытать на себе преимущества посредничества (разумеется, все в ролевых играх). В самом начале, выполняя первое задание и рассказывая о том, чего ожидают от семинара, почти все пришли к выводу, что надо выработать стратегию совместных действий, чтобы творить доброе и вечное. И мы ее выработали. Правда, пока что в проекте, точнее, в пяти проектах, но я верю и надеюсь, что она претворится в жизнь. Тем более что все темы очень актуальны: детский ла-

герь на Кавказе, бесплатные юридические консультации (сейчас на Кавказе очень мало правозащитных организаций), проект «Милосердие».

Удивительно, каким полезным и плодотворным оказался семинар, на котором оба преподавателя говорят по-английски, а половина участников — только по-русски. Во многом это заслуга нашей замечательной переводчицы, которая, по-моему, работала без остановки круглые сутки. Но не последнюю роль здесь сыграло и желание людей услышать, понять, научиться. И действительно, на заключительной встрече люди вставали и говорили, что с их кавказским темпераментом было очень полезно узнать и, главное, самим попробовать разрешать конфликты ненасильственными методами, взглянуть со стороны на сами конфликты, понять их структуру. Хотя кавказский темперамент здесь ни при чем: мне с моим некавказским темпераментом было не менее ценно все это узнать, увидеть и попробовать.

Таня

ХРОНИКА

Дело Неверовского

25 ноября 1999 года городским судом Обнинска (Калужская область) 26-летний правозащитник Дмитрий Неверовский был приговорен к двум годам лишения свободы по статье 328 УК. Поражает открыто политический характер процесса. Дима, объясняя свое нежелание служить в армии, заявил, что считает войну в Чечне преступной; армия, по его мнению, является продолжением политики и выполняет функции полицейских сил. Ответом на его слова стал обвинительный приговор, который противоречит определению Конституционного суда РФ от 22 мая 1996 года. В этом определении говорится, что «действия граждан, реализующих свое право на альтернативную гражданскую службу, не могут расцениваться как уклонение без уважительной причины от военной службы... стремление гражданина реализовать свое конституционное право не запрещенными законами способами во всяком случае не может служить основанием для возбуждения против него уголов-

ного или иного преследования». Этот приговор противоречит Конституции РФ. Противоречит Всеобщей декларации прав человека. Но в первую очередь он противоречит тому, что суд должен быть беспристрастным. Какая тут беспристрастность, если после того, как 8 февраля кассационный суд отменил приговор и отправил дело на повторное рассмотрение обратно в Обнинск, Дмитрия оставили в СИЗО. Видимо, судьи забыли, что мера пресечения — это не мера наказания и что мера пресечения определяется в судебном порядке. На этом же суде не было сказано ни слова о мере пресечения, хотя, чтобы назначить мерой пресечения содержание под стражей, требуются доказательства того, что обвиняемый может скрыться от правосудия. В ответ на вопрос Татьяны Котляр, матери Неверовского и его защитника: «А что с мерой пресечения?» — суд посоветовал ей спросить это у адвоката (кроме Татьяны Михайловны Диму защищал Давид Слитинский, профессиональный адвокат). Сам Слитинский тоже очень удивился и сказал, что первый раз видит такое: о мере пресечения говорят всегда.

3 марта Обнинский городской суд отправил дело на дополнительное расследование и предложил Дмитрию пройти психиатрическую экспертизу. Неверовский снова был оставлен в СИЗО. При этом суд проигнорировал множество личных поручительств — от депутатов Госдумы, уполномоченного по правам человека, главы Законодательного собрания Обнинска, местных депутатов и известных правозащитников. После этого суда Дмитрий подал жалобу на определение суда об отправлении дела на доследование. И только 18 апреля, после рассмотрения этой жалобы в кассационном суде, Неверовский был наконец-то освобожден из тюрьмы: меру пресечения изменили на подписку о невыезде. Само дело осталось на той же стадии — судьи решили, что определение обоснованно.

Остается только надеяться, что представители нашей Фемиды вспомнят о том, что существует Конституция и что она «закон прямого действия».

Таня

Книжкино ревью

Ковалев С. А. Прагматика политического идеализма. М.: Институт прав человека, 1999. 352 с.

Книга Сергея Адамовича Ковалева, изданная к его семидесятилетию, представляет собой коллекцию статей и выступлений автора за последние семь лет. Каждая главка писалась по особому случаю, в конкретные исторических обстоятельствах, поэтому содержание книги несколько фрагментарно, схожие мысли разбросаны по разным разделам и в результате, конечно, труднее составить о книге целостное впечатление. С другой стороны, такая мозаичность приводит к тому, что мы словно бы путешествуем с автором во времени, причем проделываем этот путь не один раз, читая по очереди каждый из пяти разделов книги и размышляя вместе с ним о различных аспектах нашей недавней истории. В итоге читатель получает возможность вспомнить, что происходило со страной в эти семь лет, сравнить свои воспоминания с тем, как оценивал те или иные события Сергей Адамович, и, вероятно, по-новому оценить некоторые вещи.

Самое симпатичное в книге — это, пожалуй, удивительная цельность позиции ее автора. Он вовсе не претендует на роль пророка, который никогда не ошибается, — напротив, признание и критический анализ собственных ошибок стали одним из лейтмотивов книги. Главное в том, что и достижения, и ошибки, и их последующая критическая оценка определяются ясно сформулированной гражданской позицией «прагматического идеалиста» Ковалева, которая, в отличие от его мнения по текущим политическим вопросам, остается неизменной.

В основе этой гражданской позиции, конечно же, диссидентский опыт Сергея Адамовича: он был одним из издателей правозащитного самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий» и был осужден в 1974 году за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Свой срок — семь лет лагерей и три года ссылки — Ковалев отбыл полностью и освобожден как раз накануне начала горбачевской перестройки. Однако этот «страдательный» опыт в случае Ковалева дополняется еще и опытом активной политической деятельности в качестве одного из ли-

деров партии «Выбор России» и демократического движения в целом, депутата Государственной Думы, а в 1994–1995 годах — первого в истории России уполномоченного по правам человека, снятого Думой с этого поста за «чрезмерный» либерализм и резкую критику первой чеченской кампании.

Говоря о прошлом, Сергей Адамович не пытается оправдаться в том, что он сделал как политик и общественный деятель, хотя, как думают сегодня очень многие, ему есть в чем оправдываться. Он по-прежнему считает, что был прав, поддерживая президента Ельцина в его конфликте с Верховным Советом в 1993 году. «Я полагал, — пишет Ковалев в открытом письме Ельцину в январе 1996 года, — что применение силы было в тот момент роковой необходимостью перед лицом грозившей вот-вот вспыхнуть гражданской войны». Конечно, это рискованное решение было основано на личном доверии президенту, которое тот не оправдал: в результате октябрьских событий, как и боялся Ковалев, власть начала «воспринимать насилие как удобный и привычный инструмент для разрешения собственных трудностей» (с. 184). Однако тем, кто сегодня оплакивает «растрелянный парламентаризм», не мешало бы подумать о реальных альтернативах, существовавших в тогдашней России. Если даже нынешняя, относительно демократическая, конституция все больше превращается в фиговый листок российского авторитаризма, то до чего могла бы докатиться страна, живя по конституции Хасбулатова и Руцкого, которую сорвавшийся с цепи Верховный Совет мог перекраивать по своему усмотрению? И можно ли считать парламентом «представительный» орган, созданный в результате «условно свободных» выборов и добивавшийся фактически узурпации всей полноты государственной власти? Подобные ситуации вообще нельзя оценивать с позиций формальных учений о парла-

С. А. Ковалев

ентской демократии и разделении властей. С точки же зрения реальной политики танки на московских улицах — еще не самое страшное, что могло с нами случиться в октябре 93-го. Ковалев не снимает с себя ответственности ни за поддержку Ковалева в начале девяностых, ни за упущенные возможности для подлинно демократических преобразований. Его позиция, однако, состоит в том, что раскаиваться нам всем нужно не в «неправильно» отданном на очередных выборах голосе: все гораздо сложнее и драматичнее. Наша — всех российских граждан, и гражданина Ковалева в частности, — главная вина состоит в том, что мы провели последние десять лет в ожидании «хорошего секретаря обкома». Сергей Адамович как воспроизводит образ мыслей типичного демократа времен поздней Перестройки: «Теперь мы это плохое правительство свергнем и на его место посадим новое правительство — антикоммунистическое. Оно нам даст вдоволь свободы, демократии и прав человека. Оно будет править нами по справедливости, и все у нас в России станет хорошо». Именно господство патернализма в российской политической культуре, наша вечная надежда на «доброе царя», на прибавку к жалованью и нежелание самостоятельно добиваться своих прав, ни экономического благополучия и приводят российскую демократию к медленной и мучительной смерти. Ковалев снова повторяет Ковалев «азбучные истины, хорошо знакомые каждому грамотному человеку. О том, что свободу никто подарить человеку не может. И что никто не может поешать человеку быть свободным, если он решил принять на себя эту обременительную ношу [...]. О том, что справедливости не ждут от начальства. [...] О том, что «демократическая власть» — это вовсе не то же самое, что «хорошая власть». [...] Власть может быть хорошей, плохой или средней — но она такая, какой ее выбрали мы с вами» (с. 211).

Вопрос о личной ответственности человека в политике, о допустимости компромиссов — вообще из разряда сложнейших, и ответ на него каждому из нас приходится искать самостоятельно. Именно каждому, даже тем, кто предпочитает «не мешиваться», поскольку — еще одна азбучная истина — сотрудничество также представляет собой результат политического выбора. Насколько последовательно делает свой выбор Сергей Ковалев? Не означает ли его решение войти в избирательный список Союза правых сил отступление по сравнению с жесткой позицией, занятой накануне президентских выборов 1996 года? Ведь к сегодняшним Чубайсу и

Кириенко, Немцову и Хакамаде, которые поддерживают Путина несмотря на войну, милитаристские замашки президента и его заигрывание с коммунистами, как ни к кому более применимы сказанные еще в январе 96-го слова Ковалева о том, что «маски прирастают, и прирастают необратимо!» Именно за это решение критиковали его многие уважаемые единомышленники, например Елена Боннэр. Впрочем, Сергей Адамович уже ответил на эту критику, и здесь не место рассуждать о том, насколько убедительной была его аргументация. В конце концов, каждый из нас имел в декабре свободу выбора — голосовать ли хотя и за СПС, но с Ковалевым, за «Яблоко», хотя и со Степашиным, или вовсе не ходить на избирательный участок.

Когда читаешь книгу сегодня, после решений, принятых Парламентской ассамблеей Совета Европы, и выступлений Сергея Адамовича на сессии ПАСЕ, невозможно отделаться от горького ощущения личной драмы этого человека, который опять остался в одиночестве, но не изменил своим принципам. Ковалев выступал против принятия России в Совет Европы в 1996 году, когда еще шла война в Чечне. Естественно, он выступает за исключение России сегодня, когда в разгаре новая война, гораздо более бесчеловечная хотя бы из-за той националистической истерии, которую она породила в обществе. Сегодня в Ковалева плюют те, кто еще год назад, во время бурных торжеств по случаю пятидесятилетия Совета Европы, клялся в верности России основным принципам этой организации, а сегодня уверяет нас, что вступление в нее не принесло нашей стране ничего, кроме необходимости платить членские взносы. Но такие нападки Сергею Адамовичу с его обширным горьким опытом, наверное, пережить легко. Гораздо печальнее читать те места в книге Ковалева, где он осуждает российские власти за первую чеченскую кампанию, постоянно ссылаясь на то, что война не пользуется общественной поддержкой. Сегодня Ковалев продолжает говорить о преступлениях, совершаемых властями в Чечне, заранее зная, что подавляющее большинство соотечественников теперь радостно сомкнуло ряды в едином стремлении «раздавить гадину терроризма». Речь даже не о мужестве, которое требуется для подобных выступлений. Речь о том, что если голос одинокого диссидента так и не будет нами услышан, его личная драма может стать нашей общей трагедией.

В. Игнатьев

ВПЕРЕД!

Швендтер Р. Утопия. Берлин, 1994.

После прочтения «Утопии» Рольфа Швендтера (Берлин, 1994) нельзя не прийти к заключению, что отсутствие утопических идей ограничивает возможности развития немецкой культуры — или западной культуры в целом. Книга безусловно имеет большое значение для антифашистской теории и для попыток решения проблем современного мира.

Прежде всего, привлекает объем книги — всего 120 страниц. Слегка мешает социологическая терминология, но системный подход, ясно сформулированные тезисы, снабженные подходящими примерами, дают немало пищи для размышления. По мнению Швендтера, как утопические, так и антиутопические истории берут начало в одном и том же реалистическом подходе к настоящему и будущему. Но именно настоящее в большей мере определяет набор альтернатив для будущего: утопии представляют способ решения сегодняшних проблем в реальности завтрашнего дня. Швендтер проводит четкую границу между теми утопиями, которые обосновывают идею децентрализации, и теми, которые исповедуют более иерархический подход.

Одна из задач книги — покончить с пережитками холодной войны в политическом мышлении. Швендтер критикует социал-демократов за отказ от социалистических утопических идей, для оправдания которого они использовали крах советского «реального социализма». С другой стороны, он однозначно отказывается от марксистского понятия класса. По его мнению, сегодня можно выделить сотни различных социально-экономических групп (или классов) по сравнению с несколькими, существовавшими во времена Маркса.

Вызывает симпатию то, как Швендтер пишет о некоторых современных утопических историях, созданных за последние 25 лет. Все они делают упор на так называемую идею децентрализации, и многие из них — за исключением в первую очередь социализма — основываются на экологических, феминистских и психоаналитических теориях. Среди всех утопий больше всего похвалы и критики выпадает на долю Боло-Боло (см. «Тум-балалайку» № 6). Более всего Швендтер осуждает то, что в этой книге суицид и эвтаназия предстают как право человека.

Швендтер доказывает, что процесс создания утопии должен стать более демократичным. В качестве образца он приводит пример так называемых «мастерских будущего», кото-

рые устраивались в Германии и имели целью создание общей утопии. Мастерская будущего состоит из трех частей: критической, в ходе которой участники выделяют то, что необходимо изменить; утопической, где вырабатываются решения; и стратегической, когда участники составляют план реализации своей утопии. Примером того, как такая утопия может быть реализована, служит анархистский «проект А» в Германии. В трех городах анархисты создали социально-экономическую инфраструктуру мастерских и коммун в соответствии с планами, разработанными в мастерских будущего.

Утопия, однако, это не только план создания лучших условий для себя самих. Это вопрос активного вмеша-

тельства в повседневные проблемы, с которыми сталкивается человечество. Именно здесь антифашисты и утописты находят точку соприкосновения. Швендтер указывает в качестве вопросов, настоятельнейшим образом требующих утопического решения, все более серьезные проблемы детей в западном мире, растущую бедность миллионов людей, вызванную капитализмом, отсутствие альтернатив современному государству как инструменту решения проблем и фашизм, который он называет «спиралью ненависти». Швендтер предупреждает об опасности фашистских и новых правых утопий, которые становятся все влиятельнее в Западной Европе. Более того, он напоминает тем людям на Западе, которые исповедуют идеалы либерализма, социализма, христианства и ислама, о неспособности этих идеологий справиться со своими негативными последствиями. Для Швендтера гуманизация политической фантазии выступает в качестве абсолютной необходимости.

Сегодняшняя политическая фантазия, как кажется, сводится к фантазии слабых президентов вроде Клинтона, Путина или Ширака. Нам, видимо, нечего ждать от них, кроме все более жестокого оружия для все более жестоких войн, которые служат росту их власти и славы. И политикам, и простым людям сегодня недостает утопии, мечты, и это превращает и Россию, и западный мир в корабль без руля и без ветрил, качающийся на вечно повторяющихся друг друга волнах в море, где нет течений. Рыночный капитализм должен якобы служить двигателем этого корабля, а технологические новшества — поддерживать его на плаву. В самом деле, мы пока еще держимся на поверхности, еще не погрузились в море наших проблем.

Дискуссия об утопиях среди антифашистов наверняка имела бы смысл, так как мы слишком часто ограничиваемся реагированием на фашизм и его симптомы, вместо того чтобы попытаться докопаться до корня проблем. Конечно, многие люди прячутся за идеологией или религией, предлагая свои решения. Но, если следовать логике Швендтера, мы должны выйти за идеологические и религиозные рамки.

Когда речь идет о борьбе с ненавистью и конфликтами с точки зрения утопических перспектив, мы оказываемся в сфере социологических и психологических экспериментов. В обществе будущего человеческий фактор должен определять социальные процессы. Мы должны работать над стратегией, способной убедить наше общество в необходимости искать людей, которые, вместо распространенной сегодня тактики устрашения, умели бы справляться с нашими проблемами.

Если антифашизм не сможет серьезно подойти к решению проблемы фашизма в прошлом, настоящем и будущем, нам придется лишь обреченно смотреть, как на историческую сцену вступают новые диктатуры, принося с собой войны и геноцид. Вот почему эта статья прежде всего — приглашение присоединиться к дискуссии об утопиях.

Братик

Внимание!

Газета «Тум-балалайка» начинает работу по сбору информации о нарушении прав человека по отношению к цыганскому населению РФ и бывших республик СССР. Просим всех, кто знает о фактах дискриминации, нарушении прав и незаконных преследованиях цыган, присылать эту информацию на наш почтовый адрес.

7–8 ноября газета «Тум-балалайка» проводит семинар на тему «Дискриминация людей с психическими и физическими особенностями. Проблемы интеграции». Подробности можно узнать у издателей газеты или в обществе «Мемориал» (адрес и телефон библиотеки).

**В помещении общества «Мемориал»
работает**

антифашистская библиотека

В фондах библиотеки хранятся книги по проблемам фашизма, нацизма, тоталитаризма, правозащитная литература.

Имеется уникальная коллекция антифашистских периодических изданий, выходящих в России, Великобритании, Германии, Франции, Швеции, Норвегии, Дании.

Библиотека открыта в понедельник и среду с 11 до 17 часов, в четверг с 14 до 20 часов.

Справки по телефону 314-23-68 (добавочный 3).

Адрес: Разъезжая ул., д. 9 (вход со двора)

Учредитель: Санкт-Петербургское общество «Мемориал»
191002, Санкт-Петербург, Разъезжая ул., 9

Отпечатано при поддержке общественной организации
«Гражданский контроль» 191186, Санкт-Петербург,
Малая Конюшенная ул., 5

Адрес редакции: 189620, Санкт-Петербург, Пушкин-1, а/я 8,
Ежовой Е. Т.
<http://igel.da.ru>
Тираж 800 экз.

Любые перепечатки приветствуются.
Просим по возможности ссылаться на источник.